

КРИСТИНА АЗИМУТ

18+

ЖЕНА
ДЛЯ ДВОИХ

В КЛЕТКЕ ГРЕХА

Я стала игрушкой для двух демонов, один из которых мой сводный брат, а за второго мне пришлось выйти замуж. Они открыли для меня новые грани греха, утянули в пропасть порока, что чернее ночи, и я попала в клетку, из которой нет выхода. Я почти смирилась... Спасение пришло, откуда его совсем не ждали, и вечер в честь свадьбы подарил мне надежду на свободу. Смогу ли сбежать, избавиться от тёмной зависимости от демонов? Я хочу в это верить, ведь мой спаситель показал, что такое настоящее наслаждение, не приправленное стыдом и непристойностью. И я не хочу больше возвращаться к тем, кто не умеет любить, а знает лишь, что такое порочная страсть. Я хочу стать счастливой и забыть тот кошмар, в который меня погрузили демоны... **ВНИМАНИЕ: МЖМ**

АННОТАЦИЯ

Я стала игрушкой для двух демонов, один из которых мой сводный брат, а за второго мне пришлось выйти замуж. Они открыли для меня новые грани греха, утянули в пропасть порока, что чернее ночи, и я попала в клетку, из которой нет выхода. Я почти смирилась... Спасение пришло, откуда его совсем не ждали, и вечер в честь свадьбы подарил мне надежду на свободу. Смогу ли сбежать, избавиться от тёмной зависимости от демонов? Я хочу в это верить, ведь мой спаситель показал, что такое настоящее наслаждение, не приправленное стыдом и непристойностью. И я не хочу больше возвращаться к тем, кто не умеет любить, а знает лишь, что такое порочная страсть. Я хочу стать счастливой и забыть тот кошмар, в который меня погрузили демоны...

Джеффри легко поднялся на второй этаж и зашагал по знакомому мне коридору. Дверь в спальню была прикрыта, как я отметила, а в гостиной, где мы завтракали, уже убрали со стола. Значит, слуги здесь появлялись, как и обещал Джонас. Мои пальцы скользили по гладкому ободку, не пытаясь снять его — фаланга побаливала и покраснела от моих усилий. Сознание застыло в оцепенении, всё ещё не принимая тот факт, что я только что вышла замуж. За кого?.. Сглотнув и не глядя на... мужа, всё-таки рискнула тихо спросить, пока мы шли дальше:

— Джеффри... а что за гости?

Боже, я не смогу смотреть им в глаза и улыбаться, вести себя по-светски, зная, какая я на самом деле... грязная. Развратная. Как извивалась от непристойных ласк, как просила ещё, умоляла взять меня снова и снова. Тело облила жаркая волна, и соски под тонким кружевом проступили отчётливее, налившись болезненной истомой.

— Не волнуйся, любовь моя, это будет... празднование в узком кругу, — со странным предвкушением мурлыкнул Джефф на ухо, его язык пощекотал шею чуть пониже, родив россыпь мурашек. — Мои близкие знакомые.

Страх кольнул острыми иголочками, в горле пересохло. Любопытство смешалось с беспокойством, сердце суматошно забилось в груди. Отчего-то зрела уверенность, что на светский вечер это не будет похоже. И то, что случилось вчера вечером и сегодня, это лишь... начало. Тем временем, Джеффри остановился перед дверью в самом конце коридора, толкнул её ногой и переступил порог. Я огляделась, и дыхание сбилось, а глаза широко раскрылись: комната выглядела... странной. Откуда она здесь появилась, я же знаю наш дом! Плотные, бархатные шторы чернильно-чёрного цвета закрывали окна, не пропуская ни единого луча света. В камине тлели угли, и сумрак от этого казался гуще. Ни свечей, ни светильников. Посередине — большая кровать с кованым изголовьем, и мой взгляд застыл на узких шёлковых лентах, прикреплённых к завитушкам. Кроме этого здесь ещё находилось несколько странных приспособлений, применение которым ошарашенное сознание никак не могло придумать. Конструкция с перекладной вверху, на концах которой находились кожаные наручники, и внизу — точно такая же палка. В углу — шкафчик с множеством отделений. Два кресла около камина.

— Мари, любимая, — прошептал горячо Джеффри, поставив меня на пол, и прижался к моей спине, давая почувствовать степень своего возбуждения. Его ладони скользнули на мою грудь, обняли и мягко сжали. — В этой комнате действуют определённые правила, и я сейчас расскажу их тебе.

Правила. Опять правила. Его пальцы проникли под ткань, нежа бутоны сосков, и моё дыхание мгновенно сделалось прерывистым и частым. Джонас отошёл к шкафчику и что-то там делал, не глядя на нас. Я снова посмотрела на перекладки и наручники, и мелькнула мысль о пытках. Сладких, порочных пытках удовольствием на грани и за гранью. И скоро меня с ними познакомят... Живот подвело от приступа тягучего, пряного нетерпения и вожделения. Господи, я этого хотела. Я хотела узнать, что меня здесь ждёт. Все раздумья о предстоящих гостях и вечеринке в честь моей свадьбы вылетели из головы. Глаза не отрывались от наручников, пока Джефф продолжал тихо шептать на ухо, дразня мою грудь:

— Здесь ты имеешь право разговаривать, только когда я или Джон тебя о чём-то

спрашиваем. Ты должна называть меня и его «мой Господин», поняла? — строго спросил муж и вдруг больно ущипнул ставшие слишком чувствительными вершинки.

С моих губ сорвался тихий вскрик, я поперхнулась вдохом и тут же послушно ответила:

— Да... мой Господин.

Рабыня. Здесь я — рабыня для порочных утех, без права голоса и своих желаний. Собственно, они давно уже стали нашими общими, меня, Джонаса и Джеффри. Телс покорно выгнулось в руках супруга, я прикрыла глаза и прикусила губу, медленно погружаясь в тёмное болото вожделения, пробудившегося от прикосновений Джеффа. Да и уходило ли оно?..

— У-умница, — мурлыкнул он и вдруг отступил, отпустил меня, оставив чувство лёгкой растерянности и разочарования. — Ты должна выполнять всё, что мы скажем, Мари-и, без возражений.

Я замерла, боясь пошевелиться и оглянуться, чутко прислушиваясь к тому, что происходило за спиной. Тихие шаги, шорох, и повелительный голос Джеффри:

— Развернись, подойди и разденься.

На подгибающихся ногах, опустив глаза в пол, я подчинилась. Приблизилась, остановилась рядом с креслом, в котором, небрежно развалившись, сидел Джеффри, и дрожащими пальцами начала распутывать ленточку на шнуровке платья. Плотная, тяжёлая тишина давила на уши, заставляла напрягать слух, улавливая малейший звук. Что всё-таки делал Джонас?..

— Ну, Мари, расскажи, чем вы тут с Джоном занимались, пока я устраивал нашу свадьбу, — с ленивой усмешкой произнёс Джеффри, медленно оглядел меня, отчего жар в теле усилился, и потянулся к бутылке на столе. Плеснул себе вина, тёмного, почти чёрного, пригубил.

Я, справившись с лентами и распустив шнуровку, освободила плечи от платья, потом спустила его с груди. Вдруг вернулся стыд, обливший горячим до кончиков пальцев ног. Рассказать, да...

— Джон... привёл меня в кабинет, — тихим, срывающимся голосом начала я, мучительно краснея от всплывших в памяти картинок. — Он сказал, что... давно мечтал увидеть там меня, на столе, — лицо уже пылало, а внизу живота разливался жидкий огонь, подогревая возбуждение.

Господи, я снова хотела оказаться на том столе, и чтобы Джонас делал со мной все те вещи. Стыд смешался со сладкой истомой, и я задрожала сильнее, стиснув бёдра в неосознанной попытке усилить вспыхнувшие ощущения.

— Дальше, — кивнул Джеффри, его глаза в полумраке комнаты заблестели, и показалось, в них снова плавают золотые искры... — Снимай платье, любовь моя, — напомнил он о своём приказе. — побыстрее, жена, — последнее слово он произнёс с двусмысленной усмешкой, отчётливо смакуя его.

Поспешно кивнула, потом вспомнила о правилах этой комнаты и пролепетала:

— Да, мой Господин, — и выпуталась из рукавов, позволив невесомой ткани скользнуть вниз, окутать ступни лёгким облаком.

Мне нравилось так называть Джеффри, вдруг осознала, от неожиданности замерев и уставившись перед собой невидящим взглядом. От этих слов внутри всё трепетало и ликовало, готовое подчиниться, в самом деле выполнить любой приказ. Любое желание. Даже самое порочное и тёмное...

— Я попросила сделать мне приятное, — продолжила рассказывать, стоя перед бесстыдным взглядом Джеффа полностью обнажённой. — Как... вы просили, мой Господин, — добавила, невольно сжав кулаки и мелко дрожа.

— Хорошая девочка, — благосклонно кивнул муж и скомандовал. — Подойди и опустишься на колени, раздвинь их и убери руки за спину.

Я не понимала, что со мной происходит. Почему я жажду подчиниться, забыв про остатки гордости, забыв вообще про всё. Послушно подхожу ещё ближе, сажусь на пол, как мне приказали — пушистый ковёр был мягкий и не давал замёрзнуть. Раздвигаю колени широко, как могу, открывая себя и показывая красноречиво влажное лоно. Сцепляю руки за спиной и поднимаю глаза на Джеффри... Умирая от желания, чтобы он прикоснулся ко мне, хоть как-нибудь.

— Что ты попросила Джонаса, любовь моя? — мягко продолжил допрос муж, наслаждаясь происходящим. — Что ты хотела, чтобы он сделал с тобой?

Об этом говорила его довольная, порочная улыбка, и отчётливо мерцавшие золотистой дымкой глаза. Не отрывая от меня взгляда, он снял камзол и начал медленно расстёгивать рубашку.

— Я хотела, чтобы он приласкал меня... между ног, губами и языком, — тихим шёпотом, сгорая отпряного стыда и возбуждения, послушно ответила.

Поймала себя на том, что чуть не задвигала бёдрами, вспомнив, что делал со мной Джонас в кабинете. Нежная плоть вспыхнула огнём, требуя внимания, и пришлось до боли стиснуть пальцы за спиной. Я готова была сделать это сама, лишь бы унять голодный огонь, пожиравший изнутри... Но мне никто не давал разрешения на это, и я продолжала смиренно сидеть, глядя на Джеффри и кусая губы в попытке удержаться от тихого, беспомощного хныканья.

— М-м-м, — протянул муж, откровенно разглядывая мои раздвинутые ноги. — И как, Мари, любовь моя? Ты кричала, просила ещё?

— Да, мой Господин, — охрипшим голосом послушно ответила, облизнув губы и умирая от желания повторить эти ощущения. — Мне... очень понравилось...

Голова слегка закружилась от наполнивших эмоций, они бурлили в крови, опаляли изнутри и стекали в низ живота раскалёнными ручейками. Тело задрожало сильнее, я неосознанно выгнулась, а мышцы сжались, послав острую молнию удовольствия.

— И что потом, Мари-и? — тягучим, низким голосом спросил Джефф, гипнотизируя взглядом.

— Он... он уложил меня на стол, — я поймала себя на страстном нетерпении рассказать в подробностях, как мне было хорошо, шалея от собственных слов и покорности, и продолжила. — И... вошёл в меня...

Джеффри подался вперёд и одарил таким голодным взглядом, что я едва не отшатнулась, между ног всё свело в сладкой судороге возбуждения.

— Как Джон тебя трахнул, любовь моя? — вкрадчиво спросил муж, и я отметила, что его голос тоже охрип. — Куда он поимел тебя, а-а?

После этих развратных, пошлых слов я тихо застонала, уже не в силах удерживать эмоции. Возбуждение накатило такой сильной волной, что на несколько мгновений сбилось дыхание. Я хватала ртом густой, плотный воздух, проталкивая его в лёгкие.

— Сп-переди, м-мой Господин, — выдохнула наконец, тёмный восторг от осознания собственной порочности накрыл с головой.

Мой муж шумно выдохнул и вдруг резко поднялся, отчего я вздрогнула. Сердце метнулось к горлу, замерло там на несколько мгновений, а потом ухнуло обратно и затрепыхалось в животе. Ладонь Джеффри легла на макушку, провела, а потом пальцы зарылись в мои волосы и крепко их сжали, оттягивая мою голову назад. Сильно, до боли. Он наклонился, пригвоздив меня своим взглядом, в котором плескалось расплавленное золото, и с предвкушением ухмыльнулся.

— И ты просила взять тебя ещё и ещё, не так ли, Мари-и? — со странным восторгом спросил он, проведя пальцем по моим приоткрытым, дрожащим губам.

— Да, просила, — покорно призналась, окончательно потеряв себя.

Боже, ко мне ещё не прикоснулись, даже не поцеловали, а я уже готова отдаться, просить и умолять, чтобы сделали хоть что-нибудь, чтобы унять пожар вожделения, плавивший кости и превращавший тело в податливый воск.

— Чудненько, — промурлыкал Джеффри и выпрямился, отпустив мои волосы, а потом скомандовал. — Поднимись.

Я подчинилась, едва держась на подгибавшихся коленках. И ведь это я ещё не рассказала, что было дальше, когда мы ушли из кабинета... При воспоминании о том, как член Джонаса двигался в моём рту, как я послушно облизывала его и принимала в себя, из груди вырвался беспомощный всхлип, и я зажмурилась. Пучина тёмного вожделения затягивала всё глубже, стремительнее. Господи, прости, я готова была повторить, неважно с кем, с Джеффри или с братом.

— Подойди к Джону, — последовал приказ, и я развернулась, увидев, что Джонас стоит около той самой странной конструкции с перекладинами и наручниками.

Ладонь мужа огладила мою попку и чувствительно сжала, а потом легонько подтолкнула в ту сторону. Я приблизилась, с трудом передвигая ноги и даже не пытаюсь представить, что же меня ждёт. Встретилась взглядом с Джоном... Он тоже горел золотом, а в хищной усмешке крылось обещание удовольствия во сто крат сильнее, чем всё, что я испытывала до того. Боже... Выдержу ли я?

— Подними руки, малышка, — глубоким, низким голосом приказал Джон, и я послушно выполнила.

В полной тишине мои запястья обхватили мягкие, кожаные манжеты наручников, притянув к перекладине, и тело вытянулось в струнку. Беспомощность. Я снова не могла пошевелиться, и снова не страх пощекотал изнутри невидимыми усиками, а... предвкушение. Внизу Джеффри между тем проделал то же самое с моими ногами, расставив их и застегнув такие же кожаные браслеты на лодыжках. Я оказалась распятой, растянутой, доступной и обездвиженной. Дрожащей от возбуждения, покорной и готовой к новым граням порочного наслаждения. Мне предстояло познать новые глубины порока... И я с нетерпением ждала этого. Джеффри обошёл меня и остановился, медленно оглядев, кивнул, не переставая улыбаться. Джонас скрылся из моего поля зрения, родив всплеск слабого беспокойства: что же дальше?..

— Мари, продолжай, — мягко произнёс Джефф, скрестив руки на груди. — Что дальше делал с тобой брат?

Я сглотнула, с отчаянием глядя на него. Он же видел, сам. Стоял и смотрел, как Джон

имеет мой рот, как я послушно облизываю и с восторгом принимаю его плоть. И... Джеффри хотел, чтобы я рассказала об этом. Пока обрывки мыслей лихорадочно метались в оцепеневшем сознании, я ощутила, как мою шею плотно обхватило что-то, похожее на ошейник. Страх снова лизнул изнутри прохладным языком, я едва не подавилась вдохом, но тут Джефф протянул руку и мягко, едва ощутимо коснулся моих напряжённых, вызывающе торчащих сосков. Обвёл их, не сводя с меня глаз. И я ответила, дрожа и плаваясь от этих нежных ласк:

— Он... отвёл меня в гостиную... Связал руки и... попросил, чтобы... я взяла в рот его член... — голос то и дело прерывался, я часто сглатывала, невольно прислушиваясь к ощущениям.

Джонас что-то делал с ошейником, прикрепил к нему нечто сзади, что невесомо скользнуло по моей напряжённой спине, родив россыпь обжигающих мурашек. Что это?..

— И ты выполнила, да? — вкрадчиво спросил Джеффри, чуть сильнее нажав на розовеющие бутоны, отчего я судорожно вздохнула, прикусив губу. — Отсосала, как следует, любовь моя, так, что Джонас кончил в тебя?

Боже. Эти грязные, развратные слова... Они действовали на меня, как искры на порох. Каждое отзывалось яркой картинкой перед глазами, а за картинками следовали ощущения. Пьянящие, острые, горько-сладкие.

— Да, мой Господин, — едва выговорила непослушными губами. — Всё так и было...

Хотелось беспомощно захныкать, но не от стыда или отчаяния. Меня вновь переполняло возбуждение, такое сильное, что темнело перед глазами. Джеффри шагнул вперёд, оставив в покое грудь, а потом... Его рука нырнула между моих широко расставленных ног, но не прикоснулась. Ухватила то, что свисало с ошейника сзади, потянула вперёд... Мои глаза широко распахнулись, когда я почувствовала, как к влажным и чувствительным складкам прижалось что-то шершавое и грубое, опустила взгляд. Джеффри держал верёвку, и кажется, на ней был узел. Он аккуратно попал на горевший жаром нежный кусочек плоти, и мои бёдра неосознанно сделали непристойное движение, стремясь усилить ощущения. Я уже не задавалась вопросом, что меня ожидало, я... просто покорно ждала продолжения.

Глаза мужа сузились, он натянул верёвку, заставив сдавленно всхлипнуть — узел жёстко потёрся, причиняя боль пополам с удовольствием, и скомандовал:

— Стой спокойно, Мари-и. Теперь приступим к твоему наказанию за непослушание.

Я послушно замерла, дрожа от напряжения. Джеффри прикрепил конец верёвки к ошейнику спереди, так, что верёвка всё так же почти врезалась в мою нежную плоть. Малейшее движение осыпало тело острыми осколками наслаждения, даже простое сокращение мышц... Я задыхалась, изнывая от возбуждения, превратившего тело в комок эмоций, а Джонас, прижавшись к спине, добавил переживаний. Его ладони обхватили мою грудь, пальцы чувствительно ущипнули за и без того нывшие твёрдые вершинки, и с моих губ сорвался тихий всхлип. Я почувствовала, как плеча коснулся горячий поцелуй, и Джон снова ухватил жарко пульсировавшие бутоны, сжал их и оттянул, добавляя боли в водоворот эмоций, захвативших меня. Непослушное тело выгнулось, хотя мне приказали не шевелиться, попкой я ощутила твёрдый ствол Джонаса, а верёвка между ног снова потёрлась об чувствительное местечко.

— Ш-ш-ш, — предупреждающе зашипел Джеффри, и я выплыла на несколько мгновений из горячего тумана возбуждения, тяжело дыша и с трудом сосредоточившись взглядом на муже. — Любовь моя, ты же хотела бы снова сделать это? — мурлыкнул он, и

тут я, к своему ужасу, заметила в его руках кое-что.

Плётка. Кожаная плётка с множеством мягких хвостов, и Джефф с многозначительным видом похлопывал ею по ладони. Это уже не просто шлепки по попе... Внутри всё ухнуло, перемешалось, а когда Джеффри шагнул вперёд, нежно проведя хвостом по моему животу, я едва не отпрянула в панике, мешавшейся со страстью. Но Джонас по-прежнему прижимался ко мне, не давая шевелиться, пощипывал и оттягивал соски, превратившиеся в спелые, тёмно-розовые вишни. Они то и дело постреливали вспышками удовольствия от грубых ласк.

— Хотела бы снова взять в рот, м-м? — продолжил Джеффри непристойный допрос, и всё так же водил плёткой по моему животу.

Губы Джонаса блуждали по моей шее и плечам, и я вдруг осознала, что... к попе прижимается его член, возбуждённый и горячий. Штанов на брате, похоже, уже не было. А ещё, Джон тихонько покачивался со мной вместе, и верёвка, боже, она тоже двигалась. Чуть-чуть, но этого хватало, чтобы у меня перед глазами всё помутилось, и страх перед плёткой в руках Джеффри растворился в волнах огня, расходившихся от пульсировавшей точки между ног.

— Х-хотела бы, мой Господин, — покорно, едва слышно прошептала, прикрыв глаза и уже не понимая, где нахожусь, и что со мной происходит.

Тут же живот обжёг хлёткий, резкий удар, и кожу как кипятком облили. Я вскрикнула, запрокинув голову, беспомощно дёрнулась в путах, и вновь боль смешалась с приступом эйфории от верёвки между ног. Джеффри приблизился вплотную, одарил меня нежным взглядом и так же нежно улыбнулся, пока я хватала ртом воздух и приходила в себя от первого удара. Уверена, не последнего.

— Жена моя, ты очень испорченная девочка, — мягко произнёс он, его ладонь провела по моему бедру, пока пальцы Джонаса, на сей раз ласково, едва касаясь, дразнили набухшие и истерзанные грубыми щипками соски. — И за это я запрещаю тебе кончать. Но ты можешь просить и умолять меня об этом, — добавил он, пока я со сладким ужасом осознавала, какое именно наказание мне приготовили. — И может, я разрешу тебе. Чуть позже.

Он отстранился, и — снова удар, теперь пониже, по бёдрам. Мой глухой вскрик, попытка удержаться на месте и не дать проклятой верёвке потереться об горевшую огнём плоть. И резкий контраст нежных прикосновений к откровенно болевшим вершинкам. О да, это была совершенно новая грань порока, жёстче, глубже, чем раньше. Настоящая боль, от которой кожа горела, будто отхлестали крапивой, и одновременно наслаждение. Меня наказывали этой болью, этим наслаждением, и от невозможности удовлетворить её до конца, испить эту горько-сладкую чашу до дна я сходила с ума. И уже не понимала, отчего слёзы, сознание отказывалось принимать происходившее. Смутно почувствовав, как ладони Джонаса спустились на бёдра, я на мгновение напряглась, и новый удар, теперь по груди.

Я вскрикнула, из горла вырвалось короткое рыдание, и тут же — настойчивые пальцы, проникнувшие под верёвку внизу, скользнувшие по мокрым складкам. Приносящие опьянение и облегчение, всего на миг. Я изо всех сил напрягла мышцы, заставляя себя стоять прямо. Малейшее движение, и тело снова скрутит судорога удовольствия, а мне... мне нельзя. Я балансировала на грани, захлёбываясь в ощущениях, ослеплённая и потерянная. Распятая, беспомощная, в полной власти мужа и моего сводного брата. Они владели мной, моими желаниями, моим вожделением, и умело растравляли их, и я в самом деле была в шаге от того, чтобы начать умолять, униженно упрашивать, чтобы мне позволили. Пальцами, ртом, членом — чем-нибудь утолить тёмный голод, разбуженный ими же. И всё равно, кто

они на самом деле, люди или нелюди.

В какой момент Джонас оказался впереди, а Джеффри зашёл за спину, я так и не поняла. Но — почувствовала. Обжигающий удар по ягодицам, и влажный плен, в который захватил мой сосок жадный рот Джона. Движение верёвки, прикосновение языка к горевшему бутону, зубы, прихватившие твёрдую горошину и оттянувшие её. Тело превратилось в звенящую струну, готовую порваться в любой момент, я хватала ртом воздух, со смесью страха и вожделения ожидая следующего удара... И он последовал. Мой вскрик, вспышка перед глазами, когда узел на верёвке совсем чуть-чуть потёрся о нежную плоть. И жаркий шёпот Джеффри:

— Любовь моя, у тебя есть время подумать, с чего мы начнём, — его пальцы погладили мою истерзанную ударами попку. — С твоего ротика, с моего, или... — выразительная пауза, во время которой уже пальцы Джонаса скользнули дальше под верёвкой, проникая внутрь меня. — Моего члена в тебе, Мари-и.

И снова удар, и одновременно Джон убрал пальцы. Ох. Мир вспыхнул разноцветными огнями, но мне не хватило буквально чуть-чуть, чтобы нарушить приказание Джеффри, и... я лишь порадовалась этому. Уверена, если бы я позволила своему телу ухнуть в пропасть без дна, моё наказание бы продолжилось. Я обмякла, тяжело дыша, кожа покрылась испариной, мелкая дрожь сотрясала непрерывно. Думать о словах Джеффа не получалось, в голове царил звенящая пустота. Ровно до того момента, как снова не раздался голос моего мужа:

— Пожалуй, хватит, любимая. Достаточно с тебя сильных впечатлений.

Я готова была разрыдаться от облегчения, когда Джонас отцепил наконец верёвку от ошейника и принёс кратковременное облегчение. Между ног всё ныло и пульсировало, малейшее прикосновение отзывалось вспышкой сладкой боли, требуя удовлетворения. И я очень надеялась, что всё-таки получу его, просто немного позже. Когда Джеффри и Джон наиграются... Сполна насладятся моими эмоциями. Уже пришло понимание, что именно они нужны моим мучителям, как можно больше, ярче. И тот мятный ликёр... Он помогал мне держаться и не свалиться без сил, потерять сознание. А ещё, похоже, вызывал привыкание, потому что, пока Джонас отстёгивал мои руки, я не могла думать ни о чём кроме прохладного вкуса на языке и в горле. Мне так отчаянно хотелось снова его выпить, что я судорожно закашлялась, не в силах произнести просьбу.

Мои запястья освободились, и я безвольной куклой почти упала в заботливо подставленные объятия Джона, совсем не ощущая тела. Только отбитая попка саднила и покалывала, напоминая о недавнем наказании. Лодыжки тоже уже не стягивали браслеты, отстранённо отметила я, и почувствовала, что меня куда-то несут. Слуха коснулся какой-то шорох, тихое звяканье, и снова рот наполнился слюной при воспоминании о мятном ликёре. Пусть это какое-то зелье, мне всё равно. Оно приносило облегчение, это главное. Я облизнула сухие губы, ничего не видя перед собой, эмоции не успокаивались, бродя в крови горячими вспышками. Меня неожиданно бережно уложили на кровать, перевернув на спину, и прохлада покрывала немного уняла жар на коже от отметин плётки Джеффри. Мои глаза оставались закрытыми, дыхание — тяжёлым, и... я просто покорно ждала, что дальше, готовая в любой момент подчиниться приказам и желаниям. Ведь сейчас они полностью совпадали с моими. Отметила, как прогнулась кровать — кто-то лёг рядом, и к моим губам поднесли край бокала, а широкая ладонь заботливо поддержала под затылок, приподняв.

— Вышей Мари, — тихий голос Джеффри. — Ты же хочешь пить, любовь моя, да?

— Да, — хрипнула я, жадно припадая к живительной влаге с мятным привкусом и глотая большими глотками.

Эликсир смывал апатию и безвольность, уносил с собой усталость и оцепенение. Действительно взбодрил, пронёсся по телу освежающей волной. Глаза раскрылись сами и встретились с выжидающим взглядом цвета старого золота. Муж лежал рядом, пристально глядя на меня, и больше не улыбался. По обнажённой груди разливалось знакомое неяркое свечение — Джефф жаждал продолжения. На Джонаса я опасалась смотреть... Мелькнула обречённая мысль, что в конце концов всё равно со мной будут сразу двое мужчин, я в этом не сомневалась. Но сначала Джеффри получит своё.

— Так с чего начнём, жена? — негромко спросил он, положив горячую ладонь на мой живот и легонько погладив.

В какой-то момент показалось, в его голосе мелькнула странная нежность. Джефф медленно улыбнулся и добавил:

— Ты заслужила, любовь моя. Мне понравилось, как ты вела себя во время наказания, — он наклонился и поцеловал, долго и нежно.

Это было странно, чувствовать, как его губы ласкают мои, язык медленно скользит, дразня и завлекая, заставляя отвечать. Я сама не заметила, как потянулась навстречу, с готовностью открыла рот шире, слегка растерявшись от такого подарка. Нежность. Как мне её не хватало, пришло вдруг яркой вспышкой осознание. Тоска пронзила молнией, и на несколько мгновений я позволила себе помечтать, что... Меня в самом деле любят и хотят доставить удовольствие. Чистое, светлое, от которого на душе разливается покой и умиротворение. Не знаю, что со мной случилось вдруг, но я едва слышно всхлипнула, выгнулась, крепко зажмурилась. Впитывая эту нечаянную, неизвестно, как возникшую нежность, стараясь не вспоминать, что со мной не так давно делали эти руки, сейчас медленно скользившие по налившемуся горячей тяжестью телу. Всего на миг подумалось, что это не Джеффри, а кто-то другой... Родной и близкий. Любимый.

Волшебство рассеялось, едва муж отпустил мои дрожавшие губы, а ладонь Джонаса накрыла грудь, мягко помассировав. Не будет у меня сказки, я не достойна её. Грязная, развратная и порочная. Такая, какой меня сделали эти двое, точно подстроив под себя и свои желания. Игрушка и... источник эмоций. Вкусная, как они сами признавались.

— Мари-и, — протянул Джеффри, возвращая в мрачную реальность грешных наслаждений. — Я тебя спросил, любовь моя.

Да, да. Я должна быть послушной и повиноваться. Помню. Только вместо апатии и безразличия во мне бурлило моментально проснувшееся желание, так и не утолённое, лишь притихшее ненадолго. Оно голодным зверем поскуливало внутри, требуя удовлетворения, и... Не отрывая взгляда от мерцавшего рубиновыми отблесками золота глаз Джеффа, я широко раздвинула ноги и ответила то, что он хотел:

— Здесь, мой Господин, — мой голос звучал тихо и немного хрипло от предвкушения. — Начните... ртом.

Мне эгоистично хотелось получить своё удовольствие прежде, чем за меня возьмутся всерьёз. Я всё-таки запнулась и на мгновение отвела взгляд. Мимолётно удивилась, что снова проснулось смущение. А потом стало не до него, потому что... меня начали готовить, как поняла в следующий момент. Джонас поднял мои руки, и я почувствовала, как запястья плотно обхватывают шёлковые ленты, притягивая их к спинке и вновь лишая возможности шевелиться. Дыхание участилось, стало глубоким, и по телу прошла волна горячей дрожи. Я с трепетом ждала, что дальше, а возбуждение стремительно росло, закручиваясь между ног огненной воронкой.

— Помнишь, что я сказал, Мари? — мурлыкнул Джефф, поглаживая пальцами мои дрожащие губы. — Я хочу, чтобы ты умоляла разрешить тебе кончить, чтобы ты кричала, любовь моя.

И я знала, что буду. Только представив, как жадный рот мужа прижимается к моей влажной плоти, я тихонько застонала и выгнулась, бесстыдно раскинув колени ещё шире. Руки сжались, натянув шёлковые путы. А Джонас... Он вдруг аккуратно согнул мою ногу, подняв выше, почти прижав к моему телу, и плотно обмотал широким длинным ремнём и пропустил конец под спиной, наклонившись и проделав то же самое со второй ногой. Я едва могла пошевелиться, раскрытая, беспомощная и готовая к использованию. Джон чуть

отстранился, окинул меня довольным взглядом и широко ухмыльнулся, выразительно облизнувшись.

— Мне нравится, как ты смотришься, малыш-шка, — вкрадчиво произнёс он, и его палец совсем легко провёл по мокрым, шелковистым складкам.

У меня перехватило дыхание, и бёдра попытались податься вперёд, стремясь продлить непристойную ласку, но — безуспешно. Я лишь дёрнулась, и только. Джеффри мягко рассмеялся и переместился между моих ног, медленно обвёл жарко пылавшее местечко, пока не прикасаясь к нему. Дрожь усилилась, проникая в самые дальние уголки, тело напряглось в ожидании горячих, сладких ощущений. Я тяжело дышала открытым ртом, воздуха отчаянно не хватало.

— Начнём, — коротко произнёс Джефф и склонился надо мной, его пальцы раздвинули лоно.

Шершавый язык мучительно медленно, растягивая пытку удовольствием, лизнул, пощекотал трепещущий, изнывающий кусочек плоти и проник в меня, снова пробуя на вкус. А Джонас приник к торчащей вершинке, обхватил губами сочную вишню соска и сильно втянул, играя с ним, как с карамелькой. Ох... Короткий, хриплый вскрик вырвался из груди, я крепко зажмурилась, утопая в густой, тёмной, хмельной волне, затопившей с головой. Я отдавалась грешному удовольствию, бесстыдно прижималась к рту Джеффри, извивалась в беспомощных попытках стать ещё ближе, усилить удовольствие, продлить его. Меня разрывало в клочья от желания, стоны переходили в крики и тихое хныканье, когда Джефф почти совсем останавливался, лишь нежно посасывая. Его палец ласкал скользкий вход, но не проникал, а мне хотелось, боже мой, как мне хотелось ощутить его внутри! И не только палец, но и член. Почувствовать, как он двигается во мне, резко и сильно, входит до конца, насаживая меня и заставляя выгибаться навстречу.

Это было... страшно и сладко до невозможности, почти до потери сознания. Я в самом деле не помнила себя, потерялась окончательно и сделала то, что просил Джеффри.

— П-пожалуйста... мой Господин... — прохныкала, слепо подставляясь под губы Джонаса, продолжавшие ласкать мою грудь и приносившие хотя бы частичное облегчение. Но думала о губах Джеффа, неживших мою раздраженную и болезненно пульсировавшую плоть. — Не останавливайтесь... пожалуйста-а!..

Муж ответил не сразу. Сначала его язык вновь прошёлся по чувствительному местечку, обвёл горевшую огнём точку. Я снова длинно, громко застонала, умирая от желания избавиться наконец от напряжения, получить освобождение. Эмоции переполняли, душили, я захлёбывалась в них, готовая отдать без остатка тем, кому они, похоже, необходимы больше, чем мне.

— Хочешь кончить, любовь моя? — хрипло выдохнул Джеффри, отстранившись и согрев дыханием моё лоно. — Хочешь, чтобы я как следует приласкал твою жемчужинку, да, Мари-и?

От тягучих ноток в его голосе подвело живот, и я послушно ответила задыхающимся голосом:

— Да... Да, хочу!.. Очень!

И снова медленное, нежное прикосновение кончиком языка к средоточию моих желаний, мой горловой вскрик и — зубы Джонаса, чувствительно прихватившие твёрдый сосок. Пряная, горячая смесь ощущений превратила тело в податливый воск, я задрожала в предвкушении, балансируя на грани и ожидая... Вот-вот... Надо мной ведь сжалятся? Я же

веду себя очень послушно...

— А пото-ом? — протянул Джеффри, и уже его палец провёл по скользкой плоти, на несколько мгновений проникнув в меня. — Хочешь меня здесь, Мари-и?

— Хочу... пожалуйста... — жалобно прошептала я, согласная сейчас на всё, что он скажет.

И потом, всё равно Джефф это сделает, ведь я должна повторить с ним то же, что и с Джоном, пока его не было. Я хотела, и чтобы муж подарил наконец долгожданную свободу, и чтобы потом взял меня, как он пожелает. Знала, что он захочет, чтобы Джон присоединился, и мне придётся просить разрешения. Представляя всё это, а ещё, то тёмное удовольствие, которое мне подарят, я уходила в тёмный омут глубже с каждым мгновением.

— Хорош-шо... — донёсся до меня довольный голос Джеффри, и его порочный рот снова прижался к лону, на этот раз уже не дразня.

Мне хватило всего пары прикосновений, чтобы зайти в крике, сотрясаясь от нахлынувшего наслаждения, выплёскивая его из себя и отдавая Джеффу. По щекам ползли слёзы, ослепляя, тело бесстыдно выгибалось, безмолвно прося больше, ещё больше, и... Я услышала тихий рык, и на меня навалилось сильное тело, прижимая к кровати. Джеффри целовал жёстко, жадно, оставляя на губах сладковатый, медовый привкус моей собственной страсти. А потом я почувствовала, как каменно-твёрдый ствол стремительно входит, легко скользя внутри, проникая, усиливая острое ощущение неправильного счастья. Подалась навстречу, впуская дальше, глубже, сжимая мышцы, а губы лихорадочно шептали такие желанные для Джеффри слова:

— Возьми меня... Ещё... Да, да!!

Резкие, сильные толчки отзывались внизу живота горячими спазмами, и меня снова затягивало на дно тёмного, порочного удовольствия. И я не желала сопротивляться, нет, только не сейчас. Кажется, я стала такой же ненасытной, как Джонас и Джеффри, и ужас от осознания лишь кольнул где-то глубоко и пропал. А муж вдруг замер, отчего я чуть разочарованно не захныкала, обнял за талию и перевернулся, уложив меня на бок и немного на себя. Шёлковые пути позволяли это сделать, не доставляя особого неудобства. И тут же между ягодицами скользнул настойчивый палец, погладил то, второе местечко, уже тоже обильно увлажнённое, и медленно проник в тугое колечко мышц, легко их раздвинув. Я была готова и с той стороны... Всего несколько мягких движений, и палец пропал, а к спине прижался Джонас, обняв за талию чуть пониже рук Джеффри. Почувствовала, как в попку ткнулась гладкая и горячая головка, готовая ворваться в меня в любой момент, и я, торопливо сглотнув сухим горлом, не стала дожидаться очередного приказа.

— Господин мой... — выдохнула куда-то в шею Джеффу, крепко стиснутая телами мужчин. — Можно... он сзади будет?.. — сумбурно закончила, с трепетом и беспокойством ощущая, как нетерпеливо член Джона гладит между ягодицами.

Хриплый, довольный смешок показал, что я правильно поступила, и в душе расцвело ликование. Послушная девочка, да... Послушная и покорная, развратная до самой глубины. Вот моя сущность.

— Можно, любовь моя, — одновременно с этими словами я ощутила настойчивое, самую малость болезненное вторжение и невольно выгнулась, как смогла, связанная и почти обездвиженная.

Мир сорвался со своей оси и сошёл с ума, и я вместе с ним. Ладонь Джона опустилась в самый низ живота, пальцы погладили между ног, и его член плавно, быстро скользнул в меня до упора, вырвав тихий вскрик из горла. Откинув голову, я до боли зажмурилась, впитывая ощущения, жадно захлёбываясь их горьковатой сладостью, умирая от восторга, что... принадлежу этим существам вот так, везде. Что моё тело подчиняется их прикосновениям, плавится от непристойных ласк, требует ещё и ещё, раскрываясь до невозможности, бесстыдно предлагая себя. Стиснутая в горячих объятиях, практически распятая между Джеффри и Джонасом, связанная и беспомощная, я дрожала от ликования, чувствуя, как внутри двигаются их члены. Пальцы Джона, скользившие между складок, усиливали ощущения стократ, и я плакала от невозможности сдержаться, вместить эту огромную волну эмоций, накрывшую с головой. Кажется, я перестала существовать на несколько мгновений, растворившись в остром, непереносимом удовольствии. Кажется, мы стали одним целым существом, наше хриплое дыхание смешалось, и мой громкий, протяжный крик совпал с низким, вибрирующим рыком Джонаса.

Несколько особо сильных, глубоких толчков, и я почувствовала, как внутри что-то расслабилось, и тут же Джеффри, стиснув меня в железной хватке, буквально насадил на себя, и... Я снова утонула в жарком тумане, задыхаясь от второй волны эмоций, падая, падая в тёмную пропасть и уже не чувствуя собственного тела... Что всё закончилось, я осознала не сразу. Слезы продолжали катиться по щекам, мною завладела знакомая апатия, превращая мышцы в желе, и я обмякла безвольной куклой. Вяло шевельнулась мысль, оставят ли меня хоть на немного в покое, хватит ли моим хозяевам того, что они получили. Ведь впереди ещё

вечер... И гости.

— Всё, всё, Мари, любовь моя, — нежный шёпот Джеффри, и прикосновения его губ к моим мокрым щекам немного привели в чувство. — Боже, жена, это было непередаваемо, — его голос слегка дрожал, и в нём слышался восторг. — Ты находка, настоящая находка...

Отстранённо отметила, что Джонас отпустил, а Джефф бережно уложил на спину, и они в четыре руки начали освобождать от пут. Ноги немного затекли, и я не удержалась от слабого стога, распрямляя их, и тут же чьи-то ладони заскользили, мягко разминая и разгоняя кровь по венам. Я не шевелилась, покорно дожидаясь, пока смогу встать. Если позволят.

— Сейчас полегче станет, малышка, — это уже заботливый голос Джона — я по-прежнему не открывала глаз, пребывая в тумане полузабытья.

Донёсся шорох, потом меня обняли и приподняли, и губ коснулось... Не край бокала. Я не успела задуматься, что же, ощутив во рту знакомую мятную свежесть, и жадно припала, слизывая сладкие капли, сглатывая и присосавшись к чему-то... Гладкая кожа. Запястье. Веки широко распахнулись, я напряжённо замерла, пока язык продолжал ловить странную жидкость, и осознание происходящего с некоторым опозданием накрыло холодной волной. Джонас держал у моего рта свою руку, в полутьме комнаты его глаза мерцали, уже обычного цвета, но в них ещё оставались золотистые отсветы. Я... Я пила его кровь?! Из груди вырвался глухой возглас, я дёрнулась, попытавшись отстраниться, но добилась лишь того, что запястье Джона сильнее прижалось к моему рту, заставляя глотать мятные капли, а ладонь Джеффри на затылке не давала отвернуться. Господи... Самое ужасное, что губы так и продолжали жадно высасывать живительную влагу, пока сознание билось в истерике от страшной истины.

— Тиш-ше, Мари, всё в порядке, — Джонас успокаивающе погладил меня по голове и наконец убрал руку. — Ну что ты, ничего ужасного не случилось, — он небрежно улыбнулся, а я расширившимися глазами смотрела, как затягивается длинный порез на его запястье. — Наша кровь помогает тебе поддерживать силы, ты ведь поняла уже, да? — его пальцы скользнули по моей щеке, а в следующий момент я оказалась на руках у Джеффри. — И она вкусная, я знаю, — со смешком добавил Джонас, слезая с кровати вслед за нами.

Я обхватила себя руками, глядя перед собой, мне было всё равно, куда меня несут и зачем.

— Кто вы, Господи?... — сорвались с губ тихие слова. — Вы... не люди! Что вам от меня надо?!

Джеффри прижал сильнее, ногой открыв какую-то дверь — не входную. За ней располагалась уборная, чуть меньше, чем в спальне Джонаса.

— Любовь моя, не надо истерик, — мягко произнёс... муж, ставя меня в ванну, и в его голосе отчётливо слышались предупреждающие нотки. — Тебе ведь хорошо с нами, да? Вот и наслаждайся, — он включил воду и забрался ко мне, обняв со спины и прижавшись всем телом. — Не задавай лишних вопросов, иначе накажу, — выдохнул он на ухо, заправив растрёпанную прядь, а меня пробрала холодная дрожь. — Или может, ты хочешь именно этого? Чтобы я снова придумал для тебя что-то интересное, наказывая мою непослушную и слишком любопытную супругу? — вкрадчиво поинтересовался он, и я задрожала сильнее.

Уже не от возбуждения, нет. Боже, в чьи руки я попала? Прикусив губу и сдерживая всхлип, проследила взглядом за Джоном, который, повесив полотенце рядом с длинным халатом, забрался к нам. Приподнял мою голову за подбородок, стоя почти вплотную, и я

снова оказалась практически зажата между ними.

— Нам нужна ты, Мари, — тихо, серьёзно ответил Джонас, поглаживая большим пальцем мою губу. — Просто ты, вся, целиком и полностью.

Я помнила его слова про созревшее яблоко. Вот меня и сорвали, да, и с большим аппетитом... едят. Смакуют каждый драгоценный кусочек, по-своему бережно заботясь, чтобы я не закончилась слишком быстро. Интересно, и на сколько меня хватит с их аппетитами?! Даже... даже с подпиткой из мятного эликсира? Назвать его тем, чем он и являлся, я и мысленно не могла.

— 3-зачем... так? — прошептала я беспомощно, чувствуя, как по щекам снова поползли слёзы.

Хорошо, пусть им нужны мои эмоции, близость со мной, но... Можно же делать это нежно, красиво? Джонас не мой родственник, может... может я и смирилась бы со временем, что со мной двое мужчин. Если бы они делали это не так... развратно. Джеффри вдруг отстранился, но не убрал руки с талии, и потянул за собой, вниз, усаживая на дно ванной — вода уже набралась почти до половины. Мягкое тепло приятно обволакивало уставшее тело, принося облегчение и негу, и я почти не сопротивлялась, когда Джефф уложил спиной к себе на грудь, между ног. Места было достаточно, чтобы напротив устроился Джонас, положив руки на бортик ванной. Он с ленивой улыбкой рассматривал меня сытым взглядом, и я подумала, что так и не получу ответа на свой вопрос, но к моему слабому удивлению, Джон всё же ответил. Его ладонь погладила под водой мою коленку, и сводный брат негромко произнёс:

— Потому что ты нужна нам именно такая, Мари. Покорная. Послушная. Выполняющая любое наше желание с радостью, — его улыбка стала шире, а мне внезапно под его взглядом неуютно.

Проснулось смущение и замешательство, перед глазами замелькали картинки прошлого вечера и сегодняшнего дня... Я отвела глаза, чувствуя, как щекам становится жарче с каждым мгновением. Ещё и ладони Джеффри легли на грудь, начав мягко, нежно массировать, принося облегчение и успокоение истерзанным недавними ласками соскам. Это было, как милость за хорошее поведение. За то, что в самом деле покорно приняла всё, что со мной делали. Не любовь, нет. Я прекрасно понимала, что чувств ко мне никаких нет ни у Джеффри, ни у Джонаса, лишь влечение и желание использовать как можно дольше, в качестве персональной игрушки. Яблока. И так просто меня вряд ли отпустят... До боли прикусив губу, я сдержала слёзы — хватит на сегодня, и так достаточно плакала. Отчаяние застыло в горле тугим комком, мешая дышать, недавнего возбуждения и восторга — как не бывало. Я не стала спрашивать о свойствах... мятного напитка, только ли он поддерживал силы. Догадывалась, что нет. Мне не верилось, что я в самом деле настолько развратная и порочная, что так быстро вспыхиваю от ласк Джонаса и Джеффри. Какая жизнь ждёт дальше? Меня вообще будут выпускать хотя бы дальше первого этажа?..

Слотнув, я всё-таки спросила, махнув рукой на возможное наказание. Раз отвечают на мои вопросы, пусть не на все, и не так, как мне хотелось бы, значит, буду пользоваться моментом.

— Вы так и будете держать меня в доме? — тихо-тихо спросила, разглядывая руки под водой и стараясь не смотреть на ладони Джеффри на груди.

Они очень нежно поглаживали и ласкали, и... мне это нравилось. Не было туманившей голову страсти, тёмного, голодного желания. Просто приятное тепло и совсем чуть-чуть

волнения.

— О, что ты, малышка, — ответил Джонас, с тихим, мурлыкающим смешком. — Нет, конечно. Но выходить отсюда ты можешь только со мной или с Джеффом. Или с нами двумя. Так будет безопаснее для всех.

— Даже в сад? — пробормотала я, чувствуя тихое отчаяние.

— Тебе сейчас нельзя оставаться одной надолго, любовь моя, — заботливо произнёс муж, нежно поцеловав меня в шею. — Я знаю, ты послушная девочка, и не сбежишь, тебе ведь просто некуда и не к кому. Да и не сможешь ты уже без нас, Мари-и, — от этих слов, произнесённых тягучим, низким голосом я вздрогнула, по коже, несмотря на тёплую воду, прошёлся холодок. — Ведь никто больше не подарит тебе такого удовольствия, как мы, ты знаешь, — вкрадчиво добавил Джеффри, продолжая покрывать шею лёгкими, невесомыми поцелуями.

Я подозревала, что теперь завишу от них, от того вожделения, которое они во мне будили, и утолить которое тоже могли только они. Теперь услышала подтверждение своим догадкам и... На душе стало пусто.

— Знаю, — покорно повторила я едва слышным шёпотом.

— Вот и умница, — довольно кивнул Джонас и потянулся за мочалкой. — Давай, приведём тебя в порядок, отдашь должок Джеффу, и потом отдыхай до вечера.

От его слов я едва не охнула в голос, но сдержалась. Конечно, как я могла забыть. Ведь член Джонаса побывал ещё в моём рту, и муж хотел того же. Но зато потом... Мне дадут отдохнуть. Целых роскошных полдня меня не будут трогать!.. Наверное.

Меня снова в четыре руки бережно обмыли, награждая лёгкими, невесомыми поцелуями, в которых к слабому удивлению, не чувствовалось страсти. Они дарили лишь томную негу, растекавшуюся по телу и приносящую облегчение и совсем чуть-чуть волнения. Несмотря на разговор, охватившая меня тоска незаметно растворялась, я расслабилась в руках мужа и Джонаса, прикрыв глаза и покорно позволяя смыть с себя следы недавних бурных утех. Закончив, Джефффри отстранился, обхватив ладонями моё лицо, и с мягкой улыбкой посмотрел в глаза.

— Ну что, твой ротик готов подарить мне наслаждение, любовь моя? — нежность в его голосе никак не вязалась с горевшим во взгляде предвкушением, голодным и тёмным.

Не дожидаясь моего ответа, Джефф выпрямился и сел на край ванной, широко расставив ноги. Между ними уже вздымалось его напряжённое достоинство, и я не могла отвести от него взгляда, чувствуя, как Джонас за спиной обнял за талию и собрал волосы в кулак, придерживая голову. Я стояла на коленях в воде, и пришлось чуть выгнуться, опираясь ладонями на ноги Джефффри.

— Давай, Мари, будь послушной девочкой, — прозвучал над ухом вкрадчивый голос, и ладонь Джона провела по моей груди.

Конечно, буду, мелькнула грустная мысль. Потому что, глядя на член Джефффри у моих губ, я поймала себя на том, что... Хочу коснуться его. Почувствовать снова вкус корицы, ощутить, как он двигается в моём рту, упираясь в горло. Да, хочу ласкать губами и языком и слушать тяжёлое дыхание Джеффа, и... чтобы он кончил в меня. Боже. Всего на мгновение я прикрыла глаза, незаметно сглотнув, с ресниц всё же упала одинокая слезинка. А потом я послушно потянулась вперёд, облизала гладкую, горячую головку и обхватила её, мягко втянув в рот. Тихое шипение мужа, и его пальцы вцепились в волосы, контролируя движения. Твёрдый член медленно вошёл в мой рот до половины, и я чуть сильнее сжала губы, послушно подавшись назад и почти выпустив Джефффри из себя, а потом снова вперёд, немного дальше. Я неторопливо убажала его, растягивая сладкие моменты, и душа наполнялась тёмным восторгом от осознания происходящего. Что мой рот принадлежит Джеффу, и мой язык послушно облизывает, дразнит.

Тело слегка задрожало от наполнивших эмоций, я коротко вздохнула, когда ладонь мужа сильнее нажала на затылок, и его достоинство вошло в меня почти до конца. Я лишь шире раскрыла рот, втянув глубже, и мимолётно отметила, как ладони Джонаса легко скользят по моему телу под водой. Не возбуждая, а лишь слегка взбадривая мягкими прикосновениями. Добавляя ликования и жаркой истомы, заставляя ластиться, как кошка. Мои пальцы осторожно сжали основание члена, придерживая, чтобы было удобнее, и я сама не заметила, как начала тихонько постанывать, принимая в свой рот Джефффри. И тело плавно изгибалось, став податливым и мягким, а голова кружилась всё сильнее от переполнявших эмоций.

— Да-а, любовь моя... Хорош-шо-о... — хрипло прошипел муж, жёстко ухватив меня за волосы и резким движением входя до упора.

Одновременно пальцы Джонаса мягко скользнули под водой по моему лону, и я раздвинула колени шире, выгнувшись, ослеплённая вспышкой острого удовольствия. И от непристойной ласки, и от ощущения члена во рту. Глухо всхлипнула, принимая Джеффа

глубже, умирая от восторга и наслаждения. Он задвигался быстрее, сильнее, насаживая мой рот, наполняя его целиком, и я зажмурилась, задыхаясь от нахлынувших эмоций. Сладкое безумие охватило целиком, без остатка, я летела в тёмную бездну вместе с Джеффри, а палец Джонаса, неживший мою плоть, повторял движения мужа. И когда наконец в горло хлынула густая жидкость с коричневым привкусом, я жадно проглотила, и ещё, снова, извиваясь и прижимаясь к ласкающей руке Джона сильнее. Мои губы плотно обхватили пульсировавший член, высасывая всё без остатка, а перед зажмуренными глазами мелькали разноцветные вспышки. Я опять отдавала всю себя, эмоции, ощущения, купаясь в наслаждении вместе с Джеффри, и его низкий, вибрирующий стон лишь усилил их, вновь и вновь погружая меня тёмные воды грешного удовольствия...

Реальность возвращалась нехотя. Ладонь Джеффри нежно провела по моим волосам, обмякшее достоинство покинуло рот, и я невольно облизнулась, сглотнув последние капли с коричневым привкусом. Знакомое опустошение, но без прежней апатии и отстранённости. Лишь усталая мысль, уже привычная: я — в самом деле идеальная игрушка для них. Порочная и развратная, получающая удовольствие от всего, что бы со мной не делали. Опустив голову, мелко дрожа от только что пережитого, я медленно опустилась на пятки, пытаясь успокоить дыхание. Радовало, что на ближайшие часы это всё, и меня оставят в покое. Я на это надеялась. Пальцы Джеффри ухватили за подбородок, подняв голову и заставив смотреть ему в глаза. Золото в них растворялось, возвращая привычный синий цвет, сияние на груди тускнело. Муж довольно улыбался, нежно поглаживая мои припухшие, приоткрытые губы.

— Ты очень послушная жена, любимая, — ласково произнёс он и наклонился, подарив нежный поцелуй. Потом отстранился, подхватил под руку и потянул вверх, помогая встать. — Пойдём, оденем тебя, и можешь отдыхать до вечера.

Гости. Я едва зябко не поёжилась, вспомнив о предстоящем приёме, и поспешно прогнала тревожные мысли. Не буду думать, всё равно ничего не узнаю. Уверена, даже если начну расспрашивать, мне не расскажут. Джеффри вынес меня на руках из ванной, поставил на пол, они вдвоём с Джонасом вытерли и подтолкнули к выходу.

— Иди в спальню, Мари, — распорядился Джеффри. — Жди там. Я сам выберу тебе платье.

— Хорошо, — покорно кивнула я и вышла из ванной.

То, что на мне не было ни клочка одежды, уже не смущало. Муж ведь сказал, что слуги сюда не поднимутся без разрешения. Да и выбора у меня не оставалось. Надевать обратно свадебное платье, так и лежавшее на полу, я не хотела, даже для того, чтобы прикрыть наготу. Поспешила покинуть комнату, низко опустив голову и стараясь не смотреть ни на кровать, ни на перекладину с наручниками. Воспоминания, что я здесь пережила, ещё долго будут преследовать меня, вызывая ужас пополам с восторгом и жарким томлением. Я очень надеялась, что повторение последует очень нескоро. Приложу все усилия, чтобы оставаться послушной девочкой и не заслужить очередного наказания.

Проходя мимо своей спальни на несколько мгновений замешкалась, оглянулась через плечо, и, прикусив губу, решительно зашла, сердце забилось чуть быстрее. Моя уютная комната, с туалетным столиком, безделушками, в приятных нежно-лиловых тонах. На глаза неожиданно навернулись слёзы: я знала, что не вернусь сюда. Или вернусь, но... не одна. Отчаянно не хотелось осквернить это место, где я провела лучшие годы, и я робко надеялась, что Джеффри и Джонас ограничатся спальней последнего. И другими комнатами, но только

не этой. Вздвогнув, обхватила себя руками и поспешила к гардеробной, чтобы убедиться: она совершенно пуста. Ни единой ленточки, ничего. Муж в самом деле позаботился о моём внешнем виде. Это стало окончательной точкой на спокойном и безоблачном прошлом, и я, ссутулившись, побрела обратно из своей теперь уже бывшей спальни. Не сомневаюсь, постепенно остальные вещи перекочат туда, где теперь моё место.

Я дошла до спальни Джонаса, и едва переступила порог, меня догнали. Уже одетые, мои хозяева.

— Ну, давай посмотрим, — положив ладонь на талию, Джеффри подвёл к вместительному шкафу. — Думаю, вот это подойдёт.

Он снял с вешалки лёгкое платье из тонкого батиста, простое, и даже приличное. На первый взгляд. Потому что под ним не предполагалось ничего, а однослойный, полупрозрачный материал оставлял мало простора для воображения... Я послушно подняла руки, Джефф помог надеть наряд, а Джонас, обняв со спины, быстро справился с рядом пуговичек спереди на лифе. Довольно глубокий круглый вырез почти полностью открывал грудь, и под светлой тканью призывно темнели соски, притягивая взгляд. Я подавила тоскливый вздох и даже не вздрогнула, когда ладони Джона по-хозяйски огладили полушария, а губы прижались к изгибу шеи.

— Можешь спуститься вниз и попросить, чтобы накрывали обед в гостиной, — милостиво разрешил сводный брат, отпуская меня.

Справившись с желанием обхватить себя руками, чтобы прикрыться, я робко посмотрела на Джеффри.

— А можно... накидку какую-нибудь? — попросила, впрочем, без всякой надежды на разрешение. — Там же слуги... — добавила зачем-то, будто мужчины не знали об этом.

Муж очень удивил, молча кивнув и достав из шкафа длинный широкий палантин, и хотя он тоже был из шёлка, но прикрывал спереди, придавая видимость целомудрия. А я только загляну к экономке и попрошу об обеде, и сразу уйду. Потом же... Я закуталась в шарф, снова глянув на мужа.

— Мне после подняться сюда? — уточнила, постаравшись, чтобы голос звучал не слишком обречённо.

— Необязательно, только к обеду подойди. Тебе надо восстановить силы, — с заботой добавил Джеффри, как... самый обычный, правильный супруг. — А так, можешь заниматься, чем хочешь, в пределах дома, конечно.

— А... в сад? — с надеждой спросила я.

Довольно большой и тенистый, он находился позади особняка, окружённый высокой оградой. Там стояли несколько уединённых беседок в глубине, я любила проводить время с книгой, особенно в хорошую погоду...

— Позовёшь кого-нибудь из нас, — невозмутимо ответил Джеффри. — Помнишь, одна ты из дома не выйдешь, Мари?

— Помню, — пробормотала я, сдержав тоскливый вздох.

Значит, пойду в библиотеку. Родилась вдруг мысль поискать там что-нибудь... про моих хозяев. Библиотека у отчима была хорошая, большая, книг имелось много, всяких разных. Может, и про мужчин с золотыми глазами найду? Я подошла к двери и уже взялась за ручку, но обернулась и посмотрела на Джеффри, потом на Джонаса.

— Почему вдвоём, Джон? — тихо спросила, сжав края шарфа.

— Потому что мы братья, Мари, — просто ответил он, глядя мне в глаза и скрестив

руки на груди, с его губ не сходила ленивая усмешка. — И мы всё делим на двоих. Даже жену, — он ухмыльнулся шире.

Братья... Уверена, мой отчим, безвременно погибший вместе с мамой, не имел никакого отношения к рождению Джонаса и Джеффри. Допускать мысль, что лошадей понесло и экипаж свалился в овраг не случайно, было слишком страшно, поэтому я поспешно вышла, прикрыв за собой дверь спальни, и направилась вниз. Есть в самом деле хотелось всё сильнее, и обед был весьма кстати. Надеюсь, он пройдёт спокойно, и меня в самом деле оставят в покое до вечера. Ещё бы в сад одной пойти... Но непозволительная роскошь. Может, полчаса погуляю, даже в сопровождении кого-то из мужчин. Всё лучше, чем сидеть в четырёх стенах золотой и порочной клетки.

Кутаясь в шарф, я спустилась вниз и прежде, чем направиться к экономке, всё же решила проверить, правду мне говорили или нет. Оглянувшись и убедившись, что холл пустой, я зачем-то на цыпочках подошла к входной двери. Сердце сумасшедше колотилось в груди, от волнения пересохло в горле, и когда мои пальцы сжались на ручке двери, надежда вспорхнула безумной птицей... И тут же рухнула, как подстреленная: кольцо на моём пальце вдруг обожгло, моментально нагрелось, и я, тихонько зашипев от неожиданности, отдернула пальцы и даже потрясла ладонью. Уставилась на ободок, с виду выглядевший, как простое украшение. Снова попыталась его снять, и снова безуспешно. Вот, значит, как. Я прикусила губу, сморгнув наворачнувшиеся слёзы. В самом деле не могу выйти из дома. Пленница...

Развернувшись и зябко поёжившись, я побрела в сторону кухни, собираясь попросить об обеде. Мысли вертелись вокруг кольца и его свойств — ещё одно подтверждение, что Джонас и Джеффри не люди, а на мне какая-то вещица, обладающая... магией? Догадка не укладывалась в голове, и я тряхнула ею, едва истерично не рассмеявшись. Слишком много странностей, объяснения которым пока не было. Я нашла экономку, передала просьбу об обеде и направилась в библиотеку, твёрдо намеренная попытаться найти ответы на вопросы хотя бы там. Наверное, стоит начать с каких-нибудь легенд и сказаний, может, сказок. Зайдя в просторную комнату, в которой вкусно пахло кожей и книгами, я оглядела полки, доверху заставленные фолиантами. Здесь царил строгий порядок, книги стояли по темам, и даже имелись указатели. Но боже, сколько их тут! Искать придётся долго. Тихонько вздохнув, я подошла к дальнему шкафу, рассеянно пробежалась взглядом по корешкам и вытащила увесистый том, гласивший «Легенды и сказания. Собрание преданий». Забравшись с ногами в большое, уютное кресло у окна, углубилась в чтение.

Оно оказалось интересным, хотя по моим вопросам там ничего не было. Я вспомнила, что эту книгу мне любила читать мама перед сном, в детстве, и на глаза снова невольно навернулись слёзы, хотя от светлых воспоминаний на губах расцвела грустная улыбка. Мама. Как мне тебя не хватает. Если бы карета не перевернулась, я бы никогда не попала в подобную ситуацию... Тихонько всхлипнув и вытерев мокрые щёки, я углубилась в чтение дальше. Хозяин леса, сирены, оборотни, духи, баньши — кого тут только не было, и лишь о нелюдях с золотыми глазами ни слова. Когда дверь скрипнула, приоткрывшись, я вздрогнула от неожиданности и поспешно захлопнула книгу, уставившись на вход с некоторой опаской.

— Госпожа, ваш брат просил напомнить вам, что обед уже накрыт, — вежливо произнесла экономка, глянув на меня.

Я подметила отстранённое выражение лица и взгляд словно мимо, и внутри заскреблось ощущение неправильности. Она всегда была доброжелательной и улыбчивой, что случилось? Неужели... Она знает, что произошло вчера и сегодня наверху, со мной?! И презирает?! Я отвела взгляд, щёки вспыхнули от мучительного стыда, и я крепче запахнула шарф, желая прикрыться.

— Да, я сейчас поднимусь, спасибо, — пробормотала, умирая от неловкости.

Экономка кивнула и исчезла, а я, отложив книгу и справившись с замешательством, выскользнула в коридор. Не хотелось снова видеть Джеффри и Джонаса, но есть хотелось всё же сильнее, и я медленно поднялась по лестнице и дошла до гостиной, из которой

раздавались негромкие голоса. Невольно остановилась, не торопясь заходить, и порадовавшись, что снова босиком — моих шагов не было слышно. Заскреблось любопытство, и я замерла около открытой двери, чутко прислушиваясь и ловя каждое слово.

— ...Марк сказал, приведёт друга с собой, — это говорил Джеффри. — Он новенький в городе, недавно приехал. Ручается за него.

— Хорошо, — ответил Джонас, и я превратилась в слух. — И Катрина. Как раз поровну, всем хватит, — до меня донёлся смешок, от которого по спине почему-то прошла волна холодных мурашек.

— Мы только покажем им Мари, и всё. Попробовать её они уже не смогут, — уверенно ответил мой муж. — Всё нам достанется, — знакомое предвкушение в его голосе, и я неслышно сглотнула, начав тихонько дрожать.

— Малышка должна привыкнуть, что мы будем появляться с ней в обществе, — подхватил разговор Джонас, и я снова услышала смешок. — И не в том, в котором она бывала раньше. А мы получим новые эмоции, уверен, Мари сполна даст их нам.

— А не заартачится? — с лёгкими нотками беспокойства спросил Джеффри. — Хотя вроде, привязка крепкая, все три уровня готовы...

— Не думаю, — а теперь уверенно отвечал Джонас. — Ей слишком понравилось сегодняшнее наказание, чтобы она жаждала повторить его ещё раз. Так что, Мари будет послушной, не сомневайся.

О чём они вообще? Что меня ждёт на этом вечере? И почему я слышу в каждом слове двусмысленность и совсем другой подтекст? Тёмный, пугающий и... порочный? Что это за гости такие? И при чём здесь утреннее наказание? От воспоминаний о комнате и том, что там происходило, по телу неожиданно прошла горячая дрожь, и ужас смешался с отголосками наслаждения, вспыхнувшими обжигающими искорками в крови. Да, мне понравилось... Даже слишком, Джонас прав. Нет, нет, я не готова снова туда, только не сейчас! Кое-как справившись с отчаянием, я снова прислушалась к разговору.

— Что-то долго Мари нет, экономка позвала её вообще? — резко сменил тему брат, и от недовольных ноток я поёжилась.

Поспешно отошла на несколько шагов от гостиной, распрямила плечи и постаралась, чтобы на моём лице не отражалось замешательство от невольно подслушанного странного разговора. Не хочу даже думать, что меня ждёт, если они узнают об этом. Я дошла до гостиной и переступила порог, не отрывая взгляда от пола и сжимая края шарфа на груди.

— Добрый день, — тихо поздоровалась, прошла к столу и села на своё место.

Я всей кожей чувствовала, как внимательно они смотрят, и больших трудов стоило заставить руки не дрожать, пока накладывала тушёное мясо в соусе на тарелку. Тишина в гостиной давила, я лихорадочно перебирала в голове, о чём бы завязать разговор, но всё казалось нелепым. Ну не о погоде же, в самом деле, беседовать! О чём было бы самым естественным спросить? Набрав в грудь воздуха, я всё же рискнула.

— Что за гости будут вечером? Я их знаю?

Голос не подвёл, и вопрос прозвучал естественно. Только вот как мне на него ответят?

— Это наши хорошие друзья, Мари, — заговорил Джеффри, вполне доброжелательно, к моему тайному облегчению. — Я хочу их познакомить с моей супругой первыми, — он усмехнулся, и вот теперь снова мелькнуло странное предвкушение. — Мы позже поговорим об этом вечере, любовь моя.

А вот это прозвучало решительно, и почти как приказ, и продолжать тему я

благодаразумно не стала. Пережёвывая мясо и не чувствуя вкуса, снова собралась с духом и произнесла:

— Я бы хотела в саду погулять.

— Конечно, малышка, — живо отозвался Джонас. — Я с удовольствием составлю тебе компанию, как пообедаем. Тебе в самом деле нужно подышать свежим воздухом, а то ты бледная, — с заботой добавил он.

Я вскинула настороженный взгляд на него, наткнулась на ленивую улыбку на лице сводного брата, потом покосилась на Джеффри. Надо, надо это сделать, Мари. Потому что вряд ли мне просто позволят погулять по дорожкам и посидеть с книгой в беседке. Может, полноценной близости и не будет, всё-таки они обещали дать отдохнуть до вечера, но... Я уже не знала, чего ожидать. Потому что взгляды и Джеффри, и Джонаса, устремлённые на меня, были одинаковыми. Голодными и выжидающими. С трудом проглотив кусок мяса и едва справившись с горькой волной, я всё-таки спросила, мучительно краснея от собственных слов:

— Джеффри... М-можно, Джон... — я снова запнулась, чувствуя, как в горле встал ком, и всё-таки продолжила. — Будет прикасаться ко мне?..

Он ведь захочет, я это по глазам видела. И пусть в них пока не было мерцающего золота, это ничего не значило. Джефф мягко рассмеялся, откинувшись на стуле, и с довольным видом посмотрел на меня.

— Умница, Мари, — мурлыкнул он. — Не забываешь о правилах. Конечно, можно, я пока займусь подготовкой к вечеру. Джон, сильно не шали, моей супруге надо набраться сил перед встречей с гостями.

— Не волнуйся, Джефф, — от вкрадчивого голоса Джонаса я уже пожалела, что решила пойти на прогулку. — Не буду утомлять малышку. Ну может, приласкаю только чуть-чуть, чтобы она быстрее привыкала.

От его слов я чуть не поперхнулась и поспешно потянулась к бокалу с вином, надеясь, что туда мне ничего не подмешали. Хотя понимала, что такие меры точно лишние, но опасения не желали проходить. Остаток обеда прошёл в молчании, я не отрывала взгляда от тарелки, по-прежнему не ощущая вкуса еды. Едва положила вилку, Джонас сразу встал и протянул руку.

— Пойдём, прогуляемся, Мари? — мягко позвал он, гипнотизируя взглядом и с предвкушением улыбнувшись.

Отказываться было бы глупо с моей стороны, и мне ничего не оставалось, как молча подняться и вложить дрогнувшие пальцы в ладонь Джона. И только дойдя до порога гостиной, я поняла одну вещь.

— Мне обувь нужна, — я посмотрела на свои босые ноги, выглядывавшие из-под подола платья.

— О, несомненно, — к моему удивлению согласился Джонас, подходя к спальне.

Я почему-то была уверена, что мне откажут и понесут на руках. И теперь мысль о том, что я всё-таки погуляю по дорожкам сада, вызывала тихую радость, даже несмотря на то, что... знала, чем закончится эта прогулка. Ко мне снова будут прикасаться. Джон поставил передо мной мягкие домашние туфли, и я с облегчением надела их — отсутствие обуви казалось особо тонким унижением и указанием моего настоящего статуса. Игрушка для утех.

— Ну вот, теперь можно идти гулять, — заботливо произнёс Джонас и поднялся, его ладони скользнули по моим обнажённым ногам почти до самых бёдер, бесстыдно задрав

подол.

По коже за его пальцами оставался обжигающий след из мурашек, и у меня на мгновение перехватило горло, я вскинула голову, наткнувшись на взгляд Джонаса. Но он усмехнулся, блеснул в полумраке спальни глазами и убрал руки, оставив в лёгком смятении и замешательстве. От того, как быстро вспыхнуло тело от почти невинных прикосновений. От того, как я чуть не подалась вперёд, к Джону, готовая с радостью продолжить. И от собственного участвовавшего дыхания... Положив мою ладонь себе на локоть, Джон вывел меня из спальни, и с его лица не сходила эта понимающая усмешка, от которой становилось жарко. Он понял, что со мной происходило, несомненно. Взгляд упал на простенькое колечко на пальце, и в душе шевельнулась глухая тоска, но тут же спряталась обратно. Мне не выбраться из этой клетки, и пора смириться с действительностью.

Мы спустились вниз, и Джонас распахнул передо мной высокую стеклянную дверь, выходящую в тенистый сад.

— Прощу, сестричка, — его ладонь скользнула на мою талию и ниже, огладила попку, легонько подтолкнув вперёд.

Я шагнула на низкое мраморное крыльцо и сошла на дорожку, подставив лицо тёплым солнечным лучам. Вдохнула полной грудью свежий, наполненный нежными ароматами зелени и цветов воздух, и на моих губах появилась робкая улыбка. Вдруг всё не так плохо, как мне кажется? Вдруг... в самом деле это моё предназначение, оставаться с Джеффри и Джонасом? Они же по-своему заботятся, даже нежность иногда проявляют. Прерывисто вздохнув, я прикусила губу и медленно пошла по дорожке в глубь сада. Не буду об этом думать.

— Мари, здесь есть замечательная беседка недалеко, пойдём? — голос Джона нарушил хрупкое очарование природы вокруг, и его ладонь снова легла на мою талию.

Я знала, о чём он говорил. Она стояла среди пышных кустов жасмина и дикой розы, скрытая от посторонних глаз. Увитая плющом почти до самой крыши, внутри — мягкие широкие диванчики с множеством подушек, такие удобные, чтобы уютно устроиться на них с книгой. Раньше я любила там отдыхать...

— Пойдём, — пробормотала, понимая, что даже если бы попыталась отказаться, меня бы просто взяли на руки и унесли туда.

А это мог увидеть кто-то из слуг из окон дома, случайно. И Джонасу бы не понравилось, и... наказание на этот раз вряд ли принесло мне удовольствие, пусть даже через боль. Невольно вздрогнула и зябко поёжилась, отогнав пугающие мысли. Бежать ведь мне некуда... Значит, остаётся лишь покорность. И не думать, ни о чём, иначе я сойду с ума от тоски и безысходности...

— Здесь нам не помешают, малышка, — выдохнул на ухо Джон, приобняв меня крепче и привлекая к себе. — Смотри, какой чудесный уголок.

Он обвёл рукой перед собой — мы уже подошли к беседке. Да, в самом деле, чудесный. Если бы я была здесь одна и с книгой.

— Устраивайся поудобнее, Мари, — Джонас потянул к входу, в его голосе слышалось нетерпение. — Отдохнём в тишине, на свежем воздухе.

Отдых в самом деле не помешал, но... что имел в виду Джон под этим словом? Я молча приблизилась и забралась на широкий диван, подобрал под себя ноги и не глядя на мужчину. Он не уточнил, как именно я должна сесть или лечь, может... Может, в самом деле просто отдохнём? Джеффри ведь обещал оставить меня в покое до вечера, и сам попросил своего брата не слишком утомлять. Джонас плавным движением хищника скользнул ко мне, растянувшись на боку и подперев голову ладонью, провёл по бедру ладонью. Прикосновение через тонкую ткань почти обожгло, заставив вздрогнуть.

— Ты такая напряжённая, малышка, ну что ты, — мягко произнёс Джон, продолжая поглаживать мою ногу, отчего сердце забилося чуть быстрее. — Расслабься, Мари. Сядь нормально, выпрями ножки... Вот так, — довольно добавил он, когда я, понимая, что придётся подчиниться, послушно прислонилась к спинке диванчика и вытянула ноги.

Смутное ожидание волновало, и одновременно не покидала настороженность. Джонас вёл себя непривычно нежно, не спешил набрасываться или требовать непристойностей, и надежда никак не желала покидать меня. Безумная и наверняка почти бессмысленная, но она упорно пускала робкие ростки в душе, пробиваясь сквозь остальные эмоции. Я покосилась на Джона, а он вдруг, обняв меня за бёдра, потянул вниз, вынудив почти лечь. Тихо охнув, я вцепилась в его руку, сердце скакнуло к горлу, и следующие слова вырвались сами:

— Н-не... Тебе не хватило утром?..

Джонас замер, посмотрев на меня со странной улыбкой, потом приподнялся и навис, переместив ладонь на щёку и тихонько погладив. Тело охватила мелкая дрожь, я даже дышала через раз, опасаясь, что разозлила его. Какая разница, Мари, хватило или не хватило! Тебе же сказали, помнится, что в любой момент ты должна быть готова к... к близости.

— Крошка, не бойся, — шепнул ласково Джон, его пальцы спустились на мои губы и начали тихонько обводить, пока я, слабо вздохнув, не приоткрыла их. — Я всего лишь хочу

сейчас, чтобы ты сделала то, чего тебе хочется, — продолжил он, убрал руку и нежно прижался к моему рту поцелуем.

В самом деле нежным, с удивлением поняла я через несколько мгновений. Язык Джона поддразнивал, щекотал губы, мягко их раздвигал, ласково скользя внутри, и я сама не заметила, как начала отвечать, потянулась к нему. Я... я же хотела этого, правда? Глаза закрылись, и на несколько мгновений можно позволить себе уплыть в мечтания, что рядом не сводный брат, бывший опекун, который совратил меня и сделал распущенной женщиной... А кто-то близкий, родной и в самом деле любимый. Я лишь коротко вздохнула, ощутив, как ладонь Джона легла на грудь, мягко массируя. Тело налилось жаркой тяжестью, стекавшей к низу живота, но удивительно — на этот раз вместо огненного шквала меня охватила сладкая нега, от которой между ног стало горячо и влажно. Хотелось поднять тонкую ткань, позволить ветерку охладить чувствительное местечко, а потом... раздвинуть ноги...

Я прерывисто вздохнула от вспыхнувших перед глазами ярких картинок, и Джона отстранился, прервав поцелуй и посмотрев мне в глаза всё с той же ласковой улыбкой.

— Ну же, малышка, — мурлыкнул он и медленно стянул с плеча тонкий батист, обнажая грудь. — Тебе не нужно ни о чём просить, Мари, — его голос вплетался в тихий шелест ветра, подушечка так же медленно обвела напрягшуюся вершинку, не касаясь твёрдой горошины. Нежно, едва касаясь кожи, тут же покрывшейся мурашками. — Просто следуй своим желаниям, не стесняйся их. Давай, хорошая моя, я по твоим глазам вижу, ты почти готова, — с тихим смешком произнёс Джонас, гипнотизируя меня тёмным взглядом, на дне которого то и дело вспыхивали золотистые искры.

Я сама не поняла, в какой момент мои пальцы ухватились за подол платья и начали медленно поднимать. Дыхание сделалось глубоким и прерывистым, рот приоткрылся шире. Джон продолжал ласкать мою грудь, мучительно неторопливо и безумно деликатно, и это так не вязалось с недавними воспоминаниями о грубых, болезненных ласках, что я снова растерялась. Мне в самом деле нравились эти прикосновения, едва ощутимые, рождавшие сладкую дрожь внизу и заставлявшие соски напрягаться ещё сильнее, жаждать большего. Переживаний добавляла невесомая ткань, скользившая по ногам всё выше и обнажившая их уже до колен. Я плавилась от этих непривычных эмоций, похожих на тягучую карамель, и удивительно похожих на... что-то настоящее, глубокое, не то тёмное и порочное, в которое меня раз за разом погружали вчера вечером и сегодня утром. Иллюзия, да, но в неё так хотелось поверить... Я даже глаза прикрыла, но голос Джонаса, по-прежнему мягкий, но не допускающий возражений, разбил золотистое очарование происходящего:

— Нет-нет, Мари. Смотри на меня, — шепнул он мне в губы и на несколько мгновений вновь одарил нежным поцелуем, а пальцы переместились на вторую грудь, так же аккуратно играя с вершинкой.

Я невольно чуть выгнулась, потянувшись навстречу такой желанной ласке, кровь уже шумела в ушах, а платье... Я и не заметила, что подняла подол до живота, обнажив сокровенное местечко. Оно налилось жаром и требовало внимания, тяжело пульсируя, и я невольно напряглась в ожидании и предвкушении, что Джонас вот-вот переместит руку вниз... Подарит мне вновь восхитительный взрыв эмоций... Я стала зависимой, да. От удовольствия, что дарили губы и руки Джона и мужа. От их ласк, пусть даже и грубых, болезненных. От поцелуев. Сознание заволакивала пелена страсти, отключая разум, и я вновь превратилась в послушную игрушку, исполняющую любую волю Джонаса. И если

сейчас он хотел поиграть в настоящие чувства и нежность... Я забуду на время, *кто* он такой на самом деле, поддамся наваждению и представлю, всего лишь на недолгий срок, что меня в самом деле любят и хотят доставить удовольствие. А не выжать ещё немного вкусных, разных эмоций.

— Ну, малышка, давай, — шепнул Джонас, чуть отстранившись, и медленно перевёл взгляд с моего лица ниже, на то, уже не скрывал тонкий батист.

На его лице отразилось нетерпеливое предвкушение, золотые искры в глазах вспыхнули ярче. Но... Он не пытался сам прикоснуться ко мне *там*, лишь поглаживал грудь и смотрел. А мне с каждым мгновением становилось всё неудобнее, тело изнывало от голодной истомы, заполнившей каждую клеточку. Она накатывала волнами, заставляя судорожно вздыхать и стискивать платье, и именно она вынудила развести колени, широко и бесстыдно, открывая себя взгляду Джонаса. Да, я уже была готова к ласкам, я это чувствовала. Хотела, чтобы к нежной плоти прикоснулись умелые пальцы, хотела стонать и извиваться вновь, купаясь в жарком, упоительном наслаждении...

— Сделай это, Мари, — настойчивый шёпот Джона опалил ухо, отчего я вздрогнула и тихо всхлипнула, беспомощно откинув голову на подушки. — Покажи мне, как ты можешь, крошка... Погладь себя...

Его горячие губы накрыли раздраженную ласками вершинку, мягко поиграли с ней, то втягивая в жадный рот, то легко скользя по влажному, твёрдому соску. Мой короткий стон всё сказал лучше любых слов, и рука сама поползла к низу живота, жаждая наконец унять разгоравшийся между ног пожар. Не отрываясь от груди, Джонас закинул мою ногу себе на бедро, открывая меня ещё больше, но не прикасаясь. Он хотел, чтобы я это сделала сама... И я вдруг осознала, что тоже этого хотела. Дотронуться до себя, ощутить под пальцами шелковистую плоть, уже щедро увлажнённую и готовую, найти ту чудесную точку, от которой во все стороны брызгали горячие искры удовольствия...

Джон снова приподнялся, глядя туда, куда добрались мои подрагивавшие пальцы. Я на мгновение замерла, отчаянно желая зажмуриться и получить хоть какое-то подобие уединения, но — мне ведь приказали не закрывать глаза.

— Дава-ай, — тягуче произнёс Джонас и положил свою ладонь поверх моей, уверенно направляя.

Пальцы скользнули вперёд, погрузились в горячее лоно, раздвинув складки, среди которых пряталась жемчужина удовольствия. Я громко охнула, кожу обсыпали жгучие мурашки стыда и одновременно от восторга закружилась голова. Джон смотрел... И даже немного участвовал, помогая найти правильный ритм, но сам не касался меня.

— Чуть-чуть дальше, да, Мари... Вот так... Не торопись... — его тихий шёпот заставлял дрожать всё сильнее, а замешательство и ликование медленно нарастали, перемешиваясь в бодрящий коктейль.

Он растекался по венам обжигающим ядом, а Джонас смотрел с таким вожделением и неприкрытым удовольствием на то, как я ласкала себя под его чутким руководством, что мышцы внутри резко сжались от яркого всплеска наслаждения. С губ сорвался очередной низкий стон, бёдра начали плавно покачиваться, подстраиваясь под ритм и бесстыдно раскрываясь всё больше. Грудь вызывающе торчала, возбуждённые и напряжённые соски требовали внимания, болезненно и горячо пульсируя. Я снова тонула в проснувшемся желании, растворялась в нём, готовая на всё, чтобы удовлетворить, выпить до дна и отдать до капли...

— А помнишь, Мари, как мой член был вот зде-есь? — хрипло протянул вдруг Джон, и я почувствовала, как в меня медленно входят пальцы, проникая глубоко, сильно и вместе с тем плавно. — Как я двигался в тебе, малышка?

— Да-а!.. — послушно ответила, подаваясь вперёд и приподнимаясь в стремлении продлить восхитительные ощущения. — П-помню... — выдохнула, а перед глазами в самом деле пронеслись картинки, как Джон имел меня.

Мои пальцы безошибочно нашли чувствительную точку и мягко нажали, и я задохнулась от яркой вспышки, тело напряглось, как струна. И тут же Джон убрал руку и перехватил моё запястье, не дав закончить сладкую пытку. Я захныкала и заёрзала, не помня себя от бурливших эмоций, ослеплявших и сводивших с ума.

— Джо-он!.. — да, я готова была умолять, слабо дёрнув рукой и попытавшись высвободиться.

Разнеженная плоть горела и пульсировала, жаждая удовлетворения разбуженного голода, неважно, каким способом. Кажется, я быстро восстанавливалась после насыщенного утра, на радость Джонасу...

— Тихо-тихо, крош-шка, — негромко, довольно засмеялся он, не отпуская моё запястье, и посмотрел в глаза. — Не торопись, сестричка, учись растягивать удовольствие, — мурлыкнул он с ласковой улыбкой, и пальцы другой руки вновь мучительно неторопливо вошли в меня, не трогая уже откровенно мокрые складки. Я охнула, мышцы тут же приглашающе сжались вокруг, а бёдра приподнялись в непристойном движении. — Ласкай медленнее, нежнее, и вокруг твоей жемчужинки, — он наклонился к моим губам, его рука замерла. — Не кончай раньше, чем я разрешу, Мари-и, — шепнул он, одарив лёгким поцелуем, и отпустил наконец моё запястье. — А теперь продолжай, малышка.

Тихо всхлипнув, я осторожно прикоснулась к горевшему лону, послушно выполняя указания и только лишь перебирая нежную плоть, а Джонас... Мои глаза широко раскрылись, когда я ощутила вторжение ещё одного его пальца в тугое колечко между ягодицами, уже обильно увлажнённое моими соками.

— И вот та-ак тебе нравилось, да? — его голос провёл по моим натянутым, дрожащим нервам мягкой кисточкой, а от непристойных слов пожар внутри полыхнул факелом, и я судорожно вздрогнула.

Тело прошла молния острого удовольствия, я чувствовала движение внутри себя, везде, и... вспоминала, да. Перед моими невидящими глазами мелькали порочные картинки утра и наказания, усиливая переживания, и я стонала в голос, забывая себя. Купаясь в том непристойном удовольствии, которое дарили откровенные вопросы и действия Джонаса. Он наполнял меня теперь везде, пусть и немного не так, как хотелось, его пальцы двигались медленно, размеренно, растягивая мучительно-сладкую пытку. А я приподнимала бёдра, сжимала мышцы в попытке получить больше, мои собственные пальцы скользили по разгорячённому лону всё быстрее, но... Джон придержал, снова оставив в нескольких мгновениях от долгожданной разрядки.

— Нет-нет, Мари, ра-ано, — вкрадчиво протянул он, а я захныкала, запрокинув голову и хватая ртом воздух.

Эти неторопливые движения внутри, глубокие, плавные, заставляли дрожать всё сильнее. Тело так же плавно изгибалось навстречу, насаживаясь, стремясь ощутить как можно полнее. На меня накатывали волны наслаждения, пока ещё не такого острого, как хотелось, но они накрывали с головой, наполняли до самой последней клеточки. И это было почти непереносимо, на грани, нежность, смешанная с непристойностью...

— Понравилось... Да... — лихорадочно шептали мои губы, пока я металась по дивану, подставляясь под ласкающие пальцы Джонаса. — И так тоже... Ещё-о-о-о!.. — простонала я, выгнувшись, когда он сделал очередное сильное движение внутри.

Опять не осталось ни гордости, ни стыда, ничего. Только обнажённое до предела желание, вожделение, которое я жаждала удовлетворить любым путём. И Джон, откровенно смакующий развратное зрелище, лишь добавлял острых ноток в нарастающее тёмное удовольствие... Я услышала тихое шипение, и его пальцы задвигались быстрее, как и мои по распаленной плоти, снова подводя к самой грани. За ней лишь чёрная бездна, и я мечтала рухнуть в неё, сходила с ума от предвкушения, как меня накроет долгожданное освобождение, и мышцы ныли, напряжённые до предела.

— А повторить хочеш-шь? — Джон наклонился к моим приоткрытым губам, согревая дыханием и лишь намекая на поцелуй, погружая в тёмные колодцы своих глаз, на дне которых мерцали золотистые искры.

Его пальцы остановились, лишь легонько шевелясь внутри, и я вдруг осознала, что щёки мокрые. Я снова плакала от непереносимого наслаждения, до которого меня довёл Джонас...

— Х-хочу... — послушно выговорила я, выгибаясь и бесстыдно ластясь, как кошка, мой палец осторожно погладил чувствительную точку, уже горевшую огнём. — По-всякому хочу... — шептали непослушные губы, пока сознание тонуло в вязкой, горячей патоке. — И с тобой... И с Джеффри...

Всего несколько дней назад я пришла бы в ужас и сильнейшее замешательство, сгорела бы от стыда за эти слова, но — не сейчас. О да, я в самом деле оказалась способной ученицей, под стать самим учителям. Такой же порочной и распущенной, как они, оба.

— А в ротик снова возьмёшь-шь? — выдохнул Джонас, покрывая мою шею невесомыми, нежными, как шёлк, поцелуями. Я только набрала воздуха, чтобы ответить, как он добавил еле слышно. — Давай, Мари-и, можно, малышка...

Движение его руки — и я выгнулась до ломоты в пояснице, упершись пятками в диван, подавшись вперёд бёдрами так, что пальцы Джона оказались совсем глубоко, и в положенном месте, и — в попке. Моя подушечка нежно надавила на трепещущий кусочек плоти, и кровь воспламенилась, разом испарившись из тела. А вспомнив, как радостно принимала в рот горячий и твёрдый член, как он двигался там... Мир исчез в бесшумной вспышке, из горла рвался крик, но его заглушил поцелуй Джонаса, долгий и необычайно нежный, пока его пальцы вместе с моими продолжали шевелиться вниз. Волны удовольствия, непривычно мягкие, но оттого не менее сладкие, накатывали одна за одной, а Джон пил меня, как изысканный напиток, и я послушно отдавала ему эмоции до капли. Пока наконец всё не закончилось, и я не обмякла, бездумно глядя в потолок беседки и часто, прерывисто дыша. Джонас отстранился, мягко улыбнулся и тихо произнёс:

— Облизни пальчики, Мари. Попробуй, какая ты... вкусная, — и его собственный язык провёл по губам в откровенно непристойном жесте.

Всё ещё пребывая в апатии и расслабленности, как всегда после выплеска, я медленно подняла руку и одновременно попыталась одёрнуть платье и свести колени. Джон не позволил, придержав и приподнявшись, окинув меня медленным, сытым взглядом.

— Оставь, сестричка, — лениво произнёс он и провёл ладонью по внутренней стороне моих бесстыдно раскинутых бёдер. — Мне нравится, как ты смотришься.

Послушно обхватив губами собственные пальцы, я ощутила сладковатый, малиново-карамельный привкус, и длинно вздохнула, прикрыв глаза. В голове вяло ворочались одни и те же мысли по кругу: почему я оказалась в этой клетке, из которой нет выхода? Насколько меня хватит? Что ещё придумают мои хозяева, чтобы получить от меня необходимые им эмоции, яркие и новые?.. Джонас вдруг наклонился и медленно лизнул мои слишком чувствительные складочки, и я охнула от неожиданности, по телу плеснуло остатками наслаждения. Мышцы на мгновение сжал сладкий спазм, а потом Джон снова устроился рядом, нежно обнял и привлёк к себе, так и не позволив опустить подол платья. А мне, признаться, было всё равно... Кажется, я слишком устала раз за разом окунаться в тёмные воды порочного удовольствия, и даже кровь Джона уже не совсем помогала. Глаза сами закрылись, веки отяжелели, я прислонилась к плечу сводного брата, медленно уплывая в спасительную дрему. Хотя бы во сне у меня есть возможность побыть наедине с собой, на время забыть о происходящем...

— Спи, малышка, — смутно услышала я тихие слова, и Джон погладил по волосам. — Отдыхай, сестричка. Силы тебе вечером понадобятся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А дальше накрыл спасительным крылом сон, и я робко надеялась, что проснусь не так, как сегодня утром.

На удивление, никаких снов мне не снилось, и проснулась я вовсе не от непристойных ласк, а от поцелуя. Нежного и настойчивого. Расслабленную негу как рукой сняло, я сразу вынырнула в реальность и распахнула глаза, напряжённо замерев и чувствуя, как ко мне прижимается сильное мужское тело. А моё платье всё так же оставалось задраным до пояса, сбившись, пока я спала, и по обнажённой попке гулял прохладный ветерок. Ладони Джонаса мягко оглаживали, пока губы и язык ласкали мой рот, и я окончательно

проснулась. К счастью, продолжения не последовало, и едва мужчина заметил, что мои глаза открылись, отстранился, однако не торопился убирать руки.

— Выспалась? — с нежной улыбкой спросил он, и так многообещающе это звучало, что по спине пробежал холодок.

Я пошевелилась, отведя взгляд и осторожно попыталась выбраться из его рук, обратив внимание, что проспала, похоже, весь остаток дня. Беседка уже погрузилась в вечерний полумрак, и кусты освещали золотистые предзакатные лучи солнца.

— Выспалась, — тихо ответила я, в самом деле ощущая себя отдохнувшей и полной сил. Готовой к... предстоящему вечеру, что бы не задумали мои хозяева.

— Отлично, тогда пойдём, пора собираться, гости скоро придут, — Джонас выпрямился, встал с диванчика и протянул руку.

Меня охватила неловкость под его пристальным взглядом, пока поправляла беспорядок в одежде, и я порадовалась, что ещё способна смущаться. Почему-то казалось, если перестану стесняться вообще, это будет точкой в моём окончательном падении. Я молча поднялась и вложила пальцы в ладонь Джонаса.

— Сейчас пообедаем, потом переоденем тебя, Джефффри кое-что расскажет о вечере, и пойдём, — известил он, пока мы шли обратно по дорожке к дому.

— Что расскажет? — вопрос вырвался сам, я настороженно покосилась на Джона.

— Всё, что тебе нужно знать, — последовал туманный ответ, и я с содроганием поняла, что это совсем не обычный вечер с гостями и празднованием моей... свадьбы. — К нам придут всего трое, наши давние друзья, — добавил Джонас, и от его слов нервное волнение лишь усилилось.

Я поняла, что больше мне не скажут, даже если начну спрашивать, и потому замолчала. В доме уже зажгли свечи и светильники, но слуг я по-прежнему не видела. Мы поднялись на второй этаж, где Джефффри ждал в гостиной за накрытым столом.

— О, вижу, у моей супруги румянец на щеках и глазки блестят, — весело произнёс он, приблизившись, и приподнял мою голову за подбородок, одарив внимательным взглядом. — Хорошо отдохнула?

— Да, спасибо, — тихо ответила я, сцепив перед собой руки.

Джефффри наклонился и прижался ко мне в долгом, властном поцелуе, от которого заныли губы, и колени ослабли. Я невольно качнулась навстречу, рот раскрылся шире, и тело отреагировало тёплой волной, затаившейся между ног. Мелькнула тоскливая мысль, что их кровь, похоже, как-то действует на меня, потому что... Не может быть, чтобы от одного поцелуя я вспыхивала, как спичка, готовая отдаться по первому слову. Джефф оторвался от меня через несколько мгновений, довольно улыбнулся, а я прерывисто вздохнула, еле справившись с желанием облизнуть дрожащие губы.

— Вижу, в самом деле отдохнула, — кивнул Джефффри и, взяв за руку, потянул к столу. — Тогда сейчас поужинаем и — в спальню, готовиться. Наши друзья придут через два часа.

Я опустила на стул, проснувшееся любопытство скреблось изнутри, но страх мешал спросить, кто эти друзья. Ужин прошёл в молчании, и вкуса еды я почти не запомнила. Волнение росло, тревога тоже — Джонас и Джефффри переглядывались, словно каким-то образом общались без слов, а время потихоньку шло. Как только стрелки сошлись на семи, и моя тарелка опустела, Джефф поднялся.

— Ну, любовь моя, пойдём собираться? — ласково произнёс он, и в синих глазах я к

своему беспокойству заметила золотистые отблески. — И я расскажу о правилах, которые ты должна соблюдать на этом вечере.

Внутри всё застыло. Предположение, что с вечером не всё так просто, окрепло и превратилось в уверенность. Я приросла к стулу, не в силах подняться, и переспросила пересохшими губами:

— П-правила?.. Какие?..

С Джоном тоже были правила, и если на этом вечере они похожие... Слюна стала вязкой и горькой, но в голове царила звонкая пустота. Несмотря на ускоренное обучение, мне всё ещё не хватало фантазии представить, что способны придумать Джеффри и Джонас.

— Расскажу, пока одеваться будешь, — муж нетерпеливо глянул на меня. — Мари-и, — с нотками предупреждения позвал он.

Я заставила себя встать и подойти, пытаюсь унять дрожь, и совсем не от возбуждения. Мне стало страшно. Страшнее даже, чем когда утром я оказалась в той самой комнате для наказаний. Потому что... Всё происходило между мной и этими мужчинами, а сейчас... Гости. Боже мой, что меня ждало?! Ужас грозил перерасти в панику, я не помнила, как дошла до спальни. Кровь шумела в ушах, и тело стало ватным и безвольным, глаза ничего не видели перед собой. Очнулась я, когда раздался спокойный голос Джеффри:

— Снимай платье, Мари.

То, что Джонас решил помочь, и его пальцы, пока стягивали с плеч тонкий батист, лениво, словно невзначай, гладили мою грудь и соски, прошло почти незамеченным. Даже то, что моё тело отреагировало, и розовые вершинки тут же затвердели, одарив жаркими вспышками вожделения, не вызвало сколько-нибудь сильных эмоций. Я не сводила настороженного взгляда с Джеффри, а он тем временем что-то выбрал из шкафа и повернулся ко мне. Знакомая предвкушающая улыбка на его губах заставила внутри всё болезненно сжаться, я незаметно сглотнула, сжав пальцы в кулаки. Ладони Джона скользнули по рукам, и платье опало к ногам невесомым облаком, а я... смотрела на то, что приготовил муж в качестве вечернего платья и едва сдерживала желание истерично рассмеяться.

— Думаю, вот это отлично подойдёт, — Джефф шагнул ко мне, а я чуть не отступила назад, не сводя широко раскрытых глаз с наряда.

Но сзади стоял Джонас и удерживал мои руки за запястья, пока ещё не слишком сильно. У меня не находилось слов, горло пересохло, и я судорожно сглотнула, чуть не закашлявшись. То, что предлагал Джеффри, больше походило на откровенный пеньюар из кружева сочного красного цвета. Длинный, ниже шиколотки, спереди низкий круглый вырез и маленькие рукава-фонарики. А ещё, ряд пуговичек на лифе, совсем недлинный. Где-то до пупка... И атласная лента, стягивавшая наряд под грудью, видимо, символический корсет. А вот ниже застёжки платье расходилось, не скреплённое ничем. Если специально не придерживать юбку, то... На каждом шаге оно будет распахиваться, показывая всем желающим, что под нарядом на мне больше ничего нет. Ну может, кроме чулок и подвязок. Да и само кружево не такое плотное, чтобы полностью скрывать моё тело. В особенности торчавшие, напряжённые соски.

В голове настолько не укладывалось, что Джеффри всерьёз предлагает мне надеть *это*, что я несколько долгих минут пребывала в полнейшей растерянности и замешательстве. За это время Джон развернул меня спиной к мужу, я как в полусне просунула руки в рукава, и

только когда супруг обнял, занявшись застёжкой на платье, я прерывисто вздохнула и очнулась. Сердце беспорядочно металось между рёбрами, кожа покрылась противным, липким потом, а тело начала колотить мелкая дрожь. Джонас, отступив на шаг и скрестив руки на груди, окинул меня внимательным взглядом и широко, довольно улыбнулся.

— Ты выглядишь восхитительно... непристойно, сестричка, — мурлыкнул он с отчётливой паузой, и я очнулась, моргнув и уставившись на него отчаянным взглядом.

Но сказать ничего не успела. Джефф, чьи губы блуждали по моей шее, оставляя на ней невесомые поцелуи, завязал ленточку на бантик, провёл ладонями по мягким полушариям, несильно их сжав. А потом принялся за пуговички, медленно их застёгивая, и одновременно заговорил.

— Мари, ты замечательно вела себя и вчера, и сегодня. На предстоящем вечере будут наши близкие друзья, любовь моя, — ещё один поцелуй в изгиб шеи, и я несильно вздрогнула — прикосновение будто обожгло кожу. — И ты должна быть очень послушной девочкой, поняла? — его голос стал вкрадчивым, а пальцы погладили живот, обвели впадинку пупка. — Они наверняка захотят познакомиться с тобой... поближе, — продолжил муж с красноречивой паузой, ладони Джеффри медленно скользнули ниже, почти до самого сокровенного, разведя в стороны края разреза на юбке. — Мари, ты поняла? — настойчиво спросил он, погладил мои бёдра, и дрожь в теле стала сильнее, а страх перерос в панику, едва до меня дошёл скрытый смысл его слов.

Я вспомнила невольно подслушанный разговор и похолодела, застыв и не реагируя на прикосновения. Боже. Там же будут мужчины, двое, если не ошибаюсь. Мне хватило сообразительности понять, что пряталось за, казалось бы, невинной фразой «познакомиться поближе». И мой наряд... Откровенно непристойный, не скрывающий ничего, в нём я выглядела доступной и совсем не леди, а продажной женщиной. Нет, нет, не могу поверить, Джеффри что, позволит другому мужчине прикоснуться ко мне?! Обнимать... Ласкать... Целовать... Иметь?! А может, не одному?.. Я задохнулась от рванувшей к горлу паники, дёрнулась, вывернувшись из его рук. Развернулась, во все глаза глядя на того, кого, как считала совсем недавно, любила, и медленно попятилась. Дрожь усилилась, а пальцы рук и ног похолодели.

— Д-джеффри... — просипела я, рот пересох так, что казалось, в горло песка насыпали. — Я не пойду в этом, — мои пальцы ухватили за кружево. — Пожалуйста, выбери другое! — почувствовала, что глаза начинает щипать, и заморгала, из последних сил сдерживая слёзы. — Ты что... Правда хочешь, чтобы... меня видели чужие мужчины и трогали чужие руки? — уже прошептала, заметив, как закаменело лицо Джеффа, черты заострились и стали жёсткими.

От ужаса кожу на спине словно стянуло ледяным панцирем, я поперхнулась следующей фразой, шагнула ещё назад и упёрлась в тумбочку около кровати. Джонас с непроницаемым выражением молча наблюдал, не вмешиваясь, и это пугало ещё сильнее. Тишина в спальне давила на уши, становилась плотнее с каждым мгновением, и я поспешно заговорила дальше, давась словами, выталкивая их из себя:

— Зачем?.. Зачем тебе, вам это? Я твоя жена, Джефф, я... я согласна делать всё, что вы хотите сделать со мной! Но... — запнулась, ощутив, что по щеке скатилась слезинка, заметила, как муж медленно шагнул вперёд, и невольно вцепилась в край тумбочки. Отступить дальше некуда. — Но Джеффри, я же... голая! — от последнего слова щекам стало горячо, волна мучительного стыда залила жаром, разогнав немного ледяной холод

страха. — А там... чужие люди!..

Всхлипнула и тут же прикусила губу, с отчаянием поняв, что, конечно, меня никто не услышал и будет так, как решил Джеффри. Неважно, почему он решил именно так. Мгновение — и одним непостижимо быстрым, смазанным движением муж оказался рядом, припечатал к краю тумбочки так, что я невольно выгнулась назад, судорожно вздохнув. Джеффри навис надо мной, и в полумраке я отчётливо увидела затеплившийся в глубине его зрачков рубиновый огонёк. Его ладонь жёстко проникла между моих сжатых бёдер, пальцы вонзились в нежную плоть, грубо потирая складочки и глубоко проникая. Я в голос охнула, чувствуя, как стыд становится сильнее: прикосновение... взволновало, несмотря на весь ужас ситуации, обдало волной жара. О, боже, моё тело реагировало!

— Зачем, Мар-ри? — пророкотал он низко мне на ухо, и дыхание перехватило от странной, пряной смеси возбуждения и всё того же страха. Я невольно отвернулась и крепко зажмурилась, тяжело дыша и глотая слёзы. — Тебе нужен новый опыт, новые эмоции, которые достанутся только нам с Джоном, — пальцы между моих ног двигались сильно, размеренно, и... я чувствовала, как там становится влажно. — Твоё тело принадлежит нам, и мы будем делать с ним, что хотим. Говор-ришь, не пойдёшь-шь? — он уже шипел, обдавая горячим дыханием шею, и я давилась тихими рыданиями, ненавидя себя, презирая за эту слабость.

Бёдра подавались навстречу, как ни старалась я сжать их сильнее, и внизу живота становилось жарко и болезненно потягивало. Джеффри с лёгкостью будил во мне тёмное вожделение, всего лишь несколькими прикосновениями...

— Я привяжу тебя в той комнате к кровати, Мар-ри, и мы с Джоном будем трахать твоё тело до утра, по-всякому, как захотим, — зашептал муж хрипло, и я едва не задохнулась от предательской волны огня, пронёсшейся по венам. Перед глазами замелькали картинки... С губ сорвался сдавленный стон, и я тут же беспомощно всхлипнула, бесстыдно прижимаясь к руке Джеффри. — И не давать тебе кончить, любовь моя, — он медленно лизнул мою щёку, а другой рукой сильно, до боли сжал грудь. — Ты будешь кричать и умолять, Мари, но тебе это не поможет, — тихий смешок, и я всё же не выдержала, зажмурилась, молча глотая слёзы. — Хочеш-шь так, а, любимая? — пальцы проникли в меня особенно глубоко и пошевелились, и я снова коротко застонала. — Тогда возражай дальше, будь непослушной девочкой, и ты получишь своё наказание...

— Н-нет, не хочу, — выдавила из себя, слизывая солёные капли с губ.

Джеффри тут же убрал руку, я невольно приоткрыла глаза, чтобы наткнуться на насмешливый, с золотыми искрами, взгляд и порочную ухмылку.

— Я так и думал, — мурлыкнул муж и с явным удовольствием медленно облизал пальцы, побывавшие во мне. — А вот думать об этом тебе точно нравится, жена моя, — со смешком добавил он. — Возбуждает, правда, думать о той комнате и наказаниях, Мари-и? Ты влажная, — озвучил он очевидное, и от очередного всплеска стыда кожа на лице чуть не осыпалась пеплом.

Я тяжело опёрлась на тумбочку, от унижения и разбуженного возбуждения тело горело, словно его окатили кипятком.

— Пойдём, — голос Джеффри резко смягчился, снова стал вкрадчивым. — Любовь моя, не переживай, мои друзья умеют обращаться с женщинами. Тебе будет хорошо, — небрежно произнёс он, пока я медленно выпрямлялась и вкладывала пальцы в его ладонь.

— Почему?.. — беззвучно прошептала я, в голове никак не укладывалось, что муж вот

так спокойно отдаст меня другим.

И ещё будет смотреть, я уверена. Джеффри рывком притянул к себе и крепко прижал, заглянул в глаза, а потом... протянул руку Джонасу, который быстрым движением провёл по запястью мужа невесть откуда взявшимся узким серебристым клинком. Я тихо вскрикнула, широко раскрытыми глазами наблюдая, как в длинной царапине набухает... серебристая, густая даже на вид жидкость. Кровь?..

— Потому что так положено, Мари-и, — протянул мне на ухо Джефф и поднёс к моим губам разрезанное запястье. В нос ударил знакомый мятный запах, и тут же непреодолимо захотелось слизнуть капельку, насладиться прохладным вкусом. — И ещё, смотреть мы с Джоном тоже любим, правда, брат? — муж коротко посмотрел на Джонаса и потом снова на меня, и скомандовал. — Пей, Мари. Это поможет тебе расслабиться, любовь моя.

Прежде, чем успела запротестовать, язык сам потянулся и жадно лизнул, потом ещё и ещё, а потом и губы приникли к царапине, и я пила, пила... Боже. Кем я стала? Знакомая волна бодрости притупила страх и усилила разбуженные Джеффри эмоции. Я сглотнула последний раз, задышала чаще, ощущая, как низ живота наливается знакомой тягучей истомой, и с безнадежностью поняла, что... Сопротивляться не буду. Тело не успокоится, пока не получит удовлетворение, а мои хозяева точно не дадут мне его. Не покидала уверенность, что в какой-то момент станет всё равно, чьи руки ко мне прикасаются, лишь бы они дарили наслаждение и последующее освобождение. Кажется, я почти достигла самого дна тёмной пропасти разврата, куда меня утянули Джеффри и Джонас...

Погружённая в тягостные мысли, я не сразу поняла, что мы уже вышли из спальни и приблизились к приоткрытой двери в гостиную. Оттуда раздавались приглушённые голоса, смех и... один из них был женским. Я замерла, остановившись, а Джеффри распахнул передо мной дверь, одарил предупреждающим взглядом и шагнул первый, потянув за собой.

— Господа, рад всех видеть! — услышала я его громкое приветствие, и в следующий момент Джонас мягко подтолкнул меня вперёд. — Хочу представить вам мою чудесную жену, Мари!

Не отрывая взгляда от пола, судорожно стискивая кружево непристойного пеньюара и делая маленькие шажки, я вышла вперёд и застыла статуей, остро чувствуя всей кожей, как внимательно меня рассматривают чужие глаза.

— О, Джеффри, я безумно рада тебя видеть! — раздался звонкий женский голос, от которого я вздрогнула и осторожно покосилась в сторону говорившей.

Здесь в самом деле была женщина. Невысокая, изящная, миниатюрная, с копной тёмных волос, небрежно заколотой на затылке, она сидела на коленях одного из мужчин. С нашим появлением она живо вскочила, на красивом лице появилась широкая улыбка, а глаза заблестели, уставившись на моего мужа. Я отметила весьма откровенный наряд с низким декольте, почти не скрывавшим грудь, тонкую ткань, струившуюся по телу, сквозь которую просматривались все изгибы, и... Похоже, под платьем у незнакомки тоже ничего не было, как и у меня. А ещё, я вдруг остро ощутила, что эта дама — *другая*. Не знаю, как, однако пока она буквально подлетала к Джеффри, раскинув руки и сияя, как начищенная монета, я следила за ней и чувствовала схожесть с моими хозяевами. «Она... не человек», — мелькнула догадка, переросшая в уверенность. Даже показалось, в живых тёмных глазах мелькнули искры... Только серебристые, а не золотые, как у Джеффри и Джонаса. Я невольно отступила на шаг, когда незнакомка влетела в объятия моего супруга, счастливо смеясь, и буквально повисла на его шее, прикинув к губам в страстном, жарком поцелуе. Джеффри с готовностью обнял её, уверенно расположив ладони на попке гостьи, и я расширенными глазами смотрела, как они прижимаются друг к другу, как женщина гладит лицо Джеффа, жадно впиваясь в его рот и непристойно двигая бёдрами.

Краска бросилась в лицо, стало неловко от этого зрелища, и одновременно — моё дыхание участилось, низ живота охватила знакомая горячая тяжесть. Этот развратный поцелуй разбудил в душе что-то тёмное, что поселилось там со вчерашнего вечера, и... волнение плеснуло в голову прямой волной. Боже. Я смотрела, как совершенно незнакомая женщина чуть ли не отдаётся при всех моему мужу, и всё, что испытывала по этому поводу — смесь стыда и возбуждения. Неужели нет предела глубине моего падения?! Я отвела взгляд, незаметно сглотнув и судорожно смяв пальцами кружево платья, слушая тихие, какие-то мяукающие звуки, которые издавала незнакомка, и молча умоляла их закончить наконец с приветствием. Словно услышав меня, они наконец оторвались друг от друга, и гостья, не расцепляя рук, повернулась в мою сторону.

— А она миленькая, — проворковала женщина, склонив голову к плечу, выскользнула из рук Джеффри и медленной, плавной походкой подошла ко мне.

Я отчего-то испугалась и отступила на шаг, упёршись спиной в Джонаса и не сводя с покрасневшегося личика с припухшими губами настороженного взгляда. Рука сводного брата тут же обвилась вокруг моей талии, удерживая, а гостья остановилась почти вплотную ко мне. Так, что я видела проступавшие через тонкую ткань твёрдые горошины сосков, и это зрелище усилило моё замешательство.

— Мари, да? — тем же голосом произнесла она, и маленькая, прохладная ладошка медленно провела по моей щеке, женщина снова улыбнулась. — Добро пожаловать, дорогая, — и в следующий момент она, обхватив моё лицо уже двумя ладонями, прижалась на несколько мгновений к моим губам.

Не удержавшись, я глухо вскрикнула, дёрнувшись, и незнакомка с тихим смехом отступила, окинув меня довольным взглядом. Вот теперь я отчётливо видела в нём серебристое марево. Боже, а она кто?!

— Скромненькая ещё, — снисходительно обронила незнакомка и перевела взгляд на стоявшего за моей спиной Джонаса. — А по тебе я тоже соскучилась, милый, — мурлыкнула она кошкой, недвусмысленно облизнувшись.

— А уж я-то как, Кати, — низким голосом ответил Джон и отпустил меня, шагнув к этой самой Кати.

И ещё один поцелуй, долгий и голодный. Ладони Джона скользили по спине женщины, мяли попку, прижимая к себе, а она так же томно постанывала, изгибаясь, как и с Джеффри. Чтобы отвлечься от непристойного зрелища, я перевела взгляд на мужчин, сидевших около стола в креслах. Их было всего двое, к некоторому моему облегчению. Ближе находился блондин с непроницаемым лицом и тяжёлым подбородком, длинные тонкие пальцы поглаживали его, а глаза, не отрываясь, смотрели на меня. Пристально, изучающе и с интересом. И снова странное внутреннее чутьё подсказало: блондин такой же, как мои хозяйка и Кати. Не человек. Это у него на коленях сидела гостья перед тем, как мы вошли. Я поспешно посмотрела на второго мужчину — Джонас и Кати продолжали целоваться, как заметила краем глаза, и брат Джеффри уже придерживал её ногу за бедро, медленно поглаживая через тонкую ткань...

Он отличался. Не знаю, чем, какой-то неуловимой аурой, но — он был не таким, как все остальные. Хотя такое же непроницаемое лицо, как у блондина, чуть прищуренные серые глаза, плотно сжатые губы. Тёмные волосы собраны в аккуратный маленький хвостик. Незнакомец сидел, откинувшись в кресле и положив ногу на ногу, переплетя пальцы, и тоже смотрел на меня. Но... в его глазах не было такого голодного выражения, как у блондина, или у Джеффри с Джонасом. Интерес, да, несомненно, и вместе с тем... Я моргнула в удивлении, не поверив сначала собственным ощущениям. Потому что в глубине серого взгляда подметила тень самого настоящего сочувствия. Кто он? Как ухитрился попасть в эту компанию? Что делает здесь, в доме Джонаса?

Блондин вдруг поднялся, переключив на себя моё внимание, и я несильно вздрогнула — он оказался высоким и широкоплечим, выше меня на целую голову. И неторопливо направлялся ко мне.

— Согласен с Катриной, отличный выбор, Джефф, — негромким, густым и низким голосом произнёс он, и я снова едва не попятилась.

Сердце мячиком подскочило к горлу, я остро ощутила, что на мне всего один слой кружева, под которым ничего нет, и малейшее движение, и юбка распахнётся, демонстрируя моё тело. Ещё и Джеффри каким-то образом оказался рядом, и его рука легла на мою талию, удерживая на месте. Я напряжённо застыла, с ужасом и какой-то сладкой истомой понимая, что этот мужчина сейчас тоже... поздоровается со мной. Так же, как Катрина. Она, кстати, наконец оторвалась от губ Джонаса, но не торопилась расцеплять руки, поглядывая на меня с хитрой улыбкой.

— Любовь моя, это Марк, — мурлыкнул муж, а Марк между тем остановился рядом, почти вплотную. — Наш с Джоном близкий друг.

Мне бы сделать вежливый реверанс и выразить такую же вежливую радость по поводу его прибытия, но я застыла статуей, глядя, как Марк медленно наклоняется ко мне. Слегка шершавые, тёплые ладони вдруг жёстко обхватили моё лицо, не давая отвернуться, и губы смял настойчивый, властный поцелуй. Чужой язык раздвинул их, проник в рот, не оставляя ни шанса избежать прикосновения. Марк уверенно исследовал открывшееся пространство, чувствительно прикусил нижнюю губу, а потом втянул её, медленно посасывая. Я не

заметила, как его ладонь сместилась на мой затылок, прихватив пряди волос, а вторая спустилась на грудь, мягко массируя полушарие. Сознание начал заволакивать знакомый туман, притаившееся в глубине возбуждение, разбуженное Джеффри и щедро приправленное его кровью, тут же зашевелилось и растеклось по венам. Я резко вздохнула, с тихим отчаянием чувствуя, как тело отозвалось жаром и предательской пульсацией между ног. Боже, меня касался и целовал незнакомый мужчина, а я... млела и бесстыдно тянулась к нему, как падшая женщина. Собственно, именно такой меня сделали Джеффри и Джонас со вчерашнего вечера...

— Сладкие губки, — освободив мой рот, с мягким смешком произнёс Марк и, последний раз проведя подушечками по напряжённой вершинке, отступил, в его взгляде светилось одновременно удовлетворение и предвкушение. — Думаю, и всё остальное тоже, — чуть понизив голос, добавил он, и вдоль спины прокатилась волна горячей дрожи.

Сомнений в том, что подразумевалось под *остальным*, не было. Как и в том, что Марк попробует меня... везде. И я буду с радостью подставляться под его ласки, а Джонас и Джеффри будут смотреть. При одной только мысли, как руки Марка прикасаются ко мне, внизу живота всё сжалось в болезненно-сладком спазме, и я едва не охнула от острой вспышки ощущений.

— Рад видеть, Марк, — Джефф из-за моей спины подал ему руку, и я не могла видеть его лица.

Интересно, мне потом придумают наказание за то, что позволила другим мужчинам прикасаться к себе?.. Ох. Разрешение. Думаю, если спрошу, то... буду послушной девочкой, да? На несколько мгновений я почувствовала себя такой грязной, что во рту появилась горечь, а на глаза едва не навернулись слёзы. Но я огромным усилием воли сдержалась. Не хочу показывать чужим... нелюдям своё отчаяние и плакать перед ними. Остатки гордости во мне ещё не совсем умерли.

— А это наш друг, Ричард, — Марк повернулся ко второму мужчине — он тоже поднялся и теперь неторопливо подходил к нам. — Он недавно в городе, Катрина с ним познакомилась, — блондин улыбнулся уголком губ так двусмысленно, что я сразу поняла, как именно это случилось.

Мелькнула неуместная сейчас мысль: значит, они и между собой?.. А эмоциями тоже так же обмениваются, если они у них вообще есть? Иначе зачем им... питаться таким образом? Ричард остановился рядом с блондином, пожал протянутую руку Джеффри и сдержанно кивнул.

— Добрый вечер, — коротко поздоровался он.

Голос оказался приятным, спокойным. Я удивилась, поймав себя на том, что от него внутри ничего не дрожит и не напрягается.

— Рад видеть в гостях, — Джефф продолжал играть вежливого хозяина, и тут Ричард посмотрел на меня.

Вблизи он оказался не таким большим, как Марк, и почему-то не хотелось отвести глаза в смущении. От темноволосого исходила странная аура уверенности, он не подавлял, а едва наши взгляды встретились, черты лица Ричарда неуловимо смягчились. У меня неожиданно перехватило дыхание, и почему-то ослабли колени, но вовсе не от вожделения. Внутри затрепетало странное ощущение, однако я не смела даже верить, что этот мужчина появился в доме Джонаса не случайно. И почему-то крепла уверенность, что он — такой, как я. Простой человек. Ричард подошёл ближе, точно так же обхватил ладонями лицо, а когда его

большие пальцы вдруг нежно погладили мои скулы, сердце скатилось в живот, да там и замерло настороженным зверьком.

— Здравствуй, — шепнул Ричард мне в губы и так же нежно, аккуратно прижался к ним.

В той тёмной бездне, куда я погружалась всё глубже со вчерашнего вечера, блеснул безумный огонёк надежды. Потому что *так* меня не целовали. Бережно, ласково, не нападая и не насилуя мой рот. Тёплый язык мягко скользил по губам, не пытаясь заставить их раскрыться, и от удивления я замерла, едва дыша и растерявшись так, что на мгновение даже позабыла, где нахожусь и с кем. Меня словно омыла прохладная волна, убирая то тёмное, что разбудили в душе, и это было... чудесно. Но я не успела насладиться этим мигом, Ричард отстранился, одарив напоследок ободряющим взглядом, и тут же отвернулся.

— Ну что ж, все познакомились, начнём наш вечер! — весело произнёс Джеффри и подтолкнул меня вперёд. — Присаживайся, Мари.

Тут я заметила, что по обе стороны стола стояли два стула, и Катрина тут же устроилась на одном из них, напротив. С её губ не сходила предвкушающая улыбка, на лице отражалось нетерпение — она явно знала, что будет дальше, в отличие от меня. Вернулось беспокойство, я молча опустила на своё место, придерживая платье, чтобы оно не расходилось. Мой взгляд остановился на картах, лежавших на столе, и беспокойство грозило перейти в тревогу. Сразу вспомнился вчерашний вечер, как Джеффри сообщил, что он проиграл мою невинность своему брату...

— Так, — муж хлопнул в ладоши, сев на диван рядом с Джоном, посмотрел на меня, и от его улыбки подвело живот, а сердце сжалось в комочек. Ричард и Марк вернулись в свои кресла напротив моих хозяев. — Объясню правила, любовь моя, — мурлыкнул Джеффри, и в его глазах блеснули золотые искры. — Мы с моими друзьями играем, по парам. Если партию проигрываем мы, ты выполняешь желания Ричарда и Марка, если выигрываем, — он перевёл взгляд на Катрину, заёрзавшую от нетерпения. — То наши желания выполняет Кати. Всё просто, любовь моя, — Джефф откинулся на спинку и начал перемешивать, вновь глядя на меня. — Любые желания, — чуть тише повторил он, и я сглотнула пересохшим горлом.

Да, меня собирались отдать на потеху гостям. И наблюдать за этим, наслаждаясь... моими эмоциями. Поймав горячий, многообещающий взгляд Марка, я задрожала, с тихим отчаянием почувствовав, как тело охватила жаркая истома при одной только мысли, что он ко мне прикоснётся. Чужой мужчина. Нечеловек. На глазах мужа и остальных. И я буду послушно подставляться под его ласки, жаждая удовлетворения, так же, как извивалась в руках Джеффри и Джонаса... Щёки опалило жаром, я стиснула колени, напряжённая, как струна, и уставилась в пол, каждой клеточкой ощущая напряжённую, звенящую тишину. Очень хотелось посмотреть на Ричарда, почему-то его присутствие вселяло в меня робкую надежду, что несмотря на ужасную ситуацию, всё будет хорошо... Но я сдерживалась, чутьё подсказывало, что нельзя выделять его из всех. Это может не понравиться Джеффри и Джонасу, а они наверняка заметят мой взгляд. К возбуждению, бродившему по телу жаркими вспышками, примешивался пряный привкус опасности и одновременно надежды, и стоило больших трудов сидеть спокойно, дожидаясь своей участи. Тихо шелестели карты, слух обострился настолько, что я слышала каждый звук отчётливо и громко. Учащённое дыхание Катрины. Тихий скрип мебели, когда кто-то из мужчин наклонялся вперёд или менял позу. На стол я не смотрела, всё равно ничего не понимала в картах, и лишь с возрастающим напряжением и волнением ждала, когда...

— Партия, господа, — низкий, густой голос Марка прозвучал, как выстрел, и я едва не

подскочила от неожиданности, судорожно стиснув кружево на коленях.

Моё дыхание сделалось частым, горошины сосков красноречиво проступали под тканью и наверняка привлекали внимание, но я не смела, не смела отрывать взгляд от ярких узоров на ковре. Что меня сейчас ждёт?..

— Поздравляю, друг мой, — усмехнулся Джефф. — С вас по желанию.

Очень хотелось зажмуриться, я вдруг остро ощутила, как на меня все смотрят. И гости, и мои хозяева, и по коже поползли колкие мурашки, а дыхание сбилось. Я едва не облизнула сухие губы, но сдержалась. Знала, как провокационно будет выглядеть этот жест.

— Мари, — коротко позвал Марк, и таким повелительным голосом, что я тут же вскинула голову, постаравшись не показать своего страха.

Я боялась, да, и вместе с тем с дрожью предвкушения ожидала, что он потребует. Боже, кровь Джеффри бродила во мне, отравляя чувства и эмоции, заставляя вожделеть чужого мужчину и жаждать его прикосновений. Я едва не всхлипнула от беспомощности и отчаяния, прикусив изнутри губу. Марк же, откинувшись на спинку кресла, медленно оглядел меня и лениво улыбнулся.

— Покажи себя, девочка, — мягким, бархатным тоном произнёс он. — Раздвинь ножки.

Воздух застрял в горле, и пришлось несколько раз судорожно сглотнуть. Тело охватила мелкая дрожь, лицо опалило огнём от острого приступа стыда, но я не смела отвернуться, не зная, не разозлит ли это гостя. Быть наказанным ещё и им — не знаю, смогу ли перенести это унижение, и принять то, что... мне понравится, и я буду кричать от наслаждения снова и снова, ослеплённая тёмным вожделением. «Нет, нет, пожалуйста, *я не хочу* этого делать!..» — билась в голове одинокая мысль, и одновременно я с каким-то отстранённым любопытством наблюдала, как мои ладони легли на колени. Пальцы отпустили края кружевного пеньюара, в который нарядил меня Джеффри. Они мягко скользнули вниз, открывая ноги... Низ живота залила горячая тяжесть, скрутив мышцы в сладком спазме ожидания, и я медленно, задыхаясь от противоречивых желаний и эмоций, развела колени. Широко, как хотел Марк. Бесстыдно выставляя себя напоказ, и не только ему, а всем, находившимся за столом. Ричарду. Катрине, которая подалась вперёд, буквально пожирая меня жадным взглядом. Джеффри и Джонасу, наблюдавшим за мной с одинаковыми ленивыми, порочными усмешками.

Острые иголки возбуждения покалывали, тело едва не выгнулось волной, толкая бёдра вперёд и ещё сильнее открывая самое сокровенное. Я знала, чувствовала, что там всё уже давно влажное, готовое. И Марк это прекрасно видел. Его голодный, жаждущий взгляд заставил мышцы сжаться, и я едва не охнула от вспышки пряного, хмельного удовольствия. Боже, мне *нравилось*, как он смотрел на меня... А от желания, чтобы прикоснулся, погладил трепещущие, нежные складки, в глазах темнело, и из горла рвался стон. Порочная и грязная, такая же, как мои хозяева. Развратная игрушка.

Катрина шумно вздохнула, и краем глаза я заметила, как она откровенно облизнулась.

— Какое чу-удное зрелище, — мурлыкнула она низким, чувственным голосом, и ладонью обхватила свою грудь. — Прямо так и хочется пос-смотреть побли-иже...

Хриплый, тягучий тон отозвался между ног очередной волной жаркого томления, а сокровенное местечко вспыхнуло огнём. Меня что... возбуждает женщина?!

— Кат-ти-и, — протянул предупреждающе Джеффри. — Мы ещё не выиграли, дорогая моя. Сиди спокойно.

Издав разочарованный, мяукающий звук, тем не менее, Катрина подчинилась,

недовольно сжав губы, выпрямилась и положила ладони на колени. Но её взгляд затянутых серебристым маревом глаз не отрывался от моей открытой плоти... И с каждым мгновением всё сильнее хотелось прикоснуться к себе, утолить жажду наслаждения, сжигавшую изнутри. Пришлось вцепиться в сиденье, чтобы не дать рукам совершить предательское движение, стыд мешался с вожделением, и я уже погружалась в вязкий туман, часто дыша и мелко дрожа от напряжения. Только на Ричарда старалась не смотреть, чтобы не ощущать себя ещё грязнее и порочнее. Он ведь человек, а не такой, как эти.

— Рик, твоя очередь, — лениво обронил Марк, чуть повернув голову ко второму мужчине, но его взгляд не отрывался от меня.

Мне пришлось это сделать. Посмотреть на Ричарда, хотя внутри всё переворачивалось от стыда и острого осознания собственной испорченности, которую он сейчас видел. И... включится ли в игру?.. Что я знала о его намерениях, с чего взяла, что Ричард пришёл именно помочь мне? Может, он в самом деле любовник Катрины и друг Марка, пусть и человек? Ведь если его сюда допустили, значит, знали, кто он такой. Или... Эти нелюди не могли ощущать чужих? Боже, я совсем запуталась. Бродившее в крови возбуждение отвлекало, тревожные мысли растворялись в нём, как в горячем сиропе, и голова начала немного кружиться от переполнявших эмоций. Которые, не сомневаюсь, вскоре достанутся Джеффри и Джонасу. Они же говорили что-то об этом за обедом, что гости будут довольствоваться лишь моим телом.

Ричард склонил голову, будто раздумывая, погладил пальцами подбородок и произнёс:

— Покажи грудь, Мари. Пока только одну, — на его губах появилась усмешка, но... какая-то мягкая. — Можешь прикоснуться к ней, я вижу, тебе хочется, — добавил он.

Да, мне хотелось. Безумно хотелось прикоснуться к себе хоть как-нибудь, унять чувственный голод, пожиравший изнутри от одних только взглядов. От ощущения собственной беспомощности, открытости и покорности. Я горела в тёмном огне вожделения, мешавшемся со стыдом, и это придавало горьковатую нотку эмоциям. Мои пальцы потянули кружево, высвобождая острую, возбуждённую вершинку, я медленно обвела вокруг и едва не задохнулась от приступа наслаждения, другой рукой крепче вцепившись в сиденье.

— Смотри на меня, — вдруг властно приказал Ричард.

Властно, и вместе с тем — мягко. Я удивленно вздохнула, на мгновение замерев, и наши взгляды встретились. Показалось или нет, в самой глубине мелькнуло сочувствие и... сожаление? Реальность подёрнулась дымкой, отодвинулась, оставив нас на несколько мгновений наедине с Ричардом. Я не заметила, как мой палец оказался во рту, язык облизал, смачивая, и уже влажная подушечка коснулась розового бутона, нежа его и поглаживая. О да-а, я именно этого хотела. Напряжённый сосок требовал внимания, ласки, постреливая жалящими искрами, и я сжала его, мешая боль с удовольствием. А Ричард смотрел, удерживая мой взгляд, не давая погрузиться в вязкое болото осознания собственной распущенности. Я ласкала себя, пусть и не так откровенно, и на меня смотрели... чужие, незнакомые глаза. И мне это нравилось, боже мой. Кости плавилась, низ живота пылал в огне, пожиравшем изнутри, и с губ сорвался короткий, тихий стон.

— Раздаём дальше? — раздался непринуждённый голос Джеффри, вырывая из сладкого марева.

Игра продолжилась. Тишина стала вязкой, плотной, её можно было резать пластами. Мой палец игрался с налившимся, твёрдым шариком, а перед глазами мелькали картинки,

как к нему приникает чужой, жадный рот, втягивая, посасывая, прихватывая зубами и оттягивая. Причиняя боль пополам с острыми искрами удовольствия. И возбуждение лизало изнутри обжигающими языками, нежная плоть между ног пульсировала в такт прикосновениям, а бёдра сжимались, подаваясь чуть вперёд. Выдавая мои эмоции с головой. Мучительная пытка набирала обороты... Погружённая в собственные переживания, уже не глядя на Ричарда и вообще ни на кого, я не заметила, как закончилась вторая игра, лишь услышала довольный, предвкушающий голос Джеффри:

— Партия.

И следом радостный взглас Катрины. Я не хотела смотреть на неё, но болезненное любопытство подвело. Изогнувшись так, что сквозь натянутую тонкую ткань просвечивали тёмные ареолы сосков, она призывно облизнулась и проворковала:

— Я готова. Что вы хотите, чтобы я сделала, дорогие хозяева?

— Подними платье и покажи, как ты меня хочешь, Кати, — на лице Джеффри появилась хищная, порочная усмешка, а глаза начало завлакивать тяжёлое золото. А потом он глянул на меня. — Пусть моя любимая супруга тоже посмотрит, ей полезно поучиться.

От этих непристойных слов меня накрыла горячая волна, а пальцы снова сжали тугой, ноющий шарик, послав разряд болезненного удовольствия по телу. Оно неосознанно выгнулось, пока мой ошалевший от эмоций взгляд не отрывался от Катрины. А она, удобнее устроившись на стуле, тоже медленно улыбнулась, легко подняла подол платья, под которым, конечно, больше ничего не было, и поставив одну ногу на сиденье, другую широко отвела в сторону. Закинув руку за голову, прикрыв поблёскивавшие серебром глаза, Катрина выгнула бровь и проворковала:

— Смотри, малышка, как надо.

Тонкие пальцы коснулись кораллово-розовых, влажно поблёскивавших складок, раздвинули их, нежно погладили и... медленно скользнули дальше, внутрь.

Я не могла на это смотреть и понимать, что зрелище меня возбуждает до дрожи. И уже собственным пальцам хочется погрузиться, скользнуть по шелковистой плоти... А Катрина начала тихонько, томно постанывать, выгибаясь навстречу собственным ласкам, и мне казалось, лицо сейчас сгорит от стыда до костей. Послышался довольный смешок Джонаса и его голос:

— Кати, дорогая, сними платье. Без него тебе будет гораздо лучше.

Не прекращая двигать рукой вниз, гостя спустила лиф до пояса, выставив полную, высокую грудь с тёмными кружками ареол и коричневыми вершинками. Не сводя с меня взгляда, Кати медленно облизнулась, и её вторая рука начала повторять движения моей, играя с набухшим соском. И я смотрела на непристойную картинку, не в силах опустить глаза, и понимала, что моё дыхание учащается, а жар в крови усиливается...

— Раздаём, — коротко бросил Джеффри, и следующий круг игры начался.

Мне уже хотелось, чтобы снова выиграли Марк и Ричард, я жаждала, чтобы они разрешили коснуться себя или... сами прикоснулись. То, как Катрина извивалась под собственными пальцами, непристойно двигала бёдрами, выставляя себя ещё сильнее, как умело и явно со знанием дела поглаживала и перебирала складки, вызывало у меня острые приступы стыда пополам с нестерпимым желанием сделать себе так же, подхватить этот ритм и погрузиться в наслаждение. Я тонула всё глубже с каждым мгновением, даже не заметив, как моё собственное тело начало плавно подаваться вперёд, повторяя движения Кати...

— Партия, — с явным удовольствием снова произнёс Джеффри, и я поймала себя на том, что едва разочарованно не застонала.

Опять только смотреть и изнывать от невозможности удовлетворить полыхавшую страсть, утолить вожделение, пожиравшее тёмным огнём низ живота. Раздраженная грудь ныла и постреливала вспышками болезненного удовольствия при каждом прикосновении, розовый тугой бутон сделался очень чувствительным. И я продолжала сжимать и поглаживать, уже сильнее, почти без всякой нежности, потому что сил терпеть почти не осталось...

— Кати, иди ко мне, — мягко произнёс Джонас, и гостя с тихим, радостным возгласом буквально слетела со стула, лишив меня развратного и крайне притягательного зрелища.

Платье опустилось к её ногам лёгким облачком, оставив Катрину полностью обнажённой. На смуглом теле играли блики от свечей, плавные изгибы были безупречны, ничего лишнего. Кошачьей походкой она приблизилась к Джонасу, опёрлась ладонью на подлокотник и наклонилась к нему, выгнув спину и бесстыдно выставив попку на обозрение. И судя по заинтересованному взгляду Марка в ту сторону, ему понравилось... Ричард же, как я подметила краем глаза, смотрел на меня, чуть прищурившись и поглаживая пальцами подбородок.

— Что желает мой господин? — мурлыкнула Катрина, поставив колено на край дивана и легонько покачиваясь.

Джон лениво улыбнулся, положил руку на спинку дивана и расставил ноги — красноречивое свидетельство его возбуждения отчётливо проступало под штанами.

— Господин желает, чтобы ты встала на колени и приласкала меня, — озвучил он своё

желание. — Только руками, — добавил Джон, и на лице Кати мелькнуло разочарованное выражение. — Не спеши, дорогая, не всё сразу, — с тихим смехом произнёс Джонас. — Себя не трогай.

— Эгои-ист, — обиженно протянула Катрина, опустившись перед ним на колени и шустро занявшись застёжкой на штанах.

Я позавидовала ей, которой разрешалось так вольно разговаривать с ним. Мне можно было лишь с радостью подчиняться... Переступая через остатки гордости каждый раз, как Джеффри и Джонас толкали меня в тёмную бездну порока. А Катрина явно наслаждалась без всякого стыда выполняя их желания, полностью совпадавшие с её собственными. Она высвободила напряжённый член Джона, ладонь Кати нежно обхватила и медленно провела вверх-вниз, и брат Джеффри шумно вздохнул, запустив руку в тёмные волосы, разрушая причёску. А я сглотнула, чувствуя, как моё возбуждение уже зашкаливает от этого зрелища. Катрина, глядя на Джонаса снизу вверх, так же медленно обвела большим пальцем головку, легонько сжала, заставив его тихо зашипеть сквозь стиснутые зубы. Удовлетворённо улыбнувшись, женщина кончиком языка облизнула губы и продолжила ласкать твёрдый ствол нежными, неторопливыми движениями. И я смотрела, не отрываясь, моё дыхание стало прерывистым и тяжёлым от развратной картинке... В какой-то момент даже захотелось оказаться на месте Кати и... Взять рот. Вобрать в себя, почувствовать вкус плоти Джонаса, сжать её губами...

— Ну а я не руками хочу, — произнёс Джеффри низким, хрипловатым голосом и расстегнул штаны, не сводя блестящего золотом взгляда с Катрины.

Не прекращая размеренных движений рукой, она потянулась к его стволу и молча, сразу взяла внушительный член в рот, целиком. Боже. Меня накрыло такой волной эмоций, что я в последний момент удержалась от длинного стога и чуть не подалась вперёд, замороженная происходившим. Катрина делала это с таким умением, облизывала, посасывала, даже причмокивала от удовольствия, что меня аж затрясло от ощущений. Я вспомнила, как сама это делала, умирая от восторга и сходя с ума от собственной покорности, и пришлось прикусить губу, сдерживая всхлип. Смуглая кожа Кати поблёскивала от выступившей испарины, её пальцы продолжали играть с членом Джона, а рот скользил вдоль твёрдого достоинства Джеффри, то быстро, то замедляясь. Язык игриво щекотал, обводил кончик, проводил по всей длине, и я ничего не могла с собой поделать, представляя, что это мой рот, мой язык и мои пальцы...

— Не помешает играть? — со смешком поинтересовался Марк, отвлекая меня от непристойного зрелища.

— М-м, не-ет, — тягуче отозвался Джон и кивнул на карты. — Раздавай.

Атмосфера в гостиной накалилась до предела, горячий воздух приходилось проталкивать в лёгкие с усилием. Глухие постанывания Кати, пошлые звуки, которые издавал её рот, тяжёлое дыхание Джеффри и Джонаса — от всего этого моё тело изнывало, сгорая от вожделения, от желания присоединиться... Боже мой. Я в самом деле готова была встать и подойти к ним, стать четвёртой... Эта игра прошла полностью мимо меня, казалось, всего несколько минут, и голос Марка возвестил:

— Партия, господа.

Я едва не всхлипнула от облегчения, порыв нетерпеливо заёрзать поймала в последний момент. Мой откровенно выжидающий взгляд замер на Марке, и на несколько мгновений я даже затаила дыхание. Уже не осталось ни страха, ни отвращения к себе, ни даже стыда. Всё

растворилось в горячем, тёмном мареве возбуждения, терзавшего моё тело. Глаза Марка, полностью золотые, пригвоздили меня к стулу, он коротко приказал:

— Подойди.

Не знаю, как мои ноги не подогнулись, пока делала эти несколько шагов, плаваясь от предвкушающего взгляда Марка. Остановилась рядом с его креслом, с трепетом ожидая дальнейших повелений. А гость молча подался вперёд, отвёл в стороны края разреза на платье и положил ладони мне на бёдра, жадно рассматривая низ живота.

— Ты вкусно пахнешь, — обронил он низким, вибрирующим голосом, и тело вновь задрожало.

А потом его рука опустилась ниже и подхватила мою ногу под коленку, вынуждая поставить на сиденье, опять раскрыться перед ним, только уже не просто для того, чтобы посмотреть.

— Раздвинь.

Очередной приказ, которому я с радостью повиновалась, позабыв обо всём, и даже сидевший рядом Ричард, наблюдавший за происходящим, на некоторое время перестал иметь для меня значение. Остался только Марк, его губы, которые собирались подарить мне драгоценные минуты наслаждения, и я, покорная и возбуждённая до предела. Моя рука медленно поднялась, пальцы послушно раздвинули влажные складочки, и Марк приник к моему лону, одновременно уже его пальцы проникли в меня. Резко, глубоко, болезненно-сладко. Я тихо вскрикнула, зажмурившись, и покачнулась, вцепившись свободной рукой в каменно-твёрдое плечо. Бёдра подались вперёд, прижимаясь крепче к горячему рту, буквально присосавшемуся к нежной плоти. Марк брал меня своими губами грубо, жадно, и с каждым прикосновением языка молния пронзала до самой глубины, вырывая короткие стоны вперемешку с судорожными всхлипами. Откинув голову, я послушно выгибалась, зажмурившись до боли, насаживалась на пальцы, вытягивалась в струнку в стремлении получить ещё, ещё больше удовольствия, выпить его до последней капли. Или отдать тем, кто за моей спиной точно так же наслаждался ласками Катрины...

Марк оставил меня в шаге от желанного освобождения, резко отстранившись и вынув пальцы, и я до боли прикусила губу, сдерживая беспомощное хныканье. Да, его я тоже готова была умолять, как и моих хозяев. Меня отлично выдрессировали, посадили на удовольствие, сделав полностью зависимой от него.

— Закончим позже, крош-шка, — с шипящими нотками произнёс Марк и, снова наклонившись, медленно лизнул моё горевшее, распаленное лоно.

Ещё раз поцеловал и отпустил наконец, дрожащую и едва не всхлипывавшую от переполнявшего неудовлетворённого возбуждения. Голова кружилась, колени подкашивались, и я опасалась, что если отпущу его плечо, то осяду на пол безвольной куклой.

— Твоя очередь, Ричард, — Марк лениво улыбнулся и откинулся на спинку, и мне пришлось собрать все силы, чтобы устоять.

Я заставила себя посмотреть на сидевшего рядом мужчину. Снова проснулся стыд, щёки опалило огнём. Ричард не улыбался, смотрел мне в глаза, и показалось, в глубине зрачков, затянутых прозрачной золотистой дымкой, мелькнула мрачная решимость. Не говоря ни слова, он начал медленно расстёгивать штаны, и я невольно сглотнула, напрягшись в ожидании. Что от меня потребуют на сей раз?.. Ртом, руками? Или... как вчера вечером, в гостиной с Джонасом, чтобы я это сделала, прижавшись нежной плотью?.. Мне уже было всё

равно, я находилась полностью во власти вождения, и вспышка замешательства растворилась в нём без остатка.

Ричард между тем справился с застёжкой и высвободил своё оружие, размерами, пожалуй, не уступавшее Джонасу и Джеффри. И я жаждала познакомиться с ним поближе...

— Садись, — негромко, повелительно произнёс Ричард и уточнил. — Сверху. На него.

От этих слов, от их смысла низ живота скрутил болезненный спазм, мышцы сжались, заставив беззвучно охнуть. Кажется, игры закончились. Для меня так точно. словно издалека, сквозь шумевшую в ушах кровь слышала ироничный голос Марка:

— Ого, решил сразу по-серьёзному?

Ричард не ответил, не сводя с меня странно напряжённого взгляда. Я шагнула, внутри всё замерло от предвкушения, а натянутые до предела нервы задрожали. Опёршись ладонями на плечи мужчины, я встала на колени по обе стороны — кресло оказалось просторным для двоих. В нос вдруг ударил горьковато-терпкий аромат, я невольно вдохнула глубже, и в голове неожиданно странным образом чуть прояснилось. Ладони гостя тут же легли на мою попку, опять — непривычно нежно, придерживая, а не сминая до синяков. Сердце дрогнуло и сорвалось в галоп, я даже растерялась на несколько мгновений и замерла в нерешительности.

— Просто садись, — снова повторил Ричард едва слышным шёпотом, в котором я не уловила властных ноток.

Он в самом деле просил, и смотрел так, будто кроме нас здесь никого не было. И его глаза. Я вдруг поняла, что сквозь золото проглядывает настоящий цвет радужки, и от нахлынувшего удивления даже возбуждение притихло. Ричард тихонько потянул вниз, напомнив о своём желании, и я послушно опустилась, чувствуя, как гладкая головка легко скользнула по шелковистым складкам и дальше, в меня. Давно готовое лоно приняло в себя до конца, мышцы тут же сжались, одарив волнойпряного удовольствия, и я всё-таки не сдержалась. Тихо, беспомощно застонала, прижимаясь ближе, изогнувшись, чувствуя, как горячий, напряжённый член проникает ещё дальше, глубже, и... Что-то было по-другому. Неуловимо отличалось, едва ощутимыми оттенками. Может, в том, как аккуратно меня придерживали, или в том, как нежно пальцы Ричарда поглаживали мою попку под кружевом платья. А может, в его враз потемневшем взгляде, в котором не было ничего тёмного, а лишь яснее проступившее сожаление, немного досады и ещё какие-то эмоции, разобрать которые я не смогла.

Но ни следа голода или жажды, которыми горели взгляды Марка, Джефффри, Джонаса и Катрины. Да, конечно, Ричард был возбуждён не меньше, чем я. Об этом говорило его учащённое дыхание и находившееся во мне очень даже твёрдое достоинство. Но... Ладони придерживали, не давая шевельнуться, поднялись на поясницу, мягко привлекая к себе, и губы Ричарда коснулись моего уха.

— Не думай ни о чём, — на грани слышимости зашептал он. — Закрой глаза. Двигайся медленно, Мари. Тебе удобно?..

От последних слов снова накрыло удивлением, и я едва заметно вздрогнула, не сразу осознав, что от меня хотели. Тёплые, мягкие губы нежно коснулись шеи, подарив невесомый поцелуй, и вдоль спины скатилась россыпь щекочущих мурашек. Нежность. Непозволительная роскошь, о которой я позволила себе лишь немного помечтать втайне, а получила только иллюзию, под которой крылась всё та же тёмная бездна порока. Ричард не играл, я это чувствовала, и тем страннее и непривычнее было происходившее. Он... не презирал меня за то, какая я? Как бесстыдно и послушно вела себя у него на глазах?..

— Да... — выдохнула я, повинувшись мягкому нажатию, и сделала медленное движение

бёдрами.

Изнутри пришло новое, непривычное, но оттого не менее приятное ощущение, и его хотелось продлить. Я приподнялась и снова плавно опустилась, задохнувшись от эмоций, захлебнувшись этой мягкостью и нежностью. Меня словно омыло свежестью, и на смену тёмной бездне пришло... Что-то другое, чему я пока не могла подобрать названия. Невероятно: находясь в комнате с другими гостями, остро ощущая на себе взгляды, вместе с тем я в самом деле словно отрешилась от всего. Погрузилась в размеренные движения, неторопливые и тягучие, приносившие облегчение и тихое наслаждение.

— Вот и хорошо-о... — горячо прошептал Ричард и одарил ещё одним щекочущим поцелуем. — Потерпи, это ненадолго...

В наше уединение ворвался насмешливый голос Джеффри:

— Смотрю, наш гость сполна оценил умения моей супруги и слегка увлёкся, да? Может, тогда закончим играть? — вкрадчивые нотки мне очень не понравились, я замерла, почувствовав укол страха.

Ладонь Ричарда успокаивающе погладила поясницу и прижала чуть крепче.

— Предлагаю последнюю партию, — на удивление спокойно отозвался он, так и не отпуская меня.

Я не поняла, как мои руки обняли его шею так, будто Ричард оставался единственным спасением в этом безумии, творившемся вокруг. В душе проснулась тихая благодарность, что, сидя к ним спиной, я не видела больше ни Джеффри, ни Джонаса, ни что там делала Катрина. Даже Марка замечала лишь краем взгляда. А ощущение наполненности, эта непривычная неторопливость окунали в свежие, удивительно нежные эмоции, уносящие с собой тёмное вожеление. Осталось лишь чистое, тягучее наслаждение, густое и чуточку пряное. Оно не сжигало изнутри, не требовало немедленного удовлетворения. Оно медленно заполняло тело, проникая в каждую клеточку, принося спокойствие и одновременно волнение. Я снова отрешилась от окружающего, прикрыв глаза и тихо вздохнув, голова сама прислонилась к Ричарду, а руки обняли его крепче.

— Согласен, — хриплый голос Джонаса послышался словно издалека. — Хватит игр, пожалуй.

Всего на миг снова кольнул страх, но тут же около уха зазвучали тихие-тихие слова:

— Мы сейчас выиграем, Мари. Я попрошу принести бокал вина. Ты это сделаешь, не перед креслом споткнёшься и выльешь его на меня. Поняла?

Мне было так хорошо покачиваться на волнах неторопливого наслаждения, что я не стала вдумываться в смысл услышанного, а лишь снова выдохнула:

— Да...

Мои бёдра продолжали размеренно двигаться, как и твёрдый ствол внутри, и это было чудесно. Неужели так бывает?.. Без жёсткости, без унижения, без пошлости и грязи. Неужели я ещё способна просто получать удовольствие, не приправленное больше ничем? В горле вдруг встал ком от острого осознания глубины собственного падения, от жалости к себе глаза защипало, и я сильно прикусила губу, сдерживая всхлип. Нет, не буду плакать, эти эмоции сейчас совершенно лишние. И кто знает, если Джеффри и Джонас их почувствуют, не прекратится ли всё прямо сейчас, и вечер для меня закончится в той самой комнате для наказаний?.. Я старалась не думать о том, что случится, если Ричард и Марк не выиграют. Я верила этому мужчине, оказавшемуся единственным нормальным среди всех. Слово почувствовав, что со мной творится, он молча, медленно погладил по спине под платьем, а

потом мягко нажал, прижимая ближе и проникая глубже.

Я длинно выдохнула, широко распахнув глаза, тело окатила жаркая волна тягучего удовольствия, и реальность снова на время отодвинулась, оставив наедине с этими переживаниями. И я наслаждалась ими... Губы сами потянулись к открытой шее, прижались к тёплой коже, я вдохнула тонкий аромат, исходивший от Ричарда. Тихий восторг от осознания, что происходящее — не грязно, не развратно, кружил голову и щекотал грудь, хотелось обнять сильнее, прижаться, но... Я сдерживалась, понимая, что нельзя. Иначе не вырвусь отсюда, из этой клетки. Надежда, что Ричард в самом деле пришёл за мной, окрепла и превратилась в уверенность. Оказывается, во мне ещё осталось что-то, что не сломалось, не покорилося тёмным порокам.

Довольный голос Ричарда прозвучал, как самое сладкое признание:

— Партия.

Он выиграл!.. Ох, а вдруг Марк первый озвучит желание?! Я не хотела, отчаянно не хотела, чтобы он снова прикасался ко мне и вернул в чёрную бездну, из которой я только-только вынырнула! Но Ричард успел.

— Мари, принеси вина, — мягко попросил он и отстранил, поймав мой взгляд. — Думаю, прежде, чем продолжим, нам обоим нужно промочить горло, — с хрипловатым смешком добавил мужчина, блеснув в полумраке глазами.

Золотистая плёнка с них не пропала, но я видела, что это не то, йебдиа что у Джонаса и Джеффри. Не знаю, как Ричард этого добился, рассмотреть можно было только с очень близкого расстояния. Как сейчас. Вряд ли Джеффри или Марк подойдут настолько или вообще обратят внимание.

— Как скажете, — пробормотала я, с неохотой слезая с его колен.

Ощущение пустоты внутри принесло волну разочарования, но я постаралась сдержать эмоции и направилась к буфету у стены, где заметила бутылку и бокалы. Вспомнила, что предстоит сделать — споткнуться и вылить вино на Ричарда. Ох, а смогу ли так, чтобы выглядело естественно?! Я же не актриса! Разволновалась, порадовавшись, что гости и хозяйева видят меня со спины, нервно облизнула губы и едва не плеснула мимо бокала, взяв бутылку. Эти несколько шагов обратно показались самыми долгими в жизни. Я смотрела только на бокал, не желая видеть ни Джеффри, ни Джонаса, ни Катрину. Ощущение, что я в шаге от спасения, стало настолько острым, что дыхание на миг пресеклось, а в глазах потемнело. Наверное, ещё поэтому получилось так легко зацепиться пальцами босой ноги за край ковра и на самом деле почти упасть с испуганным вздохом.

Рубиновая жидкость выплеснулась из бокала и оставила на белоснежной рубашке Ричарда безобразное бордовое пятно, слишком напомнившее кровь. К горлу внезапно подкатил комок, и только сильная рука мужчины, поймавшая меня, не дала рухнуть на пол. В гостиной повисла тяжёлая тишина, я не смела поднять голову, со страхом ожидая дальнейшего. Возбуждение утихло, затаилось, придавленное напряжённым волнением.

— Твоя супруга крайне неуклюжа, Джеффри, — я аж вздрогнула, услышав холодный, с отчётливыми нотками раздражения, голос Ричарда.

Он всё так же сидел в кресле и крепко держал меня за руку, не давая никуда уйти, и я замерла испуганным зверьком. Казалось, все в комнате слышат, как колотится моё сердце. На мужа было откровенно боязно смотреть...

— Я поговорю с ней на тему учтивого обращения с моими гостями, — тоном, не предвещавшим мне ничего хорошего, произнёс Джефф. — Могу даже позволить

присутствовать при этом... разговоре, — я была уверена, что муж сейчас жёстко усмехнулся. — Горничные почистят и приведут рубашку к утру...

— Право наказания, — перебил его Ричард, и слова камнем упали в наступившую тишину.

Я не знала, что это, и поэтому страх усилился, ледяной лапой сжав горло. Мелькнула сумасшедшая мысль, что я ошиблась, что Ричард такой же, как они, и ему нужен был лишь предлог...

— Ричард в своём праве, — обронил Марк, разрывая гнетущую тишину. — Твоя супруга в самом деле обидела его, Джефф.

Меня обожгло ощущение чужого, злого взгляда, и я не удержалась, осторожно посмотрела в сторону мужа. Он всё так же сидел на диване, с застывшим лицом, и только глаза жили. Горячие колодцы живого огня, в которых клубилась ярость. Пальцы Джеффри стискивали волосы Катрины, не давая той пошевелиться, я мельком заметила, что у Джонаса его достоинство обмякло в пальцах гостя. Рывком отбросив от себя Кати, Джефф встал, не сводя с меня взгляда, поправил беспорядок в одежде и вытянул руку.

— Подтверждаю, — каким-то чужим, скрипучим голосом произнёс он.

Я расширившимися глазами смотрела, как на его ладони разгорается оранжевое марево, окончательно подтверждая, что он... не человек. Ричард между тем тоже поднялся, застегнул штаны и, не глядя, небрежно усадил меня в кресло. Потом подошёл к Джеффри и сжал его ладонь.

— Я забираю Мари к себе, и она останется со мной до утра, — жёстко произнёс он, даже не оглянувшись на сжавшуюся в комочек меня. — Я лично накажу её так, как считаю нужным, — добавил Ричард, и я уловила в его голосе вкрадчивые нотки.

Стало совсем страшно. Я не понимала, что происходит, и в самом ли деле Ричард хочет помочь, или просто воспользовался ситуацией, чтобы заполучить меня в личное распоряжение и... делать со мной всю ночь, что захочет. Надежда трепыхалась в клетке, не в силах расправить крылья, и я с дрожью ждала, что дальше.

Сияние окутало скреплённые руки мужчин, и Джеффри, всё так же глядя на меня, прежним голосом коротко произнёс:

— Принято.

Мареву вспыхнуло и рассыпалось в воздухе золотистыми искрами, после чего Ричард повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Поехали, — обронил он и протянул руку.

Под взглядами остальных я молча поднялась с кресла и на подгибающихся ногах подошла к Ричарду, вложив дрожащие, холодные пальцы в широкую ладонь мужчины. Кожу словно кололи сотни невидимых иголок, и я даже думать не хотела, что ждёт утром, по возвращении. Полагаю, следующее наказание, похлеще того, которое было утром. И без всякого удовольствия для меня. А ещё, куда мы поедем и... что ожидает *там*, в незнакомом доме и с незнакомым мужчиной? Ричард, крепко сжав мою руку, стремительно вышел из гостиной, я едва поспевала за ним, а в коридоре вдруг остановился, обернулся, посмотрев на мои босые ноги, и в следующее мгновение я оказалась у него на руках. От неожиданности издала тихий возглас, вцепившись в шею Ричарда, и осторожно покосилась на него.

— Сволочи, — процедил он сквозь зубы, прижав чуть крепче.

Я не поверила своим ушам. Сглотнула сухим горлом и осторожно спросила:

— А... куда вы меня повезёте?..

— В безопасное место, Мари, — смягчив тон, ответил Ричард и ласково улыбнулся.

Жёсткое выражение пропало с лица, и вдруг нахлынуло такое облегчение от его слов, что глаза защипало от навернувшихся слёз. Я отвернулась и прикусила губу, но сдержаться не получилось, и у меня вырвался сдавленный всхлип. По щеке сползла солёная капля, и я зажмурилась, а потом всё-таки обняла Ричарда за шею двумя руками и беззвучно расплакалась, давая волю эмоциям. Отчаяние, тоска, облегчение и стыд — всё смешалось, выходило бурным потоком, как гной из раны. Не помню, как мы покинули дом, и в себя пришла, только осознав, что сижу в экипаже, на коленях Ричарда, и мы куда-то едем. На мне по-прежнему был лишь непристойный кружевной пеньюар, и я сжалась, пытаюсь хоть как-то прикрыться. Вернулось замешательство, словно за порогом дома Джонаса с сознания спала пелена, не позволявшая выбраться из вязкого болота порока. Я больше не могла называть это место своим домом...

— Ну всё, всё закончилось, — пробормотал Ричард мне в макушку, обняв и покачивая, как ребёнка. — Всё хорошо будет, Мари.

Я ещё судорожно всхлипывала, цепляясь за него, как за единственную твёрдую скалу в зыбком мире неуверенности, окончательно поверив, что в самом деле меня спасли. И растерялась, забыв все вопросы, которые хотела задать. Затихла, прижавшись к Ричарду, слушая размеренный стук сердца и согревшись в сильных объятиях. Навалилась усталость после всего пережитого, эмоции схлынули, оставив опустошение. Сколько мы ехали, не знаю, я погрузилась в зыбкую дрему, наконец-то чувствуя себя в безопасности. Когда экипаж остановился, Ричард погладил по плечу и тихо позвал:

— Мари, мы приехали.

Я встрепенулась и выпрямилась, но тут же обняла себя руками, острый приступ стыда опалил лицо огнём. Мой спутник молча снял камзол и закутал в него, потом снова взял на

руки и вынес из экипажа. На улице уже сгустилась темнота, и я лишь заметила, что особняк небольшой, двухэтажный, и свет в окнах не горел. Мы вошли в холл, тоже тёмный, и Ричард уверенно направился к лестнице наверх.

— Я живу один, обхожусь без слуг, — объяснил он прежде, чем я успела что-то спросить. — Меры безопасности, — добавил непонятную фразу, и беспокойство снова шевельнулось в груди.

Меня донесли до двери одной из комнат на втором этаже, и Ричард ногой открыл её. За ней оказалась... спальня. Паника метнулась к горлу горьким комком, я вздохнула, а выдохнуть не могла. Мой взгляд не отрывался от широкой кровати с резным изголовьем, накрытой шёлковым стёганным покрывалом тёплого золотисто-коричневого цвета. Неужели... Ричард поставил меня на пол и развернул к себе лицом.

— За дверью уборная, — заговорил он, глядя в глаза. — Я пока спущусь на кухню и соберу поесть. Ты же не ужинала? — уточнил мой вероятный спаситель.

— Н-нет, — тихо ответила я, крепче сжав края камзола.

Он создавал иллюзию защищённости, а ещё, в нём было тепло.

— Полотенце и халат на крючке, — продолжил объяснять Ричард. — К сожалению, другой одежды нет, — он вздохнул и тут же улыбнулся. — Но халат длинный и тёплый.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами, снова запутавшись в эмоциях. Так друг или нет? Накормить собирается, даже помыться предложил... А дальше что? Плата за спасение? Ричард вдруг обхватил моё лицо ладонями, тихонько погладил большими пальцами, улыбка стала мягкой.

— Мари, я тебе ничего плохого не сделаю, — он словно прочитал мои мысли — они, наверное, отражались во взгляде. — Ты в самом деле в безопасности здесь. Приходи в себя, я принесу еды.

После чего Ричард развернулся и вышел, оставив меня одну. Вот так просто, не угрожая и не запрещая покидать спальню. Впервые со вчерашнего вечера я в самом деле осталась одна. Всклипнув от облегчения, поспешила в уборную, скинула камзол и сняла платье, забралась в ванну, включив воду. Я тёрла себя до красноты, стараясь избавиться от ощущения чужих рук и губ на теле, и то и дело поглядывала на дверь. Войдёт или?.. Настороженность ещё оставалась, я чутко прислушивалась, ловя малейший звук. Но всё было тихо. Вдруг вспомнилось, как Ричард двигался во мне, плавно, размеренно, и я задохнулась от вспыхнувших ощущений. Желание, разбуженное на вечере и тлевшее где-то в глубине души, растеклось по венам, сердце забило быстрее. Моя рука с мочалкой дрогнула, взгляд опустился вниз...

Неожиданно захотелось повторить, снова почувствовать. Без грязи и пошлости, только лишь упоительное, томное наслаждение. Я задышала чаще, лёгкое смущение смешалось со страстью, и ладонь сама скользнула по напряжённым вишням сосков, заставив тихо охнуть. Пальцы разжались, выронив мочалку, и... медленно скользнули между шелковистых складок. Меня ведь никто сейчас не видит, правда? Я сильнее сжала бёдра, прикрыв глаза и выдохнув, пальцы проникли дальше, глубже, одарив острой вспышкой удовольствия. Ладонь обняла грудь, подушечки нежно сжали твёрдый бутон, и перед глазами засверкали звёзды... И вдруг нахлынуло осознание, как выгляжу со стороны, *что* делаю... Мучительный стыд смыл зародившееся возбуждение, я осела в воду, прикусив губу и всклипнув. Боже. Я мечтаю о мужчине, который меня спас, вытащил из этого ада, пусть даже ненадолго, до утра. Делаю то, чему научили брат и муж... Испорченная.

Зажмурившись, сглотнула рыдания, быстро ополоснулась и вышла, вытершись досуха и закутавшись в большой махровый халат. Я утонула в нём по самый нос, он закрывал до ступней и дарил ощущение уюта и защищённости, хотя под ним я оставалась полностью обнажённой. Снова надевать кружевной пеньюар ужасно не хотелось. Облизнув губы и кое-как успокоив разошедшиеся эмоции, я коснулась ручки и осторожно приоткрыла дверь, выглянув в спальню. Ричард сидел в кресле у камина, на столике рядом стоял большой поднос с тарелками, и при виде снеди мой рот наполнился слюной, напомнив, что ела я последний раз довольно давно. Выскользнув из уборной и сжав ворот халата, я тихонько подошла к свободному креслу и опустилась на край, подобрав под себя ноги.

Ричард выглядел расслабленным и задумчивым, поглаживая пальцами подбородок и глядя в тлеющие угли. С моим появлением он встрепенулся и улыбнулся уголком губ.

— Приятного аппетита, Мари, — пожелал он, когда я потянулась к тонко нарезанной ветчине.

— Благодарю, — кивнула я и спросила. — Кто вы?

Может, Ричард и собирался дать мне спокойно поесть, но любопытство начало грызть изнутри, требуя удовлетворения, да и настороженность притаилась на дне души, не давая до конца насладиться покоем и уютом. Слишком резкий контраст по сравнению с тем, что было всего час назад...

— Охотник за демонами.

Ответ прозвучал настолько неожиданно, что я поперхнулась и закашлялась, пытаюсь осмыслить только что услышанное. Ричард с невозмутимым видом налил в стакан сока и протянул мне, ничуть не удивлённый моей реакцией.

— Понимаю, звучит странно, но ты и сама поняла, да, что те, в чьём доме ты оказалась, не совсем люди? — Ричард пристально посмотрел на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сделав несколько больших глотков, я пришла в себя, вспомнила всё, что произошло со мной со вчерашнего вечера... Зябко поёжилась и кивнула, отведя взгляд.

— Кто они? — пробормотала, всё же поддавшись желанию и забравшись в большое, уютное кресло с ногами.

— Инкубы, демоны тёмной страсти, — спокойно объяснил Ричард. — Питаются эмоциями, возникающими во время близости, как ты уже догадываешься, наверное. Чем больше и сильнее, тем лучше.

Горло снова пересохло, и я потянулась к стакану с соком. Аппетит резко пропал. Да, я догадывалась, но... Теперь услышала страшное подтверждение.

— М-мамочки... — вырвалось у меня сиплым шёпотом, и я допила сок, оставив пустой стакан и глядя в камин остановившимся взглядом. — Почему я?! — вырвался вопрос, от страха похолодели пальцы на ногах и руках, и я глубже зарылась в халат, как в спасительный кокон.

— Ты — девственница, сирота, и о тебе никто не позаботится, — продолжил объяснения Ричард. — Они сделали глубокую привязку, сделав тебя своей... — он замаялся, а потом всё же закончил мысль. — Постоянной едой. Посадили на зависимость от себя. Ты ведь пробовала их кровь? — Ричард покосился на меня.

— З-зависимой?.. — запнувшись, прошептала я, не веря своим ушам. — Как?.. Что за привязка?

Вопросы сыпались из меня, как горох из дырявого мешка, и несмотря на страшную

истину, я хотела знать всё, до конца. Ричард вздохнул, потянулся ко мне и взял за руку, мягко погладив. В первый момент я вздрогнула и чуть не выдернула ладонь, но прикосновение тёплых пальцев оказалось неожиданно приятным.

— Обычных женщин надолго с демонами не хватает, — тихо заговорил Ричард, глядя мне в глаза. — А им нужно много и часто. Они ищут девственницу, желательно, у которой нет родственников, или убирают этих родственников, ждут, пока она расцветёт, — тут я снова вздрогнула, вспомнив рассуждения Джонаса про яблоко, — а потом привязывают к себе. Обязательное условие — первый раз не должен быть насильем. Девушка должна получить удовольствие. Это первый уровень, самый низкий. После него ещё можно освободиться от зависимости.

А я вспомнила... Вечер после помолвки. Непристойные ласки Джонаса, горячий шёпот Джеффри... Стало снова стыдно, щекам — горячо, и я зажмурилась, отвернувшись. Да, я получила удовольствие, сполна. Джон и жених постарались.

— Какой второй? — едва слышно спросила, собравшись с духом.

— Их кровь, — тем же тихим голосом продолжил Ричард, согрев дыханием мои ледяные пальцы. — Она придаёт сил, усиливает вожеление и вызывает привыкание. Связывает вас невидимыми узами, — каждое слово вонзалось в сердце кинжалом, и я даже не заметила, как по щекам снова потекли слёзы. — Ты не сможешь уже без неё, Мари. Без них. Тебе будет всё время хотеться их крови, ты будешь жаждать удовлетворить страсть, любым способом. Им достаточно прикоснуться к тебе или поцеловать, и твоя воля исчезнет. Останется лишь безудержное желание.

Господи. Они говорили правду, я не смогу без них. Уже сейчас, от одних только воспоминаний о вчерашнем, об утре, о Марке, низ живота скрутил болезненный спазм, а притаившееся возбуждение дало о себе знать. Меня ведь раздражали, напоили этой самой кровью перед началом, а потом... Пришлось уехать. Я подняла полный ужаса взгляд на Ричарда и одними губами спросила:

— И... мне придётся сегодня вернуться к ним?..

Ответ моего спасителя принёс облегчение и одновременно усилил тревогу:

— Нет, Мари, до утра ты останешься здесь, со мной.

— А... А как же?.. — растерянно переспросила я, чувствуя, как начинаю тихонько дрожать.

И непонятно, от потрясения услышанным или... от проснувшихся желаний.

— Я всё расскажу по порядку, — успокоил Ричард. — Третий уровень привязки — свадьба. Кольцо на твоём пальце. По их законам, ты принадлежишь им, и все твои эмоции — тоже. Джефффри и Джонас — братья, поэтому, связав себя с одним, ты связана и с другим.

Мой взгляд упал на золотой ободок на пальце.

— Оно не снимается, — пробормотала, вспомнив свои попытки.

— Да, потому что это не простое кольцо, а артефакт, — Ричард осторожно коснулся украшения. — Снять его может или кто-то из них, или ты сама — после смерти обоих.

В гостиной воцарилась тишина. Я смотрела на кольцо и понимала, что при мысли о смерти моих хозяев не испытываю ничего. Ни страха, ни сожаления. Если это освободит меня... Подняла глаза на Ричарда и тихо спросила:

— Это возможно?..

— Да, — коротко ответил мужчина и чуть сжал мои пальцы. — Я скажу, как, Мари. Мне потребуется твоя помощь.

— И я стану свободной? — уточнила, подавшись вперёд от нетерпения.

— От них — да, — улыбка Ричарда стала отчётливее.

Свобода. Какое сладкое слово!

— Что мне надо сделать? — я не сводила с него глаз, надежда внутри расправила крылья.

— Ты можешь подобраться к ним так близко, как я не смогу, — заговорил Ричард дальше. — Инкубов не убить обычным оружием, у них есть вторая ипостась, практически бессмертная. Единственный яд, который ослабит их настолько, что они останутся в человеческом виде и станут уязвимы, это — кровь им подобных. Суккуб.

Мне хватило нескольких мгновений, чтобы догадаться.

— Катрина? — переспросила я, и Ричард утвердительно кивнул. — Почему они не распознали, что ты обычный? — вдруг возник вопрос, я покосилась на собеседника.

— Амулет, — просто ответил он и вытащил из-за ворота рубашки тонкую цепочку. — Он реагирует на мои эмоции и благодаря ему меняется цвет моих глаз. Именно так инкубы опознают своих.

— О, — я с интересом уставилась на каплю тёмно-синего цвета, оплетённую тонкими серебристыми нитями. — Он... магический? — не слишком уверенно спросила, всё-таки странно было принять, что вокруг меня происходят не совсем обычные вещи.

— Можно сказать и так, — Ричард спрятал кулон обратно, и мой взгляд невольно задержался на ямочке между ключицами, видной в вырезе рубашки.

Снова мелькнули воспоминания о том, как сидела у него на коленях, и щёки залил жаркий румянец, а по телу разлилось знакомое томление. Я отвела глаза, нервно облизнулась и сильнее сжала края халата, пытаясь успокоить дыхание. Не буду, не буду поддаваться!.. Ведь это всё не моё, это потому, что меня напоили демоны!..

— Что мне с этой... кровью делать? — немного сиплым голосом поспешно спросила я и схватила с тарелки кусок копчёной грудинки, надеясь едой отвлечься от бродящего в крови возбуждения.

— Надо напоить Джеффри и Джонаса, — казалось, я всей кожей ощущаю на себе внимательный взгляд Ричарда, но смотреть на него опасалась.

Вдруг он догадается, что со мной происходит?! Я... Я же не могу его просить... Боже, да я сгорю со стыда, ведь Ричард — не демон! Достаточно того, что он видел на этом злополучном вечере, как я бесстыдно принимала откровенную ласку Марка... Зря вспомнила, поняла в следующее мгновение. Дыхание сорвалось, а между ног горячо запульсировало. До боли в сведённых судорогой желания мышцах захотелось, чтобы по шёлковым складкам снова скользил чей-нибудь язык, проникая везде, а губы посасывали нежную плоть, даря острое, на грани, удовольствие.

— Достаточно нескольких капель, — между тем продолжил Ричард, и мне с большим трудом удалось сосредоточиться на его словах. — Я буду ждать рядом с домом, Мари. Яд подействует быстро, ты сама увидишь, и успеешь уйти...

— Я не могу выйти из дома без разрешения, — перебила, сглотнув — кровь шумела в ушах, и от скопившегося внизу живота напряжения хотелось ёрзать, чтобы хоть как-то унять проснувшиеся ощущения. — К-кольцо не даст...

— Спустишься на первый этаж и выглянешь в окно, — предложил Ричард. — Я смогу войти в дом, не волнуясь.

— А если... не успею?... — шёпотом спросила я, стиснув бёдра, мысли начали путаться, а перед глазами всё чаще мелькали непристойные картинки, одаривая вспышками ярких ощущений. — Подлить им этот яд... Джеффри сильно разозлился, — вспомнив бешеный взгляд мужа, вздрогнула, а ещё, вспомнила, что он обещал перед тем, как привести на этот вечер.

Когда я задала неудобные вопросы. «Я привяжу тебя в той комнате к кровати, Мар-ри, и мы с Джоном будем трахать тебя до утра, по-всякому, как захотим. И не давай тебе кончить, любовь моя. Ты будешь кричать и умолять, Мари, но тебе это не поможет». Я едва не зажмурилась, задохнувшись от прилившего возбуждения. Боже. *Я хотела*, чтобы меня так наказали. А ещё больше хотела, чтобы Ричард закончил объяснения и уложил на эту широкую кровать и снова оказался во мне... И двигался на этот раз не плавно и размеренно, а сильно и глубоко... Я едва не застонала, охваченная горячими эмоциями, растерянная и напряжённая, не знающая, что делать и как избавиться от этих переживаний. Ричард сказал, что только демоны смогут... Господи, нет. Нет, я не хочу!..

— Хватит пары капель, Мари, — повторил мягко мужчина, и я едва расслышала его сквозь шумевшую в ушах кровь. — Даже на твоих губах. Для тебя кровь суккубы совершенно безвредна, не бойся. Они ничего не успеют тебе сделать...

Я на это очень надеялась, но думать дальше становилось с каждой секундой сложнее. Как Ричард вычислил Джеффри и Джонаса, как нашёл их вообще, откуда узнал обо мне — все эти вопросы отошли на второй план. На первый вышло желание, жаркое, всепоглощающее, голодное. Хотелось скинуть халат, не обращая никакого внимания на Ричарда, раздвинуть ноги пошире, и... Представила, как мои собственные пальцы медленно гладят нежные складки, раздвигают их, проникая в самую сердцевину, погружаются внутрь, даря долгожданное удовольствие... Не сдержалась, зажмурилась и тихо застонала, опустив голову. Руки сами потянулись к поясу халата, и я всхлипнула, стора от стыда и вожделения.

— Мари? — послышался словно сквозь вату обеспокоенный голос Ричарда. — Что такое?..

Я не могла, просто не могла признаться ему, что со мной происходит. Он — не демон, обычный мужчина.

— Я... — выдавила из себя непослушными губами, запнулась, осознав, что вцепилась в пояс, пытаясь распутать узел. Жаркий туман заволок сознание, в нём утонули последние здоровые мысли, вместе со стыдом. Я подняла голову, дёргая пояс, посмотрела на Ричарда и едва слышно проговорила: — Я хочу... вас...

Всё. Ниже падать некуда. Я снова отвернулась, не желая видеть на его лице замешательство и жалость, или того хуже — отвращение. Краем уха уловила шорох, и вдруг мои пальцы накрыли тёплые ладони, мягко сжали, не давая справиться с поясом.

— Посмотри на меня, Мари, — мягко, но настойчиво позвал Ричард.

Не приказал, а именно позвал, и от удивления глаза сами распахнулись, встретившись с его взглядом. Мой спаситель оказался перед креслом, наклонившись ко мне, наши лица разделяли считанные сантиметры. Я запретила себе смотреть на его губы, к которым так хотелось прикинуться в долгом поцелуе...

— Ты мне доверяешь? — тем же тоном спросил Ричард.

Всего на мгновение сердце замерло, а потом ухнуло в живот, затаившись там. От неясного предчувствия внутри всё задрожало, а волнение добавило пряной нотки в коктейль, бушевавший в крови.

— Да... — выдохнула я, словно ныряя в омут с головой.

Он не сделает мне ничего плохого. Я в самом деле верила в это, чувствовала каким-то образом. Продолжая удерживать мой взгляд своими глазами — чистыми, без всякого золота, — Ричард медленно отвёл мои руки от пояса, сжал одну из них и выпрямился, потянув за собой. Я поднялась, надеясь, что колени не подогнутся, и послушно пошла за Ричардом. Он отвёл меня к кровати и остановился за спиной, обняв и мягко привлекая к себе.

— Я помогу тебе, Мари, — зашептал мужчина, согревая тёплым дыханием ухо и шею, и я прильнула к нему, прикрыв глаза и ощущая, как по телу расползается слабость. — С одним условием.

О, боже. Снова условия! Но испугаться толком не успела, Ричард продолжил, медленно распутывая узел на поясе моего халата.

— От тебя ничего не потребуется, Мари. Я всё сделаю сам, а ты будешь просто... наслаждаться, — его губы прижались к изгибу шеи в нежном поцелуе, и на коже словно распустился огненный цветок от этого прикосновения.

— Хорошо... — едва слышно ответила я, такое условие мне очень нравилось.

— Тогда подожди немного. Халат не снимай, — предупредил Ричард и отстранился.

Я замерла, дрожа от ожидания и предвкушения, кажется, впервые со вчерашнего вечера собственные желания не казались грязными и непристойными. Любопытство смешивалось с волнением, и стоило больших трудов не обернуться, услышав неясный шорох за спиной. Ричард раздевался сам?..

— Закрой глаза, — вдруг снова раздался около уха его немного хриплый голос, и я послушно смежила веки, даже не спросив, зачем.

Сердце тяжело и неровно билось в груди, внизу живота разгорался настоящий пожар, и я сжала пальцы в кулаки, чтобы не дать им проникнуть между ног и подарить мне

облегчение. А потом... Моего лица коснулась мягкая, немного шершавая ткань, и Ричард завязал повязку, окончательно лишив возможности подсмотреть. Дыхание пресеклось лишь на мгновение, страх уколол острой иголочкой и пропал. Даже воспоминание о том, как вчера вечером мне тоже завязали глаза, и чем это закончилось, не испортило предвкушения. Ричарду я верила и не боялась его.

— Не трогай повязку, — снова ласково попросил он и аккуратно потянул с моих плеч халат, снимая его.

Внутри всё напряглось, и казалось, нервы тихонечко зазвенели в ожидании прикосновений, но... Их не последовало. Я чувствовала, Ричард рядом, однако он не дотрагивался на меня, хотя я и стояла под его взглядом обнажённая. Это было странно и непривычно, возрастающее с каждым мгновением волнение мешалось с жаром возбуждения, волнами гуляя по телу и заставляя тяжело дышать.

— Ложись на кровать и подними руки, — ещё одна просьба, и пусть сказана она была прежним ласковым, с хриловатыми нотками, голосом, предвкушение пронзило сладкой молнией.

Я судорожно вздохнула, сжав пальцы, и послушно забралась на кровать. Что задумал Ричард?.. Что он собирался делать со мной? Я была уверена в одном: совсем не то, что Джеффри и Джонас вытворяли. Без грязи и похоти, иначе всё происходило бы совсем по-другому. Я легла на спину и подняла руки, как просил Ричард. Очень хотелось приглашающе раздвинуть ноги, показывая, что я готова, хочу, чтобы его пальцы прикоснулись ко мне там, где всё горело в огне. Но... Я лишь крепче сжала бёдра, вернулось смущение. Чутко прислушиваясь к звукам, уловила шорох, потом кровать прогнулась, и я ощутила, как на мои запястья легло что-то прохладное и гладкое.

— Не боишься, Мари? — заботливым шёпотом спросил Ричард, привязывая мои руки к спинке кровати. — Я просто не хочу, чтобы ты мешала себе и мне, поняла?

Любопытство, как и желание, зашкаливали за все мыслимые пределы. Я лишь кивнула, облизнув пересохшие губы, и едва слышно ответила:

— П-поняла...

— Вот и молодец, — Ричард коснулся моего рта лёгким, нежным поцелуем и сразу отстранился.

Я невольно потянулась за ним, слегка выгнувшись, собравшись в тугие бутоны соски заныли, пульсируя в ожидании ласки. Но Ричард лишь переместился куда-то к моим ногам, и я ощутила, как его ладонь обхватила мою лодыжку. Пальцы нежно погладили ямочку, обвели косточку, и я задохнулась от нахлынувших ощущений. Других, ярких, нежных, чистых. Никогда не думала, что там может быть так чувствительно, и такая простая ласка вызовет столько эмоций. А потом щиколотку тоже обвила лента... Ричард привязал и мою ногу, отведя её в сторону. Я могла шевелить, но совсем чуть-чуть, немного согнуть в колене разве что.

— Удобно? — произнёс Ричард лишь одно слово, его пальцы уже мягко поглаживали стопу, перебирая мои пальчики.

Это было... упоительно и одновременно непривычно. Возбуждение не сжигало больше, оно горело внутри ровным пламенем, согревая и растекаясь по венам густым, тягучим сиропом. Я уплывала в золотистый туман, где не было страха и унижения, а ждало лишь долгожданное удовольствие. И ни с кем делиться им не придётся, мои эмоции останутся только со мной, принося восторг и сладкое удовлетворение после. Когда губы Ричарда коснулись второй лодыжки, покрыв кожу быстрыми, невесомыми поцелуями, я невольно выгнулась сильнее, натянув связанные шёлковыми лентами руки. Он открывал мне новые грани наслаждения, светлые и удивительные. И это было... чудесно. Даже несмотря на то, что вскоре и вторая моя нога оказалась привязанной, и я едва могла шевелиться, снова

беспомощная и во власти мужчины.

Но это была другая беспомощность, и я знала, что Ричард не воспользуется своим правом сильного. Не будет заставлять делать то, что мне не нравится, чувствовать то, что я не хотела.

— Последняя просьба, — голос Ричарда, глубокий, хрипловатый, обволакивал, проникал в каждую клеточку, от него сбивалось дыхание и сердце колотилось о рёбра с сумасшедшей скоростью. — Ничего не говори, Мари. Просто расслабься и наслаждайся.

Невозможность видеть обострила ощущения до предела, кожа стала крайне чувствительной, а нервы вибрировали от напряжённого ожидания. Охватило странное чувство, будто я в шаге от чего-то волшебного и прекрасного, что освободит душу от того тёмного, которое насильно разбудили во мне демоны. Мои ноги были привязаны и раздвинуты, но ровно настолько, чтобы это не выглядело непристойно. Тишина стала плотной, объёмной, она окутала невидимым покрывалом, и я уже почти нарушила просьбу Ричарда, собираясь спросить всё же, что он задумал, но не успела.

Моих губ коснулось что-то нежное, мягкое, с тонким цветочным запахом. Погладило их, обрисовало контур, провело по лицу. От этих едва заметных прикосновений по коже пробежали горячие мурашки, я коротко вздохнула, приоткрыв рот. Роза — а это была она — спустилась на шею, оставляя за собой шлейф из обжигающих искорок, пощекотала ямочку между ключицами, и лепестки медленно скользнули по ложбинке, а потом — вокруг полушарий, не касаясь напряжённых вершинок. Я тихо охнула от всплеска ощущений, пряных и горячих, тягучих, как мёд. Они обволакивали, тело тонуло в них, а кости плавилась. И ни слова, только моё тяжёлое дыхание, да дыхание Ричарда, доносившееся до обострённого до предела слуха. Сладкая пытка продолжилась...

Бутон прошёлся круговыми движениями сначала по одному холмику, потом по другому, постепенно подбираясь к твёрдым горошинам сосков, но по-прежнему не касаясь их. Они болезненно пульсировали, посылая огненные вспышки, жаждали прикосновений, но... я молчала. Мне в самом деле не хотелось портить эти чудесные мгновения словами, просить о чём-то, умолять. Ричарду это не нужно было, он ведь сказал, что знает, что делать. Я купалась в нарастающем удовольствии, с радостью тонула в нём, не чувствуя себя больше грязной или развратной. Душа в самом деле потихоньку очищалась, и мне хотелось продолжения. Так, как считал нужным Ричард, потому что откуда-то я знала: вот так *правильно*. И ведь он ещё не прикоснулся ко мне и пальцем, не говоря о большем! Думать, что будет, когда мужчина всё-таки сделает это, было слишком притягательно, живот сжала сладкая судорога, и с губ сорвался тихий возглас. Мышцы внутри напряглись, усиливая волну удовольствия, я бессознательно попыталась свести ноги, но шёлковые путы не дали. А бутон скользил по моему телу дальше, невесомо ласкал, превращая тело в сгусток эмоций, искрящих от малейшего прикосновения.

Вот лепестки медленно опустились на торчавшую вершинку, захватили в нежный плен, погружая глубже, и я задохнулась от лавины ощущений, горячими мурашками окативших с головы до ног. Выгнулась дугой, запрокинув голову, купаясь в них, захлёбываясь от восторга. Чистого и яркого. А бутон переместился на вторую грудь, пощекотал, сорвав с моих губ очередной тихий стон, и начал неторопливое путешествие вниз, по животу. Я задрожала от предвкушения, между ног всё заныло от ожидания, жаркое томление растеклось по лону. Но... лепестки мягко обрисовали вокруг, не касаясь сокровенного, погладили внутреннюю сторону бедра, одного, другого, и скользнули вниз. Я беспомощно захныкала, дёрнув руками

и попытавшись приподняться в попытке догнать, вернуть. Услышала тихий смех Ричарда, но не обидный, не торжествующий. Мужчина ничего не говорил, в самом деле оставляя меня наедине с наслаждением, не мешая и не требуя рассказывать о своих ощущениях. И это тоже было удивительно и непривычно.

Я и не думала, что моё тело настолько чувствительное, что будет отзываться на малейшую ласку. Лепестки невесомо скользили по ступне, оглаживая пальчики, и я невольно поджимала их, судорожно вздыхая и погружаясь всё дальше в золотистый туман. Время остановилось, осталось лишь удовольствие и эти безумно нежные ласки, смывавшие со меня всю грязь и чужие прикосновения. Вот снова бутон поднялся к животу... Я невольно затаила дыхание, дрожа от напряжённого ожидания, кусая губы и прислушиваясь к малейшим звукам. Ноги раздвинулись, насколько позволяли путы на лодыжках, я снова приподняла бёдра, безмолвно умоляя о продолжении... И Ричард сжалился. Шелковистые лепестки дотронулись до влажных складок, медленно провели по ним, и я тихо вскрикнула, ослеплённая новой вспышкой ощущений. Замерла на самой грани, тяжело дыша и дрожа всё сильнее. Уже мало было лепестков, хотелось чуть больше, чуть сильнее... Мышцы внутри сжались, живот отозвался тягучей истомой, а лепестки продолжали нежно дразнить, то быстрее, то почти останавливаясь, и мои бёдра послушно двигались за ними, подхватив плавный ритм. Удивительным образом он передался всему телу, проникая в дальние уголки, заставляя трепетать от этих деликатных прикосновений и унося всё дальше к долгожданному освобождению. До него оставалось совсем чуть-чуть, только бутона уже не хватало, но я не смела просить, не желая разрушать волшебство, что создал для меня Ричард.

В какой-то момент ожидание стало невыносимым, мне казалось, я вот-вот разлечусь на сотни осколков, а роза... вдруг покинула моё лоно, вновь медленно поднявшись наверх, к груди. С моих губ сорвался разочарованный вздох, и я всё же не сдержалась.

— Ри-и-ичард... Пож-жалуйста... — тихо всхлипнула, заёрзав на покрывале, тело сгорало в огне, разбуженном уже моим спасителем.

Очищающем и ярком, светлом и упоительно сладком. Мужчина ответил не сразу, сначала подразнил ещё напряжённые, набухшие соски, отдававшиеся болезненной пульсацией на легчайшие ласки. А потом цветок пропал, и я затаила дыхание, дрожащая, напряжённая до предела, наполненная эмоциями до краёв. Почувствовала, как на подушку по обе стороны от меня опёрлись ладони, и мои губы согрело тёплое дыхание.

— Готова?.. — хриплым, низким голосом тихо спросил Ричард, и я быстро закивала, слепо потянувшись вперёд в желании получить поцелуй.

Настоящий, а не как раньше. Я хотела, чтобы его рот взял в плен мой, нежно и настойчиво, выпил воспоминания о других губах, других поцелуях... Но Ричард задумал другое. Ещё несколько мучительных мгновений ожидания, показавшихся самыми долгими в моей жизни, и вдруг горячие ладони поднырнули под мою попку, мягко приподняли, а потом... Ричард угадал мою безмолвную просьбу, только его жаркий рот подарил совсем другой поцелуй. Он прижался к моей горевшей плоти, мягко и безумно нежно, как я и хотела, язык осторожно погрузился в шелковистые складки, безошибочно найдя спрятанную между ними жемчужину удовольствия. Провёл по ней, осторожно нажал... И я выгнулась навстречу, длинно застонав, захлебнувшись от горячего восторга, плеснувшего в голову. Он растёкся по телу прямой волной, принося долгожданное облегчение, а Ричард не отпускал, вновь и вновь прикасаясь к средоточию удовольствия, продолжая ласкать, и мгновения растянулись в вечность. Я потерялась в тягучей неге, растворилась, жадно впитывая в себя

эмоции и ощущения, наслаждаясь ими сполна, и сама распускаясь, как бутон, заново рождаясь. Но... где-то на самой границе сознания оставалось лёгкое чувство незавершённости, и я знала, что мне надо.

Когда Ричард наконец отстранился, аккуратно сняв повязку с моего лица, я тяжело дышала, то и дело облизывая сухие губы, перед глазами плавали серебристые звездочки. Наши взгляды встретились на мгновение, и я заметила и расширенные зрачки Ричарда, услышала его такое же рваное дыхание, как у меня. На рельефной груди поблёскивала испарина, и мне до боли в пальцах захотелось прикоснуться, провести по гладкой коже. Доставить ему такое же удовольствие, как он мне. Почувствовать наконец Ричарда внутри... И тогда наслаждение будет полным. Стыд и замешательство исчезли без следа, их смыли чудесные переживания, которые подарил мне этот мужчина. И в его глазах не было той жажды обладания, которую я видела у Джеффри и Джонаса. Тёмной и пугающей, порочной. Ричард хотел меня, я это чувствовала каждой клеточкой, и одновременно понимала, что он слишком хорошо воспитан, чтобы воспользоваться ситуацией и моей беспомощностью. Только я не собиралась давать ему шанс проявить благородство. Не сейчас, нет, не время.

— Р-ричард... — выдохнула, не сводя с него глаз, и сглотнула, почувствовав, как щёки всё же потеплели. — Хочу с тобой... — выговорила непослушными губами, умоляюще глядя на него. — Пож-жалуйста...

Я видела, как он боролся с собой, и понимала, что он хотел подарить этот вечер только мне — для того и забрал таким хитрым образом от Джеффри и Джонаса. Но я хотела другого. Мне нужно было почувствовать себя принадлежащей другому мужчине, обычному, не демону, чтобы понять: я не настолько распушенная и порочная, чтобы получать удовольствие только от... тех, кто насильно показал мне тёмную сторону страсти. Я не хочу от них зависеть, не так! Наверное, Ричард прочёл все эти разрозненные, лихорадочные мысли в моём отчаянном взгляде, потому что вдруг резко выдохнул, и на его лице появилось решительное выражение. В следующую минуту он наклонился к моим ногам и одним движением освободил лодыжки из шёлковых пут, а потом сильное тело мягко прижало к покрывалу. Губы Ричарда накрыли мои, пока его пальцы распутывали ленты на запястьях, и на сей раз поцелуй вышел настоящий. Настойчивый, нежный, но вместе с тем страстный и горячий. Ещё не до конца успокоившиеся эмоции после недавно пережитого взметнулись обжигающими искрами, обсыпали кожу, вновь наполняя кровь огнём. Мои руки наконец стали свободными, и я с невнятным, тихим возгласом обвила шею Ричарда, привлекая ближе, открывая рот шире и заставляя его сделать поцелуй глубже, чувственней.

Моих ушей коснулся ещё один шумный вздох, и я даже не заметила, когда Ричард избавился от штанов, при этом не отрываясь от моих губ. Я была слишком увлечена поцелуем, и другими, не похожими на прежние ощущениями. Язык Ричарда поглаживал, медленно проникал внутрь, словно пробуя на вкус. Его губы мягко прихватывали мои, посасывали, мой спаситель нежно прикусывал и тут же зализывал, и я тонула, тонула в волшебных переживаниях. *Так* меня ещё не целовали, и вряд ли дождусь от Джонаса или Джеффри чего-то похожего. Не хочу больше думать о них... Желая как можно скорее избавиться от тёмных воспоминаний, я прижалась к Ричарду низом живота и приглашающе развела ноги. Снова охватило желание, тягучее, как карамель, но стыдно за него не было. И когда я ощутила, как в меня мучительно медленно проникает каменно-твёрдый член, даря долгожданную наполненность, я тихо застонала от избытка эмоций, подавшись навстречу. Мышцы послушно сжались, а Ричард одним рывком вошёл до конца, на мгновение замерев и прижав к кровати сильнее. Я даже не заметила, в какой момент наши пальцы переплелись, а поцелуй стал неторопливым, томительно нежным.

Ричард пил мои вздохи и стоны, начав двигаться размеренно, заставляя выгибаться, принимать в себя глубже с каждым толчком. Я будто скользила с огромной высоты горки, постепенно набирая скорость, дрожь внутри нарастала. Я отчаянно желала быть ещё ближе, чувствовать полнее, и мои ноги обняли Ричарда, впуская его дальше, до сладкой боли. Хотелось сильнее, быстрее, но я не смела просить, отдавая дыхание Ричарду, не размыкая наших губ. Давая ему возможность провести меня совсем другой дорогой наслаждения, показать совершенно иную его сторону. Светлую, чистую, во сто крат ярче и сильнее, чем то, что давали демоны. Потому что меня не имели, заявляя право сильнейшего, меня... любили?.. Мысль утонула в накрывшей с головой волне удовольствия: движения Ричарда стали быстрее, чаще и сильнее, поцелуй перестал быть нежным. Сильные руки стиснули в крепких объятиях, губы впились в мой рот, забирая дыхание, и я выгнулась сильнее, с ликованием ощущая, что вот-вот снова сорвусь в пропасть наслаждения. Только не тёмного и вязкого, а воздушного, восхитительно лёгкого и волшебного. В груди бился крик, я

захлёбывалась в эмоциях, бесконечно падая назад, и наконец выгнулась, зажмурившись, растворяясь в долгожданном облегчении. Глухо, длинно застонала в губы Ричарду и поймала его низкий стон, совпавший с особенно сильными толчками. Меня снова накрыло сверкающей волной, и реальность на несколько мгновений померкла, оставив наедине с удовольствием, которое никто не торопился отнимать...

Сердце стучало тяжело и неровно, дыхание оставалось прерывистым, как и у Ричарда. Жарко выдохнув мне в шею, отчего по всё ещё крайне чувствительной коже разбежались щекотные мурашки, он осторожно обнял меня и лёг на бок, бережно прижимая. Я прислонилась щекой к тёплой, немного влажной коже, медленно провела пальцами и прошептала, чувствуя, что щёки мокрые:

— Спасибо...

Это в самом деле было чудесно. С моих припухших губ не сходила улыбка, по телу разливалось приятное томление, и совсем не хотелось думать о том, что ждёт за пределами этого дома. Ладонь Ричарда медленно провела по моим спутанным волосам, спустилась на спину и погладила, замерла на пояснице.

— До утра можешь спать спокойно, — шепнул он, его голос сохранял хрипловатые нотки.

Я едва заметно вздрогнула, поёжившись. Всего лишь до утра... Я помнила, что мне предстоит сделать, а ещё хотелось всё-таки получить ответы на остальные вопросы, прежде, чем вернуться обратно. Надеюсь, ненадолго. А вот следующие слова Ричарда откровенно напугали.

— Пока есть привязка, ты нуждаешься в их крови, Мари, — он продолжал тихонько поглаживать, и я невольно прижималась крепче в стремлении получить защиту и заботу. — Тебе может стать плохо без неё.

Сглотнув, я шёпотом уточнила:

— Эта... потребность исчезнет, когда их не станет?

— Да.

Короткий ответ притушил беспокойство, и я длинно вздохнула, прикрыв глаза. Задать следующий вопрос не успела, Ричард отстранился и предложил:

— Пойдём в ванную?

Я кивнула, неожиданно засмутившись под его взглядом. Не жадным и порочным, а каким-то мягким и ласковым, в котором притаилось восхищение. На несколько мгновений охватила неловкость, вернулось ощущение грязи — перед глазами мелькнули картинки того, что со мной делали демоны... И Ричард знал, или по крайней мере, догадывался, уверена. Как он после этого может прикасаться ко мне и не испытывать брезгливости?! Удариться в переживания я не успела, Ричард поднялся и взял меня на руки, направившись к уборной.

— Как ты их нашёл? — спросила я, пока мы шли, и так легко оказалось отбросить официальность.

Было бы странно по-прежнему называть Ричарда на «вы» после всего, что только что произошло между нами. Я старалась не думать, что ждёт меня после того, как... он разберётся с моими хозяевами. Я ведь останусь совсем одна, без родных и поддержки. Покосилась на Ричарда и отметила его мрачное лицо.

— Амулет отреагировал, — коротко ответил он, ногой открыв дверь в уборную. — Ещё два года назад, случайно встретил. Но мне пришлось уехать из страны, надолго, — Ричард помолчал, пока я слушала, затаив дыхание, поставил на пол, придержав за талию. — Я

думал, что успею, я ещё тогда понял, что они задумали, когда увидел тебя рядом с ними, — мой спаситель одарил меня долгим взглядом и включил воду. — К сожалению, инкубы осторожные твари, и подобраться к ним очень сложно, — Ричард нахмурился и покачал головой, потом помог мне забраться в ванну. — Я вернулся две недели назад и сразу хотел проведать тебя, но не рискнул, опасаясь навлечь подозрения. Они не могут вычислить нас, охотников, но не подпускают к себе никого постороннего. И особенно берегут своих... — Ричард замялся, отведя взгляд, опустил в воду и потянул за собой, усадив между согнутых колен. — В общем, тех, кого выбрали. Я боялся, что, если не подготовлюсь, сделаю тебе только хуже. Наблюдал издали, думал, что успею до свадьбы, даже получил приглашение на помолвку, — он обнял и уткнулся в макушку, помолчал. — Не думал, что они так... поторопятся. Прости... — глухо добавил Ричард, крепче сжав меня.

Я погладила его руку, прижавшись к широкой груди.

— Ты не знал, — тихо ответила, не зная, как утешить.

— Я хотел найти способ связаться с тобой и передать кровь суккубы, — продолжил Ричард. — До того, как они привяжут тебя к себе. Опасался спугнуть, чтобы они не спрятались с тобой где-нибудь в другом месте.

— А... Марк и Катрина? — поколебавшись, спросила я дальше. — Как ты их нашёл?

Ричард хмыкнул мне в волосы, чуть-чуть расслабился, и его ладонь легла на мою грудь, мягко погладив.

— Тут было просто. Я проверил всех их друзей и сделал так, что Катрина заметила меня. Демоницы менее подозрительны, а Марк доверяет своей сестре. Он поверил, что я из своих, и пригласил на этот вечер. Дальше было уже просто, я подстроил ситуацию, при которой смог забрать тебя из этого дома к себе.

— А почему они отпустили? — я откинула голову Ричарду на плечо, прикрыв глаза и наслаждаясь бережными прикосновениями, от которых по телу разливалось приятное тепло.

— Право наказания, — ответил он. — Если чья-то... собственность проявит неуважение к гостям, они сами выбирают, как наказать за провинность. И хозяева не могут возразить. Другое дело, что обычно всё-таки это происходит на территории инкубов, и в присутствии хозяев, да, — теперь уже две ладони Ричарда неторопливо поглаживали мою грудь, обрисовывая бутоны сосков, едва прикрытых водой, и я млела от этой нежной ласки. — Им нравится наблюдать, упиваться эмоциями, беспомощностью и покорностью, — голос Ричарда звучал совсем тихо, его руки замерли, обхватив мои уже налившиеся тяжестью полушария. — И они делают всё, чтобы получить это сполна от своих... избранниц.

Я прерывисто вздохнула и прикусила губу, глядя, как руки Ричарда медленно скользят вниз. Кровь сделалась густой и вязкой, стало жарко, и вновь проснулось желание. Неужели это демоны сделали меня такой... ненасытной?..

— Джеффри был... очень недоволен... — выдохнула я, слегка выгнувшись под ладонями мужчины.

— О да, — с тихим смешком, в котором слышалось удовлетворение, отозвался Ричард, проведя ладонями по моим бёдрам, и тёплые губы коснулись изгиба шеи. — Ещё бы. Увели из-под носа желанную игрушку, — в последних словах прорвалась злость. — Но ты ведь не игрушка, Мари, не для этих тварей, — понизив голос, добавил Ричард и снова поцеловал чуть ниже уха. — Мне так жаль, что я не успел, правда...

— Ничего, — запнувшись, пробормотала, длинно вздохнув и раздвинув колени — проснулся чувственный голод, требуя удовлетворения. — Ведь это закончится скоро,

правда?..

— Правда, — шепнул Ричард, блуждая губами по плечу и шее. — Мари... Есть ещё кое-что, — помолчав пару мгновений, произнёс он, погладив внутреннюю сторону моих бёдер, и я невольно приподнялась, вцепившись в его руки. Меня уже затягивало в водоворот проснувшихся эмоций, и сопротивляться им я не могла.

— Что? — выговорила непослушными губами, изнывая от предвкушения, горячая дрожь ожидания покатила по телу.

А Ричард всё медлил, не спеша прикоснуться к моему приглашающе раскрытому лону. После его слов мелькнула опасливая мысль, что... я ведь сутки провела с демонами, и могут быть последствия для меня. Очень серьёзные. По спине прошёл холодок, чуть притушив пожар желания, я облизнула губы и едва слышно спросила:

— Я... могу оказаться беременной?

Боже, нет. Только не это. Я не смогу жить, если... рожу от Джеффри или Джонаса. И кем будет этот ребёнок?!

— Нет, что ты, обычная женщина не может забеременеть от демона, — успокоил Ричард, и его руки вернулись на мою грудь, отчего я испытала острый укол разочарования. — Только суккубы. Полукровок у них не бывает. А вот эмоции они получают от людей, с себе подобными... близость у них лишь для физического удовольствия. Его инкубам нужно много... Я это и хотел тебе сказать.

Пальцы Ричарда играли с моими напряжёнными, ноющими сосками, ласкали мягко, нежно, не причиняя боли. И снова я окунулась в восхитительные переживания, такие же яркие, как недавно, будто и не было между нами ничего.

— Даже когда привязка пропадёт, — горячий шёпот Ричарда опалил мою шею, заставив выгнуться навстречу и ещё шире развести ноги, безмолвно требуя совсем других ласк, откровеннее и жарче. — Ты уже отравлена их кровью, Мари... Ты будешь привлекать гораздо больше внимания, чем обычные женщины... — он обвёл подушечками набухшие бутоны, отчего я прерывисто вздохнула и вцепилась в его запястья, настойчиво потянув руки ниже.

Туда, где всё уже горело, болезненно пульсировало. Я с трудом воспринимала его слова, разум затуманился, жажда получить ещё порцию восхитительного наслаждения, чистого и светлого. Вкусного, сладкого, без горчинки неправильности и непристойности.

— Ты не сможешь сопротивляться своим желаниям... — продолжил шептать Ричард, и я почувствовала, как к попке прижимается уже напряжённый, горячий член. Я хотела снова ощутить его внутри, хотела принадлежать только Ричарду. Пусть даже и всего лишь до утра... — И мужчины рядом с тобой тоже не смогут устоять. Мари, тебе будет очень сложно жить, понимаешь? — в голосе мужчины, уже слегка охрипшем, послышалось отчаяние.

Или показалось? Думать становилось сложнее с каждым мгновением, и сейчас слова Ричарда доходили до меня с трудом. Я чуть повернулась, закинула руку назад, обвив его шею, и притянула к себе, приоткрыв рот и до покалывания в губах желая получить поцелуй. Обсудить, что будет после того, как из моей жизни исчезнут Джеффри и Джонас, можно и позже... У нас ведь есть время до самого утра. А с Ричардом мне хорошо, очень, и хотелось ещё лучше. С ним я не чувствовала себя грязной и падшей, хотя он и знал, что я побывала в руках двух демонов. Но я также знала, что Ричард не воспользуется этими знаниями, не пойдёт по их стопам и не сделает меня своей персональной игрушкой. Жадный поцелуй смял мои губы, но вместе с тем в нём присутствовала нежность, которой мне так не хватало.

Издав невнятный возглас, я извернулась, так же жадно прижимаясь к его рту, отвечая с не меньшей страстью, чем Ричард целовал меня, и села верхом на его бёдра, бесстыдно прижавшись шелковистыми складками прямо к твёрдому достоинству. Я уже не боялась своих желаний, не считала их грязными. Не с Ричардом, нет. Он показал мне другую сторону страсти, за что я была ему бесконечно благодарна. И хотела ответить тем же, доставить не меньшее удовольствие, чем он мне. Осмелев, я приникла к Ричарду, обвив руками шею, чувствуя, как напряжённые бутоны сосков потираются о его грудь, одаривая вспышками острых, болезненно-сладких ощущений. Приподняла бёдра так, чтобы нежная плоть скользнула вдоль каменно-твёрдого ствола, погружая в знакомую истому. Она растеклась по телу, проникая в каждую клеточку, воспаляя кровь и туманя разум. Я хотела Ричарда всем своим существом, всей измученной душой. Хотела принадлежать ему, и чтобы он

принадлежал мне, чтобы брал меня так нежно, как умеет только он.

Сильные пальцы сжали мою попку, Ричард шумно выдохнул мне в губы, и я глухо застонала, приподнявшись настолько, что гладкая головка дразнила моё лоно, то и дело задевая горячо пульсировавшую чувствительную точку. Я задохнулась от ощущений, вцепившись в пряди на затылке Ричарда, крепко зажмурилась, впитывая их всем существом. Растягивая эти мгновения, наслаждаясь ими. Он хрипло выдохнул, и горячие губы сомкнулись на острой вершинке, мягко втянули, посасывая. Язык обвёл тугой шарик, играя с ним, и с моих губ сорвался короткий стон. Я выгнулась, откинув голову, чуть-чуть опустилась, позволив твёрдому члену скользнуть внутрь совсем немного, и снова поднялась. Замерла на миг и снова опустилась, медленно, смакуя, чувствуя, как напряжённый ствол раздвигает мышцы, проникает в меня, даря восхитительную наполненность. Я опять застонала, длинно и низко, подалась навстречу жадным губам, продолжавшим ласкать мою грудь, изголодавшуюся по этим прикосновениям. Нежным и одновременно настойчивым, упоительно сладким. Пальцы Ричарда мяли и поглаживали мою попку, и я прижалась сильнее, раздвигая ноги шире, впуская глубже и растворяясь в жаркой неге, охватившей тело.

— Да-а-а... — выдохнула, тихонько дрожа от переполнявших эмоций, вцепившись в плечи Ричарда и оставляя отметины от ногтей.

Он тихонько зашипел, когда я пошевелилась и сжала мышцы, и его губы, прихватив тёмно-розовую вишню соска, оттянули, плотно сжали, отчего по коже словно брызнули обжигающие ручейки. Я тихо всхлипнула и начала двигаться. Размеренно, неторопливо, то почти останавливаясь, опустившись на всю длину, до сладкой боли где-то в глубине, то поднимаясь так, что напряжённый ствол почти выходил из меня. Волшебное... Ричард не мешал мне наслаждаться, я слышала лишь его тяжёлое, хриплое дыхание, ощущала блуждавшие по груди губы и язык. Ладони гладили мои бёдра, возвращались на попку, поднимались к пояснице, мягко направляя, он двигался вместе со мной, подстраиваясь под рваный ритм и усиливая острое удовольствие, пронзавшее молниями до самых кончиков пальцев. Тело плавно изгибалось, сделавшись податливым, тонуло в пряно-медовой истоме, наполнившей меня до краёв. Мои ладони заскользили по плечам и груди Ричарда, ощупывая крепкие мышцы, повторяя рельеф, и его руки тоже переместились — точнее, одна рука. Она погладила самый низ живота, несильно надавила, заставив откинуться, и умелые пальцы проникли между шелковистых складочек.

Горячая волна окатила с головы до ног, и я окончательно потерялась в ощущениях, забыв про всё. Судорожно вздохнула, выгнувшись сильнее и прижавшись к ласкающей руке, подставляясь под неё без всякого смущения. Уже не хотелось неторопливости, хотелось быстрее, резче, глубже, до искр перед глазами. Вторая ладонь Ричарда оказалась на моём затылке, он пригнул меня к себе, накрыв рот очередным настойчивым и страстным поцелуем, и одновременно подушечкой пальца нежно нажал на чувствительную точку. Я глухо вскрикнула, дёрнувшись, ослеплённая невыносимо яркими, на грани переживаниями, и больше Ричард не позволил мне быть главной. И я с радостью подчинилась. Потому что этому мужчине хотелось отдаваться по доброй воле, не потому, что он так желал, а потому что мне самой это нравилось.

Ричард на несколько мгновений оторвался от моих губ, обжёг потемневшим взглядом, в котором бушевал настоящий огонь, и хрипло выдохнул:

— Сейчас... Сейчас, моя хорошая...

А потом вдруг резко поднял, выходя из меня, отчего я чуть разочарованно не застонала,

и развернул, крепко сжав попку. Я задрожала от предвкушения, послушно положив скрещенные руки на край ванной, широко раздвинув ноги и выгнувшись до ломоты в пояснице, раскрываясь перед ним. Уже мало было нежности, тело жаждало другого. Чтобы Ричард брал меня сильно, жёстко, и я захлебнулась в жаркой волне, скрутившей мышцы в судороге удовольствия, тихонько захныкав от шквала эмоций. Услышала шумный вздох, и тут же его палец медленно провёл по горящему лону, скользнул на несколько мгновений внутрь и вышел, ласково погладил трепещущий кусочек плоти. Я подалась назад, всхлипнув и прикусив губу, сторяя от нетерпения, нервы натянулись до предела. Я хотела Ричарда, хотела снова принадлежать ему без остатка. И этот сладкий миг настал. Одним резким толчком он вошёл в меня, жёстко удерживая, не давая пошевелиться, и я вскрикнула, умирая от наслаждения, плеснувшего пряными брызгами по всему телу. Перед глазами всё расплылось, я моргнула, с отстранённым удивлением увидев, как в воду упали несколько капель с ресниц. Всего на миг Ричард замер, а потом начал двигаться. Так, как я хотела, сильно, глубоко, быстро, до боли, мешавшейся с упоительным восторгом. Мир растворился в ощущениях, я перестала чувствовать своё тело, превратившись в сгусток эмоций. Острых, ярких, вкусных. Долгожданных и волшебных.

Одна рука Ричарда обвилась вокруг талии, он наклонился, прижавшись к моей спине и ладонью сжав мои руки на краю ванной. Пальцы снова скользнули между моих ног, раздвинули нежную, раздраженную плоть и добавили переживаний, перебирая и поглаживая. Я напряглась, вытянувшись в струнку, запрокинула голову, хватая ртом воздух и замерев на самой грани. Всё слилось в разноцветный калейдоскоп, я готова была взорваться в любой момент, и Ричард это словно почувствовал. Движения стали ещё быстрее, и мои мышцы сжались, стремясь вобрать до самого конца, откровенная ласка заставляла извиваться в попытке усилить лавиной накрывавшее удовольствие. И наконец я закричала, забившись в крепких объятиях, задыхаясь от восторга и сильнее подаваясь назад, насаживаясь глубже, забирая все эмоции, сколько могла. Буквально через несколько мгновений около моего уха раздался хриплый, низкий стон, в котором звучало ликование, и я снова ухнула в сладкую бездну, с радостью утонув в ней с головой...

В себя приходила медленно. Ричард усадил к себе на колени, устроив в колыбели объятий, и тихонько покачивал, касаясь невесомыми поцелуями виска, скулы, щеки, уголка губ. А я улыбалась, не открывая глаз, чувствуя, как по телу разливается приятная слабость, и в нём ещё вспыхивают отголоски пережитого удовольствия. Никакой апатии, лишь томная нега и сытость. Я уплывала на волнах дрёмы, шевелиться не хотелось вообще, и чтобы эти мгновения не заканчивались.

— Утром договорим, Мари, — услышала тихий, ласковый шёпот Ричарда, и он встал, легко подняв меня на руки.

Не помню, как он отнёс в спальню, перед этим бережно вытерев, уложил на кровать, накрыв одеялом. Уже погружаясь в сон, я прижалась к сильному, тёплому телу, устроив голову на плече, и последние мысли были о том, что я хочу так засыпать каждую ночь. И просыпаться тоже. Чтобы меня будили поцелуи и прикосновения мужчины, показавшего другую сторону страсти, и которому я с радостью буду принадлежать и отдаваться каждую ночь. Если он, конечно, захочет принять, зная, что я побывала в руках демонов... На этом я уснула, не успев окунуться в грусть и переживания от неопределённости в будущем.

Ричард прав, лучше обсудить утром. Ну или когда всё закончится, и я останусь совсем одна.

Разбудил меня поцелуй. Нежный, невесомый, и я потянулась за ним, ещё толком не проснувшись, пребывая в зыбкой полудрёме. Так не хотелось впускать реальность в спокойствие и негу, в которых я пребывала впервые со дня вечера помолвки...

— Мари, тебе пора возвращаться.

Тихий, серьёзный голос прогнал сонный туман, я распахнула глаза, молча уставившись на склонившегося надо мной Ричарда. Его пальцы медленно провели по моему носу, обрисовали контур рта, разгладили скулы.

— Хотел бы я, чтобы это утро началось по-другому, — так же тихо, с отчётливым сожалением добавил Ричард, и вновь моих губ коснулись его, мягкие и нежные.

Мои руки обвилились вокруг шеи, притягивая ближе, рот раскрылся. Я прижалась к Ричарду, отчаянно не желая отпускать, продлевая эти мгновения. Внутри уже ворочался противный, холодный комочек страха, как будто в животе образовалась льдинка. Мне предстояло вернуться... И если у меня всё получится, и Ричард избавит от демонов, то последний раз. Я не собиралась жить дальше в этом доме, продам его при первой же возможности и... наверное, уеду. Ведь мой спаситель ничего не предлагал, а напрашиваться я не собираюсь. С тем же, что я теперь отравлена кровью инкубов, как-нибудь справлюсь. Ричард коротко вздохнул, его ладонь скользнула вдоль моего тела, и я не удержалась, глухо застонала ему в губы. Он же с явной неохотой отстранился, учащённо дыша, замер на несколько мгновений и потом выпрямился.

— Я сделаю завтрак и подготовлю всё для тебя, — негромко произнёс Ричард. — Одевайся и спускайся вниз, Мари.

Я тоже села, мой взгляд остановился на пеньюаре, в котором приехала. Да, надо собираться. Молча проследила, как Ричард встал и оделся, и тоже поднялась. Привела себя в порядок и, справившись с отвращением, надела подобие платья. Зябко поёжившись и обняв себя руками, вышла из спальни, подавив порыв оглянуться. В этой комнате оставались самые приятные воспоминания, и так хотелось ещё вернуться сюда... Сглотнув ком в горле, я спустилась на первый этаж и, поколебавшись, свернула на вкусный запах, тянувшийся со стороны кухни. Присела за стол — кухня у Ричарда была совмещена со столовой, — подпёрла кулаком голову, наблюдая, как он готовит. И снова охватило ощущение уюта, того, что здесь я в самом деле *дома*. Уже стояли тарелки с нарезанным сыром и ветчиной, свежим хлебом, большой чайник с чаем и чашки. Ричард повернулся и поставил на деревянную подставку большую сковороду с пышным омлетом, глянул на меня.

— Ты не против по-простому? — он улыбнулся уголком губ, и я поспешно кивнула, чувствуя, как защипало глаза.

Через несколько часов я стану свободна. Благодаря ему. Лучше думать об этом, чем о том, что сюда могу больше не вернуться. Взяв вилку, принялась за вкусный завтрак, с аппетитом уплетая еду — силы мне понадобятся.

— А что Марк и Катрина? — уточнила через несколько минут, утолив первый голод.

— Сначала разберусь с Джеффри и Джоном, — отозвался Ричард, сев напротив. — Это важнее.

Мы помолчали, и я продолжила расспросы.

— А много вас таких, охотников?

— Не очень. Как и демонов, — он бросил на меня быстрый взгляд. — Но они хорошо прячутся, и найти их сложно среди обычных людей.

— У них ведь не у всех есть... такие, как я? — тихо спросила, отпив чая. — Как они тогда?..

— Используют обычных женщин. И мужчин, — невозмутимо ответил Ричард. — Заводят несколько любовников или любовниц сразу, используют их, пока могут. Я уже говорил, эти твари очень осторожны и стараются не убивать, но после знакомства с ним люди долго и тяжело восстанавливаются. От нескольких месяцев до года. Поэтому, если у них нет постоянного... спутника или спутницы, которых они привязывают к себе, инкубы и суккубы не живут подолгу на одном месте.

В кухне снова ненадолго воцарилась тишина. Очень хотелось спросить, что мне делать потом, дальше, но я сдержалась. Сначала надо в самом деле справиться с моими хозяевами, а потом о будущем думать. Мы в молчании закончили завтрак, а потом Ричард достал из кармана и поставил передо мной пузырёк с золотистой жидкостью.

— Держи, — произнёс он.

Я осторожно взяла и повертела в руках, открутила пробку и понюхала. Кровь суккубы приятно пахла апельсинами, и к моей тайной радости, не вызвала желания тут же попробовать, как было с мятной жидкостью. Едва вспомнила прохладный вкус, как рот наполнился слюной, и по телу прошла дрожь, и я поспешно отогнала соблазнительные мысли. Не буду больше думать об этой отраве!.. Не хочу... снова... пробовать...

— Можешь просто намазать губы, — повторил Ричард свои вчерашние слова. — Этого хватит.

— А... незаметно будет? — с сомнением переспросила я, глядя, как переливается золотыми искорками жидкость.

— Нет, — уверенно сказал он, покачав головой. — На коже она прозрачная.

Собравшись с духом, я задала следующий вопрос, чувствуя, как теплеют щёки от румянца:

— А если... меня свяжут или привяжут прежде, чем поцелуют?.. — запнулась, облизнула пересохшие губы, не отводя взгляда от пузырька с жидкостью.

Только подумав о том, что снова окажусь беспомощной, в полной власти двух злых демонов, я сначала застыла от страха, а потом по телу прошлась горячая волна, затаившись внизу живота. Вспомнилось вчерашнее наказание, и я едва не задохнулась от прилива тёмного желания. Боже, помоги, мне снова хотелось оказаться в *той* комнате... Я едва не зажмурилась и не тряхнула головой, стиснув ноги и чувствуя, как нежная плоть моментально воспламенилась и увлажнилась, требуя ласки.

— Не думаю, — серьёзно ответил Ричард. — Они же не видели тебя целую ночь, и... соскучились, — в последнем слове звучала злая ирония.

— Но поцелует только один, — я заставила себя обсуждать деликатную тему отстранённо, отодвинув эмоции. — А снова незаметно намазать губы я могу не успеть.

Ведь это план моего спасения, и только от меня зависело, успеет Ричард вовремя или нет, освободит ли от зависимости. Широкая ладонь накрыла мои судорожно стиснутые пальцы, в которых был зажат пузырёк, и я вздрогнула от прикосновения.

— Мари, целовать можно не только в губы, — мягко заметил Ричард то, что я и так знала.

Лицу стало жарче, моё волнение подскочило. Ох. Значит, намазать придётся ещё кое-

какие части тела... Я медленно подняла взгляд на мужчину, пытаюсь унять сбившееся дыхание.

— Если... Я всё-таки не смогу спуститься вниз? — спросила охрипшим голосом, упорно отгоняя настойчивые картинки, как мой палец с золотистой субстанцией касается напряжённой вершинки соска и медленно втирает в розовый бутон.

— Если через двадцать минут тебя не будет, я сам войду в дом, — Ричард смотрел мне в глаза, по-прежнему серьёзный и собранный, словно не замечая, что со мной происходит. — Мари, я тебя не брошу, — чуть тише добавил он, погладив мои сжатые в кулаки пальцы. — Не бойся.

Удивительно, но эти простые слова уняли мою тревогу. Страх спрятался на самом дне души, и я даже смогла неуверенно улыбнуться и кивнуть.

— Хорошо, — почти шёпотом ответила ему.

— Я пойду собираться, — Ричард поднялся и собрал грязную посуду.

— А эта кровь не теряет своих свойств со временем? — на всякий случай уточнила, подумав, что это прекрасная возможность подготовиться и мне к встрече с Джонасом и Джеффри.

— Она активна в течение суток, если держать открытой, — пояснил Ричард, одарил меня долгим взглядом. — Я спущусь через четверть часа, Мари.

Он вышел, а я, сжав пузырьёк, переместилась в уютную маленькую гостиную рядом. Ну что ж... Коротко вздохнув, открыла пузырьёк, устроилась поудобнее на диване и обмакнула палец в золотистую жидкость с лёгким ароматом апельсина. Поколебавшись, поднесла к губам и намазала, ожидая, что во рту тут же появится такой же привкус... Ничего. Просто влажные губы и всё. Я даже осторожно потрогала языком, но всё равно не почувствовала никаких ощущений. Обрадованная, снова вытряхнула немного субстанции на палец и опустила взгляд на грудь, едва прикрытую красным кружевом. Сквозь ткань проступали напряжённые вершинки, их уже покалывало от прилива эмоций, и у меня вырвался прерывистый вздох. Сдвинув кружево, я обнажила мягкое полушарие и прикоснулась подушечкой к твёрдой горошине соска, медленно обвела, размазывая золотистую жидкость — она тут же сделалась прозрачной, как и говорил Ричард. По телу от такой простой ласки тут же разлилась горячая слабость, я откинулась на спинку, прикрыв глаза и приоткрыв рот. Ноги сами чуть раздвинулись, в голову ударила хмельная волна желания, и палец продолжил играть с розовым бутонем, поглаживая, легонько пощипывая и мягко нажимая. Остановиться уже не могла... Возбуждение потекло по венам вязким сиропом, я сама не заметила, как начала ласкать вторую грудь, смочив палец в золотистой жидкости. Сознание заволочка пелена, я погрузилась в жаркие переживания, позабыв обо всём.

Напряжённые соски ныли, требуя больше, а ноги сами раздвинулись шире, между ними всё пульсировало, и я не выдержала. Сглотнув сухим горлом, не прекращая мять и поглаживать, я наощупь нашла пузырьёк, поднесла к влажным складочкам и вытряхнула несколько прохладных капель, стёкших прямо на нежную плоть. Негромко охнула от контрастных ощущений, окативших пряной волной, и скользнула пальцем, безошибочно найдя средоточие удовольствия. Медленно провела, растягивая сладкие переживания, тихо застонала, обмякнув, и продолжила ласкать, уверенно и откровенно. Меня ведь никто не видел сейчас. Подавалась навстречу собственным пальцам, усиливая ощущения, обводила вокруг, нежа горячее лоно. Проникала внутрь, заставляя мышцы сжиматься в болезненно-острой судороге наслаждения. Время застыло, я потерялась в эмоциях, стремительно падая в

бездну. Пальцы скользили всё быстрее, мягко нажимая и поглаживая, и наконец я выгнулась, хватая ртом воздух, захлёбываясь в долгожданном освобождении. Закричала, забывшись, крепко сжала ноги, не отнимая руки, купаясь в жарких волнах...

Тело мелко дрожало, охваченное слабостью после пережитого, а на моих губах появилась улыбка. Хорошо... И хотя где-то в самой глубине оставался отголосок неудовлетворённости, я надеялась, что полученного только что удовольствия мне хватит, чтобы пережить несколько минут наедине с Джеффри и Джоном. Не поддастся тёмной страсти, вспыхивавшей от одних только поцелуев или лёгких прикосновений. Длинно выдохнув, наконец открыла глаза, подумав, что надо бы снова намазать губы — кажется, я слизала всё, что нанесла на них. И замерла, выпрямившись, чувствуя, как моментально бросило в жар и лицо опалило смущением и замешательством. На пороге гостиной стоял Ричард, полностью одетый, в наглухо застёгнутом тёмном камзоле без украшений, и смотрел на меня. Я отметила широкий пояс, на котором висела тяжёлая кобура с торчавшей рукояткой пистолета, но это сейчас не волновало.

Ричард видел, что я тут делала. Об этом говорило его тяжёлое дыхание, потемневший взгляд, в котором горел огонёк, и вся напряжённая поза. Боже... Не знаю, почему, но даже после всего, что случилось между нами ночью, я ещё способна была смущаться под его откровенным взглядом. И это радовало, значит, не настолько я развратная, как опасалась... Отведя взгляд, я поспешно встала и взяла пузырёк дрогнувшими пальцами, поправила пеньюар.

— Ты готова? — зачем-то спросил Ричард хриплым голосом.

— Д-да, — пробормотала я, пряча глаза, быстро провела смоченным в золотистой жидкости пальцем по губам, стараясь не обращать внимания, что сквозь тонкий аромат апельсина пробивается мой собственный, сладковато-пряный, карамельный.

— Надень, — тем же голосом попросил Ричард, и только тут я заметила в его руках сложенный плащ.

Молча приблизилась, чуть не облизнув нервно губы, но вовремя вспомнила о субстанции на них. Повернулась к мужчине спиной, чувствуя, как волнение и смущение лишь возросли от его близости, и на плечи легла плотная, мягкая ткань. Ладони Ричарда легонько сжали, и горячий, тоже хриплый шёпот произнёс:

— Это было... впечатляюще. Я бы хотел, чтобы ты повторила, Мари. Для меня... И с тобой.

А я бы повторила, с радостью. И уже без стеснения. Вынув из моих пальцев пузырёк, Ричард обнял за талию, и мы вышли из гостиной и из дома. Я крепко сжимала полы плаща, радуясь такой простой заботе — всё-таки, на улице были посторонние люди. Ричард так же без слов открыл передо мной дверь экипажа, я забралась и устроилась на сиденье, он напротив, вытянув ноги по обе стороны от меня. Через мгновение мы поехали, и я невольно сжала кулаки под плащом. Пусть у нас всё получится, пожалуйста.

Экипаж остановился перед домом, который я не могла назвать своим. В груди заворочался страх, я испуганно посмотрела на Ричарда, чувствуя, как дрожат коленки. Он наклонился ко мне, глядя внимательно и серьёзно, и провёл пальцами по щеке.

— Всё будет хорошо, Мари, — тихо произнёс мужчина. — Иди.

Эти несколько шагов до крыльца показались бесконечными. Даже то, что я шла босиком, не доставляло неудобства. Я просто не обратила на это внимание. Очень хотелось обернуться, бросить взгляд на экипаж, но я сдержалась. Стук колёс, когда он отъезжал, заставил внутри всё сжаться от новой волны страха. Мысленно твердила, что Ричард где-то рядом, просто спрятался, чтобы не возникли подозрения раньше времени, но это помогало мало. Я поднялась по ступенькам, дрожа, положила ладонь на ручку двери... И она распахнулась передо мной, явив сосредоточенного и молчаливого Джеффри. Мамочки. Он так же без слов посторонился, не сводя с меня тяжёлого, залитого золотом взгляда, и я едва не споткнулась, пойманная в капкан его глаз. Джонас стоял чуть подале, скрестив руки на груди, и от его предвкушающей усмешки похолодели пальцы на руках. Звук захлопнувшейся за спиной двери прозвучал похоронным звоном, и по телу разлилась противная слабость. А дальше...

Ладонь Джеффри скользнула на затылок и жёстко захватила мои волосы, оттянув голову назад, и от боли на глаза навернулись слёзы. Муж наклонился и впился в мои губы грубым поцелуем, сминая рот, проникая языком и отнимая дыхание. Я даже не смогла порадоваться, что с одним демоном план Ричарда точно сработал... Джеффри прикусил мою губу так, что я глухо вскрикнула и ощутила во рту медный вкус, и только тогда отстранился, не отпуская волос. Ещё одни ладони сдёрнули с моих плеч плащ, провели по ним, спуская тонкое кружево пеньюара, и Джонас обнял со спины, развязав ленту-пояс и просто дёрнув полы в сторону. Пуговицы с тихим шорохом рассыпались по полу, я не удержала испуганного вздоха.

— Мы отпустили на сегодня слуг, малышка, — шепнул он горячо на ухо и медленно лизнул шею. — А одежда тебе сегодня не понадобится.

Пеньюар скользнул по телу, оставляя меня обнажённой, и дрожь отвращения смешалась с зародившимся желанием. Пока слабым, на самом дне души, но я прекрасно понимала, что — пока. Достаточно Джонасу или Джеффри разрезать запястье... Я тихо порадовалась, что позволила себе перед выходом получить удовольствие, и сейчас сытое тело не спешило отзываться без крови инкубов. Теперь ощущение, что их прикосновения делают меня грязной, стало настолько сильным, я едва не передёргивалась. Я ведь помнила *другие* ласки, другие поцелуи... Джеффри наконец отпустил мои волосы и развернулся, направившись к лестнице, и я перевела тихонько дух, стиснув пальцы так, что ногти впились в ладони.

— Приведи её в комнату, — бросил муж через плечо, поднимаясь по ступенькам, и хотя я знала, что ничего он не успеет сделать, от низкого, с рычащими нотками, голоса, пробрала холодная дрожь до костей.

— Приведу-у, — протянул Джонас из-за спины, и в следующий момент моей шеи коснулось что-то мягкое и прохладное.

Ошейник. Широкий кожаный ошейник, и спереди свисала длинная цепочка. Внутри всё застыло, я сглотнула сухим горлом, пытаясь справиться с паникой. Джеффри скрылся на

втором этаже, и я молилась про себя, чтобы яд суккубы уже подействовал на него. Осталось только, чтобы Джонас его тоже попробовал... Он прижался к моей спине, обхватил ладонями грудь, приподняв, и чувствительно прикусил мочку уха.

— Ты расскажешь, что делал с тобой Ричард, правда, малыш-шка? — мурлыкнул он, сжав соски, и его руки медленно скользнули по животу вниз. — И как тебе это понравилось?

— Д-да, — пробормотала я, чувствуя, как гулко колотится сердце в груди.

Как хорошо, что не придётся в самом деле делиться этими сокровенными воспоминаниями, принадлежавшими только Ричарду и мне. Отчаянно не хотелось, чтобы пальцы Джонаса прикасались к моему лону, снова будили то тёмное и вязкое, делавшее меня полностью зависимой от демонов. И небо услышало, ладони Джона скользнули на бёдра, и он развернул меня к себе, ухватив за цепочку на ошейнике.

— Пойдём, Мари, Джеффри уже заждался нас, — мягко произнёс он, опалив золотом своего взгляда.

Я очень надеялась, что до появления на пороге той комнаты Джонас всё же не удержится и захочет что-нибудь сделать со мной. Иначе... Придётся самой соблазнить, переступив через себя. Послушно направилась за ним, поднимаясь по ступенькам и лихорадочно обдумывая, стоит ли ждать или всё же заставить Джона приласкать мою грудь ртом. Ох, не стоило так откровенно думать!.. Соски тут же собрались в тугие горошины, и несмотря на волны страха, то и дело окатывавшие тело, от картинки, как Джонас приникает к торчавшей вершинке жадными губами, стало жарко. Мы уже поднялись на второй этаж, и до комнаты в конце, где меня ждал порочный ад наслаждения, оставалось не так уж далеко...

Наверное, Джон что-то почувствовал, или в самом деле за ночь соскучился. Потому что, когда мы проходили мимо двери в его спальню, он неожиданно резко развернулся, толкнул к стенке и прижал, подхватив ладонями под попку и легко приподняв. Мне пришлось обнять Джонаса ногами, чтобы удержаться, и раскрыться под его жадные пальцы, тут же проникшие в меня без всякой подготовки. Я вцепилась в плечи брата Джеффри, беззвучно охнув, тело задрожало, а бёдра сами подались вперёд, насаживаясь глубже.

— Непослушная девчонка, — пробормотал Джонас, и жадный рот обхватил розовый бутон, крепко, до боли прихватив и втянув.

Перед глазами вспыхнули искры, с моих губ сорвался тихий возглас, и жаркое, тёмное желание полыхнуло изнутри, лизнув раскалённым языком низ живота. Зубы брата чувствительно покусывали, посылая волны острого удовольствия, пальцы жёстко ласкали нежную плоть, погружая снова в бездонный омут. Но... я же хотела этого, это цена моей свободы.

— Я так хотел посмотреть, как с тобой будут развлекаться наши гости, а ты лишила меня и Джеффри такого приятного зрелища, — хрипло выдохнул Джонас, оторвавшись на несколько мгновений от моей груди и впившись горящим взглядом, затянутым расплавленным золотом. — Запомни, малыш-шка, — прошипел он, сузив глаза и смяв мою попку одной рукой, а пальцы второй скользнули выше, проникая в тугое колечко и срывая с моих губ ещё один стон, закончившийся всхлипом. — Другие мужчины могут тебя трахать только в нашем присутствии, поняла, Мар-ри?

— Да-а!.. — простонала я, с ужасом понимая, что тону в тёмной патоке его слов и ощущений от откровенных, грубых ласк.

Губы Джонаса сомкнулись на второй груди, терзая и мешая боль с наслаждением, и я

зажмурилась, задыхаясь от шквала эмоций. Прав был Ричард, они сделали меня зависимой от них, от того, что делали со мной. И несмотря на происходившее, я жаждала избавиться от этой зависимости. Цеплялась за воспоминания о прошедшей ночи, как за последнюю соломинку, не давая себе ухнуть в пропасть без дна, из которой не было возврата. Сколько длилось это сумасшествие, не знаю, пока Джонас не поставил меня на пол, дрожащую, возбуждённую и почти без сил. Он снова ухватил за поводок и отступил, потянув за собой. Нет, нет, мне нужно ещё несколько минут, пока подействует яд Ричарда! Я облизнула припухшие губы и умоляюще устала на Джона.

— П-пожалуйста... Мне в уборную надо... — проговорила сиплым шёпотом, стиснув руки перед собой.

Несколько мучительных мгновений Джонас молчал, склонив голову и молча глядя на меня, а потом наконец кивнул.

— Иди. Чтобы уже ничего не мешало нам, — с многозначительной ухмылкой добавил он и подтолкнул в сторону спальни.

Я с трудом удержалась, чтобы не побежать. Пожалела, что здесь нет защёлки. Покосилась в сторону ванной — очень хотелось включить воду и помыться, избавиться от ощущения прикосновений. Меня трясло, и не знаю, от чего больше, от напряжения и страха или от бурлившего в крови возбуждения. Обхватив себя руками, я мерила шагами уборную, чутко прислушиваясь и вздрагивая от малейшего шороха, чудившегося за дверью, то и дело косясь с опаской на вход. Сколько ещё надо? Достаточно или нет? Можно выходить, или там меня ждёт Джонас? Казалось, время то бесконечно тянется, то несётся вскачь, как испуганная лошадь. Наконец, ждать дальше стало невыносимо, и я взялась за ручку, задержав дыхание, как перед прыжком в холодную воду. Была, не была...

В полутёмной спальне стояла тишина. Такая ватная и густая, что её можно нарезать ножом. Я метнула взгляд на кровать, стараясь не задумываться, что на ней со мной делали, заметила тёмную, неподвижную фигуру, и испуганным зверьком метнулась к двери в коридор. Не буду проверять, получилось или нет. В последний момент показалось, Джонас — если это был он — шевельнулся и издал какой-то звук, но я уже выскочила и понеслась к лестнице, не рискнув проверить, как там Джеффри в *той* комнате в конце коридора. Спотыкаясь, сбежала в холл, чувствуя, как ресницы стали влажными от навернувшихся слёз, едва не сломала ногти, расстёгивая ошейник, и отбросила страшную вещь подальше. Потом схватила плащ и завернулась в него, ногой отпихнув пеньюар. Изнутри поднялось горькое отвращение, снова надевать *это* не было никакого желания. Стискивая края, я остановилась у окна, с беспокойством осматривая улицу, выскивая взглядом, где же Ричард. Внутри всё дрожало и поджималось от страха, возбуждение улеглось и отступило вглубь. Голова слегка кружилась от выброса эмоций, обрывки мыслей беспорядочно носились в сознании.

Я так и не заметила, как Ричард подобрался к дому и зашёл в него. Он бесшумно появился откуда-то со стороны кухни, и когда чьи-то ладони легли мне на плечи, я едва не вскрикнула от неожиданности и подскочила, испуганно обернувшись.

— Всё, всё, тише, это я, — шепнул он, крепко обняв и привлекая к себе. Отстранил на мгновение, обхватил ладонями лицо, внимательно взглядевшись. — Стой здесь и никуда не уходи, — наказал Ричард и прижался мягкими, немного шершавыми губами к моим.

Нежно, но вместе с тем настойчиво, и я с радостью ответила, прильнув к широкой груди. Какая разительная разница с тем, как брал мой рот Джеффри... Поцелуй Ричарда

успокаивал, дарил надежду и мягкое тепло, разливавшееся по телу. Он не продлился долго, но, когда мужчина отстранился, я ощущала себя гораздо лучше. Подарив мне ещё один долгий взгляд, Ричард молча развернулся и направился к лестнице, на ходу доставая пистолет. Я поспешно отвела взгляд и ушла в гостиную, забравшись в кресло и свернувшись в клубочек, дожидаясь Ричарда. Мыслей не осталось никаких, как и сожаления. Я просто не думала, что происходит сейчас наверху, мой взгляд не отрывался от простенького кольца на пальце. Ещё немного, и я наконец стану свободной.

Мгновения застыли янтарными каплями, и я сама замерла, не отводя глаз от украшения. Дом казался вымершим, ни единого звука, и когда всё-таки золотой ободок вдруг сам легко соскользнул с пальца, упав на пол и покотившись по паркету, я вздрогнула, не веря. Неужели... Но насладиться ощущением свободы не успела: тело тут же прошила молния боли, да такой, что я на мгновение ослепла, выгнувшись и хватая ртом воздух. Мышцы скрутила судорога, по венам потёк жидкий огонь, а между ног разгорелся пожар. Я тоненько вскрикнула, испуганная, растерянная, поглощённая жаркой болью, не понимающая, что со мной происходит. Тело не слушалось, ноги сами широко раскинулись, а руки потянулись к изнывавшей плоти. Внутри разрасталась голодая пустота, пожиравшая внутренности, я умирала от страсти, сжигавшей меня заживо. Глаза заволочла пелена слёз, низ живота то и дело сжимали болезненно-сладкие, острые спазмы, однако я не успела дотронуться до себя.

Чьи-то руки поймали мои запястья, аккуратно сжали, и я оказалась в тёплых, надёжных объятиях. Кажется, это был Ричард. Но я уже ничего не соображала, поглощённая странными эмоциями, перемежающимися с вспышками боли. Тело ломало, его трясло то от жара, то от холода. Меня закутали в плащ и крепко, но нежно держали, не давая раскрыться.

— Ш-ш, маленькая, потерпи, — словно издалека слышала голос Ричарда, успокаивающий и тихий, виска коснулся лёгкий поцелуй. — Сейчас всё закончится... Потерпи...

Я захныкала, пытаюсь настойчиво выбраться и погасить пожар упоительными ласками, моё лоно горело, и бёдра сами сжимались всё сильнее.

— Х-хочу-у... — вырвалось бессвязно, я пребывала в горячем тумане.

— Нельзя, Мари, не надо, — настойчиво шептал Ричард, удерживая меня и мои руки, его губы собирали солёные капли с моего лица. — Подожди немного...

Сколько это длилось, не знаю, мне казалось, кости рассыпались пеплом, и тело вот-вот превратится в сгусток огня, я перестану существовать. Но Ричард не отпускал, не давал прикоснуться к себе, и пытка бесконечно продолжалась... Пока разом всё не прекратилось. Навалилось опустошение, я размякла, а тело всё ещё дрожало, не веря в то, что ощущения пропали. В горло как песка насыпали, не осталось сил даже открыть глаза.

— Что это было?.. — едва слышно прошептала, прижимаясь к Ричарду.

— Привязки рвались, — коротко ответил он, устроив меня поудобнее на коленях. — Если бы ты сорвалась сейчас, то умерла бы в попытке удовлетворить голод, — добавил он, а я задрожала сильнее от запоздалого страха. — Хорошо, что закрепиться ваша связь не успела, — Ричард погладил по голове. — Ты пробыла с ними всего сутки, Мари. Но тебе ещё некоторое время нужен будет присмотр, приступ может повториться. Эта гадость из тебя будет выходить медленно.

Я поёжилась, сжав края плаща и спрятав вдруг загоревшееся румянцем лицо на его груди. Присмотр... От кого? Того, кто захочет воспользоваться моей беспомощностью? Я же не девственница уже, можно не беречь. Вспомнились слова Ричарда, что мужчины будут теперь проявлять ко мне повышенное внимание, и... И я не смогу устоять... Господи. А мой спаситель вдруг встал, легко подняв на руки, и направился к выходу.

— Пойдём-ка отсюда, обсудим всё позже, — решительно заявил он, и я не возражала.

Мне не хотелось знать, что будет дальше с... теми, кто оставался в этом доме. Слуг

можно рассчитать, а бывших хозяев — забыть как можно быстрее. Как и сам дом. Ведь здесь не осталось даже моих вещей, Джеффри избавился от них. Острое ощущение одиночества накрыло с головой, и я ненадолго отрешилась от окружающего, переживая свою дальнейшую судьбу. Я не знала, что делать дальше. Я никогда не оставалась одна, со мной всегда рядом была или мама, или... Джонас. При мысли о будущем становилось откровенно страшно и не по себе. Как мы доехали до дома Ричарда, не помню, осталось только смутное ощущение, что я снова сидела на коленях, в уютных объятиях, пребывая в нерадостных размышлениях. Он их не нарушал.

В своём доме Ричард отнёс меня в спальню и усадил на край кровати, присев на корточки и внимательно посмотрев в глаза.

— Мари, мне надо уйти до вечера, — негромко заговорил мужчина. — Закончить дела. Обещай, что дождёшься.

Я не удержалась от грустной улыбки.

— Боюсь, если я появлюсь на улице только в этом плаще, далеко не уйду, — ответила ему. — Другой одежды у меня больше нет.

— Тогда отдыхай, — улыбнулся уголком губ Ричард и заботливым жестом убрал мне за ухо светлую прядь. — На кухне есть еда, если проголодаешься. Я постараюсь не задерживаться.

— Спасибо, — прошептала я, горло сжалось от нахлынувших эмоций.

Он выпрямился, мягко погладил по голове и вышел из спальни, аккуратно прикрыв дверь. Я же, посидев немного, ушла в уборную и долго плескалась там, избавляясь от воспоминаний недавних прикосновений. Взгляд то и дело падал на безымянный палец, уже свободный — только едва заметный красный след указывал, что там не так давно красовалось кольцо. Я всё ещё до конца не могла поверить, что свободна, и больше не будет... всего того, что пережила за эти дни. Ещё бы избавиться от картинок в памяти, но к сожалению, это невозможно. Потом я долго лежала в горячей воде, прикрыв глаза и наслаждаясь покоем и расслабленностью, и когда меня окончательно разморило, вернулась в спальню. Видимо, сказалось напряжение утра и последовавший за ним всплеск, потому что я вдруг широко зевнула, покосилась на такую ужасно уютную кровать и, мысленно махнув рукой, залезла под одеяло, свернувшись клубочком. Мне правда требовался отдых после таких событий, а ещё — безопасность. И здесь я её ощущала в полной мере, потому почти сразу уснула, едва голова коснулась подушки.

Разбудил запах еды, и я встрепенулась, принохиваясь и ещё толком не открыв глаза. Как оказалось, проспала я почти до самого вечера — за окном опускались мягкие сиреневые сумерки. В спальне уже горел камин, наполняя теплом, а на тумбочке рядом с кроватью стоял поднос с ужином. Ричард стоял у каминной полки, немного усталый, и смотрел на огонь. На стуле я увидела аккуратно висевшее домашнее платье, вполне приличного фасона, из узорчатого шёлка насыщенного абрикосового цвета. Заметив, что я проснулась, мужчина негромко заговорил, продолжая наблюдать за пляшущими язычками.

— Твой опекун и жених на днях поехали в загородное поместье, подготовить к вашему приезду, а ты осталась дома, потому что не очень хорошо себя чувствовала. Завтра их карету обнаружат на дороге к городу. К сожалению, на них напали разбойники и ограбили, а Джонаса и Джеффри найдут застреленными, — Ричард повернул голову и посмотрел на меня. — К тебе вопросов не будет, Мари. Ты свободна.

Я выпрямилась, прижимая покрывало к груди, и потянулась к тарелке на подносе.

— От них, но не от себя и воспоминаний, — тихо ответила, избегая смотреть на Ричарда и почти не чувствуя вкуса еды.

Помолчала, подбирая с тарелки кусочки мяса, потом продолжила.

— Наверное... Я уеду из города, — мой голос звучал тихо и приглушённо. — Продам дом и уеду. Не смогу здесь жить после... всего, — я опустила голову, отодвинув тарелку и не глядя на Ричарда. — Кроме того, моя кровь отравлена, — невесело усмехнулась, переместилась ближе к краю, по-прежнему сжимая покрывало у груди.

Хотя, что там он не видел... Но ко мне вместе со свободой вернулись и другие чувства, и в первую очередь смущение. Ричард по-прежнему молчал, и мне становилось с каждым мгновением всё неудобнее. Так хотелось, чтобы он остановил, попросил остаться! Потому что сама я просто не могла этого произнести. Не после того, как побывала во власти демонов похоти. Да... Ричард помог, но ведь он сам сказал, что мужчин будет теперь тянуть ко мне. Я запуталась в сумбурных размышлениях, не понимая, чего же хочу больше. А вдруг влечение Ричарда — всего лишь действие яда в моём теле?!

— Мне пора, наверное, — не слишком уверенно сказала я, поглядывая на платье на стуле. — Вечер уже...

Отчаянно не хотелось возвращаться в пустой дом, туда, где я пережила... столько всего. Но Ричард не звал остаться здесь, а больше мне некуда идти. Ещё несколько мгновений томительной тишины, и я, собравшись с духом, всё-таки встала с постели, отпустив покрывало. Просить отвернуться было бы с моей стороны глупо после всего случившегося, а вот скрыть смущение я не смогла. Лицо пылало, я всей кожей ощущала взгляд Ричарда, и едва не споткнулась, пока делала эти несколько шагов к стулу с платьем. А когда увидела ещё и чулки с бельём... Господи, Ричард сам выбирал и покупал. Я замерла, прижав платье к груди и чувствуя, как по спине гуляют волны мурашек от того, как смотрел на меня мужчина. Нет, я не смогу под его взглядом надеть всё это, особенно нижнее бельё!

Занятая переживаниями, я опять не услышала, как Ричард подошёл ко мне, и только когда горячие ладони легли на плечи, несильно вздрогнула от неожиданности.

— Может, останешься? — шепнул он, тихонько поглаживая большими пальцами ставшую очень чувствительной кожу. — Зачем тебе возвращаться в тот дом?

Я замерла, сглотнув сухим горлом и не веря, что всё-таки услышала это. Смяла шёлковую ткань, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание, дар речи от волнения пропал на несколько мгновений. А Ричард продолжил:

— Если хочешь, я могу лечь в гостиной внизу...

— Н-не надо, — перебила его хриплым шёпотом.

Понимаю, Ричард хотел поступить правильно, но — я уже не видела в этом смысла. Даже не поворачиваясь, слышала, как он тяжело дышит, ощущала жар от его ладоней и знала: на самом деле Ричард не хочет ночевать внизу. Он хочет спать здесь, со мной, в этой спальне и на этой кровати. Держать меня в объятиях, целовать, ласкать так нежно, как только он умеет... Задохнувшись от вспыхнувших чувств, я развернулась, не дожидаясь его ответа, забытое платье упало на пол. Мои руки обвились вокруг шеи Ричарда, притягивая к себе, я прижалась к нему, стгорая от усилившегося смущения и проснувшегося желания.

— Останься со мной, — снова прошептала в губы Ричарду, с тихим восторгом ощущая, что наши желания совпадают: я отчётливо чувствовала уже напряжённый член низом живота даже через его штаны. — Пожалуйста...

Ричард коротко выдохнул, и его пальцы стремительно скользнули по моей спине,

остановились на попке и сжали, а в следующий момент он накрыл мой рот горячим, жадным поцелуем. Я раскрывалась под ним, как бутон, расцветала, уже не стесняясь своих чувств и желаний. Теперь они не казались грязными и неправильными. Отвечая с не меньшей страстью на поцелуй, плаваясь в жарких объятиях, я даже не заметила, как оказалась на кровати, прижатая к покрывалу сильным телом. Где-то по пути Ричард успел избавиться от камзола и расстегнуть рубашку, которую я теперь судорожно стягивала с его плеч, не отрываясь от губ. Его пальцы блуждали по моему телу, безошибочно находя все чувствительные местечки, заставляя изгибаться под пока ещё невинными ласками и жаждать большего. А когда Ричард отстранился на несколько мгновений, глядя потемневшим, тяжёлым взглядом, я вдруг попросила, обмирая от предвкушения и острого приступа возбуждения:

— Ричард... Привяжи меня...

И подняла руки к изголовью, не сводя с него напряжённых глаз.

Мне правда этого хотелось. Снова стать беспомощной в его руках, но не игрушкой, а драгоценной статуэткой, хрупким цветком. Расцветать под нежными, чувственными ласками, растворяться в чистых, светлых ощущениях. Не чувствовать себя грязной и порочной. Мне хотелось довериться Ричарду, потому что я знала: он не сделает плохого, не воспользуется своей властью. Он приподнялся, глядя на меня таким же напряжённым взглядом, и тихо уточнил:

— Ты уверена, Мари?

— Да, — так же тихо и твёрдо ответила, утопая в бархатной глубине его расширенных зрачков.

Без единой золотой искры. Вытянувшись под Ричардом, я терпеливо ждала, не опуская рук, а он, отстранившись, медленно оглядел меня. Широкая, тёплая ладонь провела вдоль тела, мягко огладила грудь, отчего я длинно вздохнула, прикрыв глаза, и чуть выгнулась. Ладонь пропала, я услышала шорох, а через несколько мгновений моих запястий коснулся прохладный, гладкий шёлк лент. Он обвил руки, притянув друг к другу, Ричард аккуратно привязал их к изголовью, и внутри всё замерло от сладкого ожидания. Я могла лишь легонько шевелить кистями, нежные путы держали крепко, но неудобства не причиняли. Ричард склонился надо мной, заглянул в глаза. Его лицо находилось очень близко, и мои губы приоткрылись под его горячим дыханием, безмолвно прося поцелуя. Пальцы мужчины медленно погладили мой рот, и он шепнул:

— Хорошо?..

Я кивнула, опасаясь, что голос изменит. По коже волнами разбегались мурашки, дрожь то и дело прокатывалась от шеи до кончиков пальцев на ногах, напряжение медленно нарастало. Между ног всё наливалось жаром, я крепко стиснула бёдра, задохнувшись от вспышки наслаждения. Губы Ричарда нежно прижались к моим, лаская, посасывая, заставляя раскрываться, как лепестки бутона. Сознание затопил золотистый туман, и я не сдержалась от короткого стога, потянувшись к Ричарду, послушно отвечая, впуская в свой рот. Ладони мужчины снова легли на мою грудь, поглаживая, обрисовывая твёрдые горошины сосков, но не касаясь их. По телу растеклась жаркая истома, от неё перехватывало дыхание и кружилась голова, а низ живота скрутил сладкий спазм. Ричард не торопился. Он вновь и вновь целовал мои губы, обводил их языком, ласково щекотал, проникая в рот, а ладони продолжали путешествовать по телу, оставив на время ноющую, раздражённую грудь.

Поцелуи переместились на шею, не оставляя без внимания ни единого кусочка кожи, и от каждого невесомого прикосновения на ней словно оставался огненный след. За губами Ричарда тянулся шлейф из горячих искорок, и я купалась в этих бодрящих, ярких ощущениях, плавая в его руках. Мир растворился в ласках, я почти не чувствовала тела, а когда рот мужчины накрыл призывно торчавшую вершинку, охнула в голос, изогнувшись навстречу. И снова пронзительная нежность, томительная неторопливость, от которой я задыхалась и не смела просить большего. Ричард втянул напряжённую горошину, мягко прижав языком, окутал жарким пленом, вырывая у меня тихий, беспомощный всхлип. Мужчина отстранился на несколько мгновений и осторожно подул на влажный, набухший бутон, и от резкого контраста я судорожно вздохнула, ослеплённая вспышкой острых ощущений. А потом его

рот снова согрел, вобрал в себя, нежно посасывая и щекоча языком, и я не сдержала дрожи, запрокинув голову и прикусив припухшую губу. Это было волшебным... Я умирала от медового наслаждения, медленно погружалась в безбрежный океан, ласково покачивавший на огромных волнах, и словно рождалась заново.

Ричард перешёл ко второй груди, повторив с ней всё то, что и с первой. Дыхание срывалось, кровь шумела в ушах, а нежная плоть между ног ныла и пульсировала, жаждая своей порции прикосновений. Губы Ричарда проложили влажную дорожку из поцелуев по животу, язык обвёл впадинку пупка, а ладони погладили бёдра, и они тут же послушно раздвинулись. Я широко развела колени, без всякого стеснения открывая себя, с дрожью ожидая, когда же умелый рот Ричарда доберётся до самого сладкого... Мне казалось, этот миг не настанет никогда. Мужчина выкладывал узоры из поцелуев в самом низу живота, вокруг, на внутренней стороне бёдер, его ладони поддерживали мою попку, приподнимая, но... Он не торопился дарить мне острое и такое долгожданное удовольствие. Я тихонько захныкала, заёрзала, неосознанно дёрнув руками в шёлковых путах, запрокинув голову и лоя пересохшими губами воздух. И хотя дала себе слово ничего не говорить, не портить эти восхитительные мгновения, предоставив Ричарду свободу, сдерживаться дальше стало невозможно.

— Р-ричард... Пожа-алуйста-а... — простонала я, крепко зажмурившись и подаваясь бёдрами вперёд, откровенно предлагая себя.

Эти секунды ожидания показались вечностью, а когда всё же пальцы Ричарда осторожно раздвинули нежную плоть, пока ещё не дотрагиваясь, я оказалась в шаге от того, чтобы рухнуть в сверкающую пропасть. Задрожала, издав короткий стон, мышцы внутри сжались, послав молнию удовольствия, а Ричард замер, опаяя горячим дыханием и без того горевшее лоно.

— Ш-ш-ш, Мари, — хриплым шёпотом произнёс он, и большим пальцем медленно провёл по мокрым складкам, обойдя жарко пульсировавшую точку. — Не надо торопиться...

Когда палец сменил его язык, осторожно, безумно нежно погладивший истекавшее от желания чувствительное местечко, я тихо, тоненько вскрикнула, подавившись вздохом и ослеплённая эмоциями. Натянутые нервы дрожали, готовые лопнуть в любой момент, дыхания отчаянно не хватало, а от восторга наворачивались слёзы на глаза. Выгнувшись, я попыталась прижаться к горячему рту Ричарда, но он придержал, оторвавшись от меня и заставив вновь разочарованно захныкать. Опять томительное, бесконечное ожидание... Ласковое прикосновение, всего лишь на несколько мгновений, к трепетавшему кусочку плоти, и мой очередной стон. Ричард ласкал мучительно медленно, его пальцы раздвигали шелковистые лепестки, раскрывая до предела. Язык проникал внутрь, собирая пряный сок моего желания, губы мягко приникали, и я сходила с ума от шквала ощущений, непереносимо ярких, сильных, вкусных. Послушно изгибалась в руках Ричарда, уже не сдерживаясь, что-то бессвязно шепча и с наслаждением отдаваясь откровенной ласке, его рту, пальцам, поглаживавшим изнутри. Я не знала, сколько ещё выдержу, покачиваясь на самой грани, а Ричард, будто чувствуя, отстранялся в самый последний момент, не давая мне сорваться...

Я окончательно потерялась в нежном безумии, перестав ощущать тело и осознавать себя. Остались лишь ласкавшие меня губы, язык, пальцы, заставлявшие извиваться и выгибаться до боли в пояснице. Мои хриплые стоны и вскрики металась под сводами спальни, нарушая плотную тишину, а Ричард растягивал, растягивал эту пытку

удовольствием... Пока наконец его губы не втянули горячий кусочек плоти, а язык не прижал чувствительную точку. Пальцы вошли в меня особенно глубоко, и мир взорвался сотнями обжигающих искр, острое удовольствие разметало сознание в клочья, ослепив и оглушив, и я снова закричала, уже не чувствуя тела, превратившись в сгусток эмоций. Огненная волна накрыла с головой, подхватила и закрутила в водовороте наслаждения, и я почти утонула в нём без остатка, как вдруг Ричард отстранился. Разочарование кольнуло лишь на миг, а потом меня прижало к покрывалу сильное тело, по влажным складкам скользнула гладкая, твёрдая головка, и ощущения разом стали ярче, полнее. Напряжённый ствол вошёл одним плавным, мощным толчком, заполнив до конца, и я обхватила Ричарда ногами, приподнявшись, впуская ещё глубже и сжимая мышцы.

Он хрипло выдохнул мне на ухо, замерев на несколько мгновений, а потом запечатал рот властным, долгим поцелуем и начал двигаться. Это было упоительно, волшебно и непереносимо сладко, чувствовать его внутри, подаваться навстречу и подхватывать быстрый ритм, снова взмывая на волне наслаждения. Отдаваться без остатка, забывая себя, чувствуя восхитительную беспомощность и вместе с тем наслаждение принадлежать Ричарду. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы снова довести меня до сверкающей грани, за которую мы рухнули уже вместе, и мой очередной длинный стон Ричард выпил поцелуем, долгим и нежным, крепко сжав в объятиях. Опустошённая, я затихла, прикрыв глаза и улыбаясь припухшими, искусанными губами, чувствуя, как по телу разливается блаженная расслабленность. Лениво отметила, как Ричард бережно развязал мои руки и снова прижал к себе, и я с готовностью свернулась под боком, ощущая, как сильно и быстро бьётся под ладонью сердце. Ноздри щекотал запах его кожи, чуть терпкий, свежий, и я с наслаждением вдыхала, жмурясь от умиротворения.

Ладонь Ричарда медленно погладила по плечу, убирая влажные пряди, тёплые губы коснулись моего виска. Я прижалась ближе, обвила рукой шею, а внутри зашевелилось смутное беспокойство. Мне не хотелось уходить отсюда, ни завтра утром, ни... вообще. Было всё равно, что я почти ничего не знаю о Ричарде и его необычном занятии, меня это не волновало совершенно. Главное, что рядом я чувствую себя в безопасности. Но нужна ли я ему, как ненужная обуза?.. Вдруг снова привлеку внимание демонов? Хотя, я уже не девственница и не представляю интереса, как постоянный источник эмоций. Я тихонько вздохнула, пошевелилась, рассеянно подумав, что неплохо бы в ванную...

— Ричард, — тихонько позвала, собираясь озвучить своё желание, но договорить не успела.

Он вдруг обнял крепче, перекатившись на спину и уложив на себя, и зарылся губами в мои растрёпанные волосы.

— Не уходи, Мари, — шёпотом произнёс Ричард, проведя ладонью по спине. — Зачем тебе возвращаться? Тебя там ничего не ждёт...

Я не смела верить, что слышу от него эти слова. Ведь именно их ждала в глубине души и страшилась, что он никогда их не произнесёт.

— Я смогу защитить и позаботиться о тебе, Мари, — между тем продолжал Ричард, его пальцы блуждали по спине и пояснице, вызывая россыпь мурашек по коже. — Тебя никто больше не обидит, хорошая моя, — он зарылся ладонью в мои волосы, теперь тихонько поглаживая затылок, и я жмурилась и ластилась к нему, как кошка. — Хочешь, мы уедем, у меня есть дома в других городах, и достаточно денег...

— Хорошо, — перебила я его и кротко улыбнулась, подняв голову и встретившись с

взглядом Ричарда.

Мне всё равно, в каком качестве буду рядом, жены или любовницы. После всего пережитого — уже всё равно. Да и пока что при мысли о кольце на пальце вдоль позвоночника пробежал холодок, и в груди словно ворочался большой ёж. Мне нужно время и безопасность, и всё это мог дать Ричард, не требуя ничего взамен. Мой благородный спаситель, так вовремя появившийся в моей жизни, когда я уже ни на что не надеялась. В его глазах вспыхнуло облегчение, а на губах появилась улыбка.

— Правда? — переспросил он, погладив пальцами по щеке.

— Правда, — подтвердила и потянулась за поцелуем, чувствуя, как в груди разливается счастье.

Я больше не боялась будущего, ведь в нём был Ричард. А воспоминания постепенно сотрутся, сменятся новыми, приятными и светлыми. Я верила, он приложит все усилия, чтобы я как можно скорее забыла об этих днях, проведённых с демонами. А я с удовольствием поддержу его старания, уже без стеснения и страха. Ведь теперь мои желания совпадали с желаниями Ричарда без всякого принуждения...

Полгода спустя

Я взяла поднос с накрытой крышкой тарелкой, зажала под мышкой бутылку с вином и поспешила наверх, довольно улыбаясь. Ричард сидел в кабинете, разбирая бумаги и письма, и эта комната давно не вызывала у меня неприятных воспоминаний. Как и надеялась, картинка прошлого сменилась куда более приятными. Да и не похож был этот кабинет на... тот. Небольшой, уютный, в нём кроме письменного стола и шкафа с книгами стояло большое удобное кресло у камина, где мы часто сидели вдвоём с Ричардом. Я толкнула дверь и вошла, бросив взгляд на склонённую голову, и едва появилась, он тут же выпрямился, встретив ласковой улыбкой.

— Ты забыл про ужин, — напомнила я, поставив поднос на столик у кресла, и подошла к Ричарду, запустив пальцы в волосы на его затылке.

— Прости, — покаянно произнёс он, привлекая к себе, и по телу прошлась тёплая волна.

— Я соскучилась, — чуть тише добавила, запустив ладонь за воротник его рубашки, чувствуя, как тепло стекло к низу живота и затаилось там жарким озерцом.

Желание пробудилось, разлилось по венам горячим сиропом, и сердце участилось, сбивая дыхание. Осторожность Ричарда в последние недели причиняла ощутимое неудобство, хотя для него совершенно не было причин. Муж замер, его ладонь легла на мой пока ещё едва заметный животик, и я чуть подалась вперёд, прикусив губу.

— Мари... — Ричард поднял голову, в его голосе прозвучала едва заметная тревога, но я не дала закончить.

Наклонилась, шаловливо улыбнулась и шепнула на ухо:

— А на мне под платьем только чулки. Хочешь проверить?..

Зрачки Ричарда расширились, взгляд потемнел, и я возликовала. Моя улыбка стала шире. Облизнула губы, и не давая ему придумать возражения, добавила, шалея от собственной смелости:

— Можно... по-другому...

Под его пристальным взглядом я развернулась, прислонилась к краю стола и чуть повернула голову, а потом начала медленно поднимать подол домашнего платья. Моей беременности шёл всего третий месяц, чувствовала я себя замечательно, а ещё — близости теперь хотелось часто. Гораздо чаще, чем раньше... Пусть Ричард и был обычным человеком, но по темпераменту едва ли уступал тем, на кого охотился, и меня это полностью устраивало. Вот только почему-то мой муж — теперь я произносила это слово с удовольствием и без всякого страха — решил, что моё деликатное положение требует бережного обращения. Глупый. И я собиралась ему доказать, насколько он ошибается. Край платья уже едва прикрывал бёдра, и чуть наклонившись, я одним движением задрала его до талии и легла на стол, провокационно отставив попку. Выдохнула и расставила ноги, выгнувшись так, чтобы Ричард видел: я давно готова. И даже больше... Моих ушей коснулся шумный выдох, и по телу промчалась жаркая волна предвкушения. Ладони легли на попку, погладили, а потом... Я мягко раздвинула ягодицы, чувствуя, как болезненно подводит низ живота, а разгорячённое лоно пульсирует в такт тяжёлым ударам сердца, ожидая ласки. Теперь я не стеснялась своих желаний, потому что знала: с Ричардом всё иначе, и мне

хотелось дарить ему удовольствие. По-всякому.

Когда его пальцы коснулись влажных складок, провели по ним, собирая пряный сок, я тихо охнула, выгнувшись сильнее, раскрываясь больше, впитывая упоительные ощущения каждой клеточкой. О да... Та-ак... Ричард проник в меня большим пальцем, слегка пошевелил, и тело пронзило наслаждение, сорвав с губ тихий возглас. А потом его горячий, шершавый язык медленно лизнул шелковистую плоть, игриво пощекотал чувствительную жемчужину, отчего я всхлипнула, лоя ртом воздух. Боже, как же сладко! Но хочется большего, другого... И я лишь шире раздвинула попку, раскрываясь до предела, безмолвно приглашая продолжить, но в другом месте. И Ричард принял это приглашение. Его палец поднялся выше, замер на мгновение, потом нежно обрисовал тугое колечко и мягко надавил, раздвигая упругие мышцы.

— О-ох-х... — вырвалось у меня, и я подалась чуть назад, с радостью впуская, купаясь в пряных, острых эмоциях, окативших с ног до головы.

Ричард ласкал медленно, аккуратно, подготавливая, и я плавилась от этих неторопливых движений. В крови бушевал настоящий огонь, а голодная пустота внизу живота требовала удовлетворения. Моё чуткое ухо уловило тихий шорох, звяканье — при этом палец не покидал меня, продолжая двигаться, растягивать. А когда его сменил горячий, твёрдый член, так же медленно, осторожно входя, я зашипела от избытка ощущений, вцепившись в край стола и запрокинув голову. Ричард тут же остановился, склонился надо мной, хрипло дыша, и с беспокойством шепнул:

— Мари?..

— П-продолжа-ай... — томно протянула я и шевельнула бёдрами, отчаянно желая почувствовать его в себе целиком, до конца.

Пальцы Ричарда крепко ухватили за попку, придерживая, и плавное движение вызвало целую лавину эмоций, в которых я едва не захлебнулась. Муж наклонился, прижавшись к моей спине, обжигая горячим дыханием шею, его рука поднырнула под меня и стянула тонкий батист с груди, мягко обняв полушарие. И сознание закружил разноцветный, яркий вихрь, с каждым сильным, но по-прежнему аккуратным толчком затягивавший глубже. Я подавалась навстречу, коротко всхлипывая, зажмуриваясь до кругов перед глазами, царапая сукно на столе. С упоением отдавалась этому размеренному ритму, постепенно становившемуся быстрее, чаще, и всхлипы переросли в стоны, а потом и в тихие крики. Хорошо, что мы обходились без слуг... Можно не сдерживаться и отдаваться страсти полностью, без остатка. Как сейчас. Я умирала от восторга, чувствуя, как мощно двигается во мне напряжённый ствол, и долгожданное освобождение стремительно приближалось... Ричард задвигался ещё быстрее, и к удовольствию добавилась сладкая боль, ничуть не портившая, а лишь стократ усиливавшая наслаждение. Ещё несколько мгновений я балансировала на самой грани, а потом около уха раздался хриплый стон, совпавший с моим, и мир сорвался в пропасть, и мы вместе с ним...

Я расслабленно лежала на столе, умиротворённо улыбаясь и сыто жмурясь. Знакомая ленивая истома окутала невесомым покрывалом, силы не торопились возвращаться. Ричард по-прежнему обнимал меня, его губы блуждали по основанию шеи над вырезом платья, и я ёжилась и тихонько хихикала от этой простой ласки.

— Я люблю тебя, Мари, — раздался его тихий, счастливый голос.

Длинно вздохнув, я пошевелилась, и меня тут же бережно приподняли и развернули, с беспокойством заглянув в глаза. Я же обхватила ладонями лицо мужа, погладив большими

пальцами уже чуть-чуть колючие щёки, легко коснулась его губ и так же тихо ответила:

— Я тоже, муж мой. Очень

Мой спаситель. Мой любимый мужчина. Тот, кто подарил мне спокойствие и надежду на счастье, да и само счастье. И я никогда не забуду об этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net